

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Рощина Я. М., Белова Ю. Ю. Кто перестает пить алкоголь в России?

**Максименко А. А., Дейнека О. С.,
Юринова Д. В., Чарушина Е. И.,
Бояркин К. Е.** Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян

Шталь Б. К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем

Гетман А. В., Адамович К. А. Региональные различия в доступе российских учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг.: эффекты периода COVID-19

Лисицын П. П., Резаев А. В., Степанов А. М. Поиски равновесного состояния в миграционной теории

**Экономическая
социология**
Т. 25. № 1
Январь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 25. No 1.
January 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 25. № 1.
Январь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады (Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 25. No 1.
January 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

Yuri Levada Analytical Center (Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

Я. М. Рощина, Ю. Ю. Белова

Кто перестает пить алкоголь в России? 11

А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Д. В. Юринова, Е. И. Чарушина, К. Е. Бояркин

Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян 58

Новые переводы

Б. К. Шталь, Д. Шредер, Р. Родригес

Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем..... 85

Расширение границ

А. В. Гетман, К. А. Адамович

Региональные различия в доступе российских учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг.: эффекты периода COVID-19 96

Дебютные работы

В. А. Потапова

Пересборка экономической социологии: методологические следы акторно-сетевой теории..... 117

Профессиональные обзоры

П. П. Лисицын, А. В. Резаев, А. М. Степанов

Поиски равновесного состояния в миграционной теории..... 137

Новые книги

С. Г. Пашков

«Перформативные решения в условиях системной неопределённости»: как действовала ФРС США во время мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.

Рецензия на книгу: Abolafia M. Y. 2020. *Stewards of the Market:*

How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis. Cambridge,

MA: Harvard University Press. 224 p..... 161

Конференции

И. Д. Наумов, М. И. Алиева

Научная конференция «Природно-климатические решения (Nature-Based Solutions): что Россия может предложить миру?», 16 ноября 2023 г., Москва, Россия..... 176

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

New Texts

Yana Roshchina, Yulia Belova

Who Stops Drinking Alcohol in Russia? 11

Alexandr Maksimenko, Olga Deyneka, Darya Yurina, Elena Charushina, Konstantin Boyarkin

Correlations of Compulsive Shopping with Anxiety and Depression in Russia 58

New Translations

Bernd C. Stahl, Doris Schroeder, Rowena Rodrigues

Ethics of Artificial Intelligence: Case Studies and Options
for Addressing Ethical Challenge (excerpt)..... 85

Beyond Borders

Aleksandra Getman, Kseniia Adamovich

Regional Differences in the Access of Russian School Students
to Distance Learning in 2016–2022..... 96

Debut Studies

Vera Potapova

Reassembling Economic Sociology: Methodological Traces of Actor-Network Theory..... 117

Professional Reviews

Pavel Lisitsyn, Andrey Rezaev, Alexander Stepanov

Balances in the Migration Theories..... 137

New Books

Stanislav Pashkov

“Performative Decisions in Conditions of Systemic Uncertainty”:

How the US Federal Reserve Sought Solutions During the Global Financial Crisis of 2007–2008

Book Review: Abolafia M. Y. (2020) *Stewards of the Market:*

How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis,

Cambridge, MA: Harvard University Press. 224 p. 161

Conferences

Ivan Naumov, Marina Alieva

Scientific Conference “Nature-Based Solutions:

What Russia Can Offer to the World?”, November 16, 2023, Moscow, Russia..... 176

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мы вступили в очередной високосный год (уже седьмой для нашего журнала). Часто от високосного года ждут всяких неприятностей. Хочется пожелать, чтобы в этом году никаких неприятностей не случилось.

Представляем новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья канд. экон. наук *Я. М. Роциной* и канд. социол. наук *Ю. Ю. Беловой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) «Кто перестанет пить алкоголь в России?». На основе лонгитюдного исследования авторы рассматривают факторы перехода к трезвости в России. Для анализа используется база данных репрезентативных опросов Российского мониторинга

экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ за 2006–2020 гг. Выяснено, что вероятность перехода к трезвости повышают более старший возраст, женский пол, принадлежность к мусульманским этносам, проживание в городах областного подчинения и сельской местности, беременность и рождение ребёнка женщинами, снижение уровня душевого дохода для женщин, утрата статуса занятого, самооценка здоровья как ухудшающегося при условии оценки здоровья в исходном году как плохого и очень плохого, самооценка здоровья как улучшающегося по сравнению с оценкой здоровья на исходном уровне как среднего, наличие трезвенников в семье.

В ту же рубрику включена статья «Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян» д-ра социол. наук *А. А. Максименко* (профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ), д-ра психол. наук *О. С. Дейнеки* (профессор СПбГУ), студентки Костромского государственного университета *Д. В. Юриновой*, канд. пед. наук *Е. И. Чарушиной* (доцент Костромского государственного университета) и младшего научного сотрудника СПбГУ *К. Е. Бояркина*. Целью исследования был поиск взаимосвязей склонности к компульсивным покупкам с выраженностью депрессии и уровнем тревожности. В онлайн-исследовании с помощью сервисов *anketolog.ru* и *toloka.yandex.ru* приняли участие 524 человека. Результаты опроса показали, что склонность к навязчивым покупкам связана с возрастом и полом респондентов, а также с уровнем дохода и степенью религиозности.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом книги «Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем». Авторы книги — профессор *Бернд Карстен Шталь* (Ноттингемский университет, Великобритания), профессор *Дорис Шредер* (Университет Центрального Ланкашира, Великобритания) и *Ровена Родригес* из Великобритании (компания *Trilateral Research*). В данной книге представлены примеры этических проблем из реальной жизни в сочетании с комментариями и стратегиями их преодоления. Книга опирается на метод кейс-стади. Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги — «Этика искусственного интеллекта: введение», где авторы описывают постановку проблемы и объясняют, каким образом структурирована их книга.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья *А. В. Гетман* и *К. А. Адамович* (обе — сотрудники Международной лаборатории оценки практик и инноваций в образовании НИУ ВШЭ) «Региональные различия в доступе российских учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг.: эффекты периода COVID-19». Цель данной работы — анализ региональных различий в доступе учащихся к дистанционному обучению, выполненный в парадигме географии возможностей Н. Хиллмана. При

помощи квазиэкспериментального метода прерванных временных рядов оценивалась динамика различий в охвате учащихся дистанционным обучением в 2016–2022 гг. В исследовании использовалась база данных региональной статистической отчётности.

В рубрике «**Дебюты**» представляем работу *В. А. Потановой* (студентка образовательной программы «Медиакоммуникации» НИУ ВШЭ), посвящённую книге Бруно Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию», русской перевод которой вышел в Издательском доме Высшей школы экономики в 2014 г. На языке оригинала книга была издана в 2005 г. В статье, чтобы проследить генезис идей акторно-сетевой теории, сначала рассматриваются основные положения книги Бруно Латура. Также статья содержит обзор актуальных работ в области экономической социологии, которые так или иначе наследуют этой методологии, в том числе в рамках зарождающихся направлений социальных исследований финансов (Social Studies of Finance, SSF) и социологии оценивания (Sociology of Valuation) анализируются идеи Мишеля Каллона, Дональда Маккензи, Фабиана Муньесы и др.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» публикуется материал канд. социол. наук *П. П. Лисицына*, д-ра. филос. наук *А. В. Резаева* и канд. социол. наук *А. М. Степанова* «Поиски равновесного состояния в миграционной теории» (все авторы представляют Санкт-Петербургский государственный университет). В статье предлагается рассмотреть, как принципы неоклассического подхода, превращённые в метатеоретические основания, меняли исследования миграции. Анализ включает работы А. Льюиса, Д. Харриса и М. Тодаро, В. Зелинского, М. Пиоре, О. Старка и Д. Блума. Ставятся ключевые вопросы: существует ли связь между работами настоящих авторов и их предшественников; какой вклад внесли анализируемые исследования в современное восприятие миграции; что послужило двигателем миграционных исследований этого периода, характеризуемого большинством критиков в качестве прорывного?

Для рубрики «**Новые книги**» *С. Г. Пашков* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) подготовил рецензию на издание: Abolafia M. Y. 2020. *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Книга Митчелла Аболафии предлагает взглянуть на знаменитый мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. с точки зрения тех, кто принимал критически важные решения, отразившиеся на работе рынков, понимании его участниками всей глубины кризиса и поиске выхода из сложившейся проблемы, то есть чиновников Федеральной резервной системы (ФРС) США. Книга представляет собой экскурс в историю заседаний Федерального комитета по операциям на открытом рынке (Federal Open Market Committee, FOMC) и ФРС США, на которых его постоянные представители стремились предвидеть условия надвигающегося финансового кризиса и найти благоприятное решение.

В рубрике «**Конференции**» сотрудники Европейского университета в Санкт-Петербурге *И. Д. Наумов* и *М. И. Алиева* знакомят читателя с итогами научной конференции «Природно-климатические решения (Nature-Based Solutions): что Россия может предложить миру?», прошедшей 16 ноября 2023 г. в Москве. Более 20 ведущих российских и зарубежных специалистов по проблеме изменения климата из естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин поделились мнением о потенциале использования природно-климатических решений (ПКР) в качестве средства противостояния негативным последствиям изменения климата. Конференция состояла из пяти тематических секций и закончилась общей дискуссией, в которой приняли участие молодые учёные и аспиранты, специализирующиеся на изучении различных компонентов системы Земли.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

We find ourselves at the edge of a new leap year (the seventh leap year for our journal). Normally, people expect something unexpected from it. Let us hope that this year will not bring any new troubles to us.

Now we introduce a new journal issue.

Dr. Yana Roshchina and Dr. Yulia Belova (LSES, HSE University) release a new article ‘Who Stops Drinking Alcohol in Russia?’. This paper, based on a longitudinal study, examines the factors of the transition to abstinence in Russia. The study draws on the database of the Russian Longitudinal Monitoring Survey, a series of representative surveys conducted by the Higher School of Economics for 2006–2020. Several groups of factors were identified that influence the transition of Russians to abstinence in the year $T + 1$: older age, female gender, belonging to “Muslim ethnic groups,” living in cities of regional subordination and rural areas, pregnancy and childbirth by women, a decrease in per capita income for women, loss of employment status, self-assessment of health as deteriorating if the initial health assessment was as poor or very poor, self-assessment of health as improving compared to the initial assessment of health as average, the presence of teetotalers in the family.

Prof. A. Maksimenko (HSE University), Prof. O. Deyneka (St. Petersburg University), D. Yurina (Kostroma State University), Dr. E. Charushina (Kostroma State University), and K. Boyarkin (St. Petersburg University) present their new paper “Correlations of Compulsive Shopping with Anxiety and Depression in Russia.” The aim of the study was to search for correlations between the propensity to compulsive purchases with the severity of depression and the level of anxiety. 524 individuals took part in an online survey using the services anketolog.ru and yandex.toloka.ru. The study showed that the tendency to compulsive purchases was associated with the age and gender of the respondents, as well as with their level of income and degree of religiosity.

We publish a translation into Russian of a book chapter “Ethics of Artificial Intelligence Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges.” It is authored by Prof. Bernd Carsten Stahl (University of Nottingham, UK), Prof. Doris Schroeder (University of Central Lancashire, UK), and *Rowena Rodrigues* (Trilateral Research, London). This open access collection of AI ethics case studies is the first book to present real-life case studies combined with commentaries and strategies for overcoming ethical challenges. Given the omnipresence of AI ethics in academic, policy and media debates, the book will be suitable for a wide range of audiences, from scholars of different disciplines (e. g. AI science, ethics, politics, philosophy, economics) to policy-makers, lobbying NGOs, teachers and the educated public.

Aleksandra V. Getman and Kseniia A. Adamovich (both—International Laboratory for Evaluation of Practices and Innovations in Education, HSE University) present their paper “Regional Differences in the Access of Russian Students to Distant Learning.” The aim of this study is to analyze the regional differences in students' access to distance learning, carried out in the paradigm of N. Hillman's Geography of Opportunities. Using the quasi-experimental method of interrupted time series, the dynamics of differences in the coverage of students with distance learning in 2016–2022 were estimated on the basis of regional statistical reporting forms.

Vera Potapova (student from Media Communication Studies, HSE University) presents a study inspired by the book “Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory” by Bruno Latour. In the first part of the article, the author traces the genesis of the ideas of actor-network theory developed by the French sociologist Bruno Latour as described in his book. The second part of the article provides an overview of

contemporary works in the field of economic sociology that incorporate the theoretical insights of ANT. It includes the perspectives of Michel Callon, Donald MacKenzie, Fabian Muniesa and others within the emerging domains of Social Studies of Finance and Sociology of Valuation.

Dr. Pavel Lisitsyn, Prof. Andrey Rezaev, and Dr. Alexander Stepanov (all—St. Petersburg University) provide an analytical review “Balances in the Migration Theories.” The paper aims to explore how the principles of the neoclassical approach, transformed into meta-theoretical foundations, have changed migration studies. The current analysis includes the works of A. Lewis, D. Harris and M. Todaro, V. Zelinsky, M. Piore, O. Stark and D. Bloom. The key questions of the analysis are: Is there a connection between the works of these authors and their predecessors? What contribution have the analyzed studies made to the modern perception of migration? What was the engine of migration studies of this period, often hailed as a breakthrough by most critics (and is it truly a breakthrough)?

Stanislav Pashkov (LSES, HSE University) reviews a book: Abolafia M. Y. (2020). *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*. Harvard University Press. Mitchell Abolafia's book offers an in-depth analysis of the famous Global Financial Crisis of 2007–2008. The book examines how the critical decisions made by officials of the US Federal Reserve System affected the operation of markets, the understanding of its participants of the full depth of the crisis, and the search for a way out of the current problem. The book delves into the history of the meetings of the Federal Open Market Committee (FOMC) and the US Federal Reserve, at which its permanent representatives tried to anticipate the conditions of the impending financial crisis and find a favorable solution.

Ivan Naumov and Marina Alieva (both—European University at St. Petersburg) report on a research conference “Nature-Based Solutions: What Russia Can Offer to the World?” On 16 November 2023, more than twenty leading Russian and foreign climate change experts from natural and social science shared their views on the potential of using nature-based solutions (NBS) as a means of countering the negative effects of global warming. The conference consisted of five thematic panels and ended with a general discussion that involved young scientists and graduate students specialising on various components of the Earth system.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Я. М. Рощина, Ю. Ю. Белова

Кто перестаёт пить алкоголь в России?¹

РОЩИНА Яна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент департамента социологии; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований; ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: yroshchina@hse.ru

В статье на основе лонгитюдного исследования рассматриваются факторы перехода к трезвости в России в 2006–2020 гг. Для анализа используется база данных репрезентативных опросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ за 2006–2020 гг. По результатам применения бинарной логистической регрессии выявлено несколько групп факторов, которые влияют на переход россиян к трезвости в следующем году после опроса. Повышают вероятность перехода к трезвости более старший возраст, женский пол, принадлежность к мусульманским этносам, проживание в городах областного подчинения и сельской местности, беременность и рождение ребёнка женщинами, снижение уровня душевого дохода для женщин, утрата статуса занятого, самооценка здоровья как ухудшающегося при условии оценки здоровья в исходном году как плохого и очень плохого, самооценка здоровья как улучшающегося по сравнению с оценкой здоровья на исходном уровне как среднего, наличие трезвенников в семье. Более высокие цены на алкоголь при прочих равных условиях повышают вероятность перехода мужчин к трезвости более чем в два раза. Важнейшими факторами отказа от потребления алкоголя являются естественные, то есть возраст и ухудшение здоровья. Наличие непьющих членов семьи способствует отказу от потребления алкоголя; наличие чрезмерно пьющих, наоборот, не способствует отказу от потребления алкоголя. Увеличение доли непьющих в семье и в обществе может задать образцы трезвого образа жизни как социальной нормы. Продвижение ценности здоровья в обществе будет способствовать снижению потребления алкоголя и в будущем.

Ключевые слова: потребление алкоголя; трезвость; абстинент; чрезмерное потребление алкоголя; отказ от алкоголя; переход к трезвости.

Введение

Уже более десятилетия в России наблюдается снижение объёма потребления алкоголя [Немцов, Гридин 2021]. Согласно показателю Европейского регионального бюро ВОЗ, в 2007–2018 гг. потребление чистого спирта в год на душу населения в возрасте от 15 лет и старше сократилось с 12,2 до 7,7 л [WHO 2020]. Исследователи приходят к выводу, что основной вклад в этот процесс вносит значительный рост доли людей, которые не употребляют спиртное даже иногда [Radaev, Roshchina 2021]. Их принято называть трезвенниками или абстинентами.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Социально-экономические стратегии населения по совладанию с кризисом», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

БЕЛОВА Юлия Юрьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований; доцент кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ybelova@hse.ru

Трезвенничество — распространённое явление в мире. Более половины населения Земли в возрасте от 15 лет и старше в 2016 г. воздерживались от алкоголя в течение 12 месяцев [Global Status Report... 2018: XIII]. В России, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, за 2006–2020 гг. доля трезвенников среди всех жителей в возрасте от 14 лет и старше выросла с 26,7 до 42,6%. Если среди мужчин и женщин доля трезвенников росла синхронно, то в разных возрастных группах темпы прироста отличались: быстрее всего росла доля трезвой молодёжи до 25 лет; лишь в 2020 г. резко возросла таковая среди людей старше 61 года. Это согласуется с данными ВЦИОМа, согласно которым чаще не употребляют алкоголь люди старше 61 года (51%) [Алкоголь на фоне пандемии 2021].

Хотя отказ от алкоголя может приводить к стигматизации трезвенников [Supski, Lindsay 2017], его следует считать позитивным явлением. Потребление алкоголя, в первую очередь чрезмерное, провоцирует много негативных последствий для человека, его семьи и общества в целом. В 2016 г. каждая 20-я смерть в мире была связана с алкоголем, что составляет 5,3% всех смертей [Global Status Report... 2018: XV]. Алкоголь вносит существенный вклад в преждевременную смертность: на 20–30-летних приходится 13,5% всех алкоголеобусловленных смертей. При этом данная смертность выше, чем от таких заболеваний, как туберкулёз, ВИЧ (СПИД), диабет [Global Status Report... 2018: XV] и даже коронавирус [Shokoohi et al. 2020]. Совокупные же потери от воздействия алкоголя на организм, спрятанные за другими причинами смерти, ещё более значительны [Немцов 2020].

Изменение поведения, наносящего вред здоровью, имеет множество преимуществ — от улучшения самочувствия отдельного человека до увеличения продолжительности жизни населения и снижения расходов государства на здравоохранение. Определение факторов, влияющих на решение людей отказаться от спиртного, может способствовать не только лучшему пониманию особенностей отказа от алкоголя разными группами населения, но и выявлению ориентиров сокращения пьянства, которые могут быть скорректированы мерами алкогольной политики в целях достижения устойчивых здоровьесберегающих эффектов. Кроме того, предикторы отказа от алкоголя способны помочь выявить группы людей с различной готовностью прекратить его употребление и оценить вероятность успешных попыток воздержания. В том числе это позволит обратить внимание на группы людей с низкой вероятностью прекращения употребления алкоголя, чтобы создать механизмы, побуждающие к изменению поведения в отношении здоровья.

Основной исследовательский вопрос звучит следующими образом: что влияет на вероятность перехода к трезвости людей, которые ранее употребляли алкоголь?

Объяснение в социальных науках феномена отказа от потребления алкоголя

Объяснению феномена трезвости в социальных науках посвящены экономические, социально-психологические, социологические и антропологические работы.

С экономической точки зрения прекращение потребления алкоголя может быть объяснено превышением издержек (вред для здоровья, семейного благополучия и др.) над выгодами (привлекательность ощущения опьянения, раскрепощённости в общении и т. д.) и требует специальных целенаправленных усилий. В социальной психологии концепцией естественного восстановления (*natural recovery model*) переход к трезвости объясняется с точки зрения постепенного снижения проблемного потребления алкоголя в процессе взросления за счёт «созревания личности» и усвоения новых социальных ролей [Lee, Chassin, Villalta 2013]. Этой же концепцией объясняется воздержание от алкоголя без целенаправленного лечения алкогольной зависимости [Malloch, Yates 2010: 37–38]. Для прогнозирования отказа от потребления алкоголя применяется теория запланированного поведения И. Айзена (*theory of planned behavior*), когда подразумевается, что отношение человека к употреблению алкоголя, восприятие социальных норм и ожидаемый успех от попытки отказаться от алкоголя способны просчитать намерение выполнить действия, связанные с воздержанием [Karimy et al. 2015]. Для объяснения воздержания от алкоголя с учётом роли подкреплений широко применяется социально-когнитивная теория А. Бандуры [Marlatt, Baer, Quigley 1997].

Социально-антропологические и социологические объяснения, как правило, связаны с субъективными смыслами, которые люди вкладывают в отказ от алкоголя: способ управления рисками и здоровьем; способ выражения индивидуальности и (или) аутентичности; сопротивление доминирующей культуре потребления спиртного; недовольство утратой контроля и свободы воли и т. д. (см.: [Piacentini 2009; Herring, Bayley, Hurcombe 2014; Supski, Lindsay 2017; Caluzzi, MacLean, Pennay 2020; Caluzzi, Pennay, MacLean 2020; Белова 2021; Delle et al. 2021] и др.).

Отдельный пласт исследований посвящён изучению субъективных мотивов отказа от алкоголя (см.: [Bernards et al. 2009; Britton, Bell 2015; Delle et al. 2021; Белова 2023] и др.).

Социологических исследований, обосновывающих прекращение потребления алкоголя объективными факторами, существенно меньше [Cheng, Lo 2017]. При этом значительная часть имеющихся на сегодняшний день работ посвящена отказу от алкоголя без учёта предыдущего статуса (пил человек в прошлом или нет). Например, определяются защитные факторы (*protective factors*) отказа от алкоголя [Hodder et al. 2018], которые, как предполагается, усиливают, опосредуют или смягчают подверженность риску пьянства, снижая уязвимость и повышая устойчивость к нему [Epstein et al. 2001].

Кроме того, большинство имеющихся исследований выполнены на выборках, ограниченных специфическими группами людей, а полный отказ от алкоголя чаще не рассматривается отдельно от снижения его потребления, что эмпирически не верно [Dawson, Goldstein, Grant 2013]. Тем не менее и для случая перехода к полному воздержанию, и для случая сокращения потребления алкоголя в литературе выделяются группы значимых детерминант, предсказывающих вероятность изменения алкогольных потребительских практик. В фокусе нашего исследования — полный отказ от алкоголя (прекращение его употребления), а не сокращение частоты и объёмов потребления алкоголя. Дальнейший обзор исследований опирается на работы, в которых показана связь между различными факторами и переходом к трезвости.

Результаты эмпирических исследований факторов перехода к трезвости

Возраст и пол

Современные исследования в большей степени сосредоточены на попытках объяснения нынешних тенденций сокращения потребления алкоголя лицами молодого возраста. Во многих случаях это снижение происходит за счёт увеличения числа трезвенников [Radaev, Roshchina 2021]. Чаще всего рост доли трезвенников среди молодёжи в разных странах связан не с тем, что они прекращают употреблять алкоголь, а с тем, что они не начинают его употребление (см.: [Radaev, Roshchina 2019; Room et al. 2020] и др.). Однако наряду с данным обстоятельством во всём мире фиксируется устойчивая тенденция сокращения потребления алкоголя и перехода к трезвости в позднем возрасте, что становится особенно заметно среди пожилых людей преимущественно женского пола (см.: [Brennan, Schutte, Moos 1999; Moore et al. 2005; Molander, Yonker, Krahn 2010; Platt, Sloan, Costanzo 2010; Britton, Bell 2015; Nordfjærn 2018] и др.). Женщины прекращают употребление алкоголя с большей вероятностью, чем мужчины [Chiappetta et al. 2014; Park, Ryu, Cho 2017; Nordfjærn 2018].

Семейное положение, беременность и наличие детей

Состоящие в браке имеют больше шансов перехода к трезвости, чем не связанные брачными отношениями [Chiappetta et al. 2014; Nordfjærn 2018]. При этом у замужних женщин такая вероятность выше в полтора раза, чем у незамужних [Jung 2013], и, наоборот, вероятнее откажутся от алкоголя холостые мужчины, чем состоящие в браке [Zins et al. 1999]. Обратный эффект от брака наблюдается у бывших алкоголезависимых женщин, находящихся в ремиссии, и, наоборот, брак оберегает от риска рецидива воздерживающихся от алкоголя женатых мужчин [Walitzer, Dearing 2006]. В то же время утверждается, что статус брака в целом не имеет существенного влияния на шансы стать трезвенником [Park, Ryu, Cho 2017].

Беременность повышает вероятность перехода женщины к трезвости [Kitsantas et al. 2014]. Родительство также повышает вероятность отказа от алкоголя, но только в случае появления первого ребёнка [Dawson, Grant, Stinson, Chou 2006].

Социальное окружение

Исследованиями выявлено, что наличие проблем с алкоголем в семейном анамнезе уменьшает вероятность прекращения употребления алкоголя [Jackson et al. 2001]. Злоупотребление алкоголем матерью, одноклассниками, коллегами, друзьями — факторы риска возникновения алкогольной зависимости [Jiafang et al. 2004]. Поддержка членов семьи в целом, ближайшего окружения и друзей снижает вероятность возникновения проблем с алкоголем в позднем возрасте [Moos et al. 2004].

Местность проживания

Проживание в сельской местности в целом повышает шансы умеренно пьющих воздерживаться от алкоголя, тогда как у сильно пьющих это положительно связано с риском развития алкоголизма [Borders, Booth 2007]. В отличие от городской местности, сельская является защитным фактором от рискованного алкогольного поведения [Booth, Curran 2006] и отрицательно связана с употреблением алкоголя пожилыми людьми [Li et al. 2017].

Уровень образования

Роль образования в прекращении потребления алкоголя проявляет себя по-разному в разных жизненных ситуациях. С одной стороны, детерминантой, влияющей на отказ от алкоголя, является более низкий уровень образования [Moore et al. 2005; Nordfjærn 2018]. С другой стороны, высшее образование уменьшает вероятность отказа от алкоголя [Nordfjærn 2018] и связано с увеличением потребления алкоголя [Moore et al. 2005]. В то же время утверждается, что уровень образования не влияет на вероятность прекращения потребления алкоголя [Chiappetta et al. 2014; Park, Ryu, Cho 2017] и попытки отказаться от алкоголя страдающими алкоголизмом [Chiappetta et al. 2014].

Уровень дохода

Более высокий доход (как индивидуальный, так и общий доход домохозяйства) предсказывает увеличение потребления алкоголя [Moore et al. 2005] и снижает вероятность его прекращения [Molander, Yonker, Krahn 2010]. Подобным образом высокий доход уменьшает вероятность попыток бросить пить, а низкий уровень дохода, наоборот, увеличивает шансы совершить такую попытку [Chiappetta et al. 2014]. Появление денежного долга увеличивает вероятность отказа от алкоголя [Molander, Yonker, Krahn 2010]. Также в исследованиях утверждается, что уровень дохода не влияет на шансы успешного прекращения потребления алкоголя [Chiappetta et al. 2014]. Связь потребления алкоголя с доходом, как и с уровнем образования, оценивается в целом как сложная [Molander, Yonker, Krahn 2010].

Статус занятости

На прекращение употребления алкоголя влияет скорее неизменяющийся статус безработного [Molander, Yonker, Krahn 2010], чем статус занятого. Трудоустройство, в свою очередь, снижает вероятность отказа от алкоголя [Molander, Yonker, Krahn 2010]. Примечательно, что у трудоустроенных мужчин среднего возраста благоприятные условия труда повышают вероятность снижения потребления алкоголя [Zins et al. 1999].

Наиболее противоречивые выводы существуют в отношении изменения статуса занятости. Так, согласно одним выводам, вынужденная потеря работы повышает шансы стать трезвенником [Park, Ryu, Cho 2017], согласно другим, наоборот, повышаются шансы стать пьющим, если человек был трезвенником в исходном году (относительно пожилых) [Gallo et al. 2001]. Такие же расхождения касаются вероятности увеличения потребления алкоголя [Janlert, Hammarstrom 1992; Catalano et al. 1993] и снижения [Iversen, Klausen 1986], последовавших после вынужденной потери работы. Например, ставшие безработными пожилые мужчины вероятнее увеличат количество порций алкоголя в месяц [Molander, Yonker, Krahn 2010]. Выход на пенсию также приводит к увеличению потребления алкоголя [Perreira, Sloan 2001; Vacharach et al. 2004] либо не влияет на тренды вовсе [Gallo et al. 2001].

Расовая принадлежность и религиозность

Со снижением потребления алкоголя и увеличением вероятности того, что человек попытается отказаться от алкоголя, ассоциируется небелый цвет кожи [Moore et al. 2005; Chiappetta et al. 2014]. Однако данный признак не влияет на шансы успешного прекращения потребления алкоголя [Chiappetta et al. 2014]. Вероятность перехода к трезвости увеличивают воспринимаемая значимость религиозности и личная религиозность [Krause 2003; Nordfjærn 2018]. Значимость религиозности увеличивает вероятность перехода в трезвенники почти в четыре раза [Nordfjærn 2018]. Определено, что для мусульман защитным фактором от потребления алкоголя является религиозная деятельность [Abu-Ras, Ahmed, Arfken 2010].

Личностные характеристики

Роль личностных характеристик в изменении потребления алкоголя выявляется с помощью модели структуры личности «Большая пятёрка» (The Big Five Model), которая представляет собой выделенные эмпирическим путём пять составляющих: добросовестность, экстраверсия, невротизм, согласность и открытость [John, Srivastava 1999]. Более устойчиво отказ от потребления алкоголя предсказывает добросовестность [Walton, Roberts 2004], которая как компонент «Большой пятёрки» включает такие элементы, как самоконтроль, целеустремлённость, способность планировать, откладывать удовлетворение, следовать нормам и правилам [John, Srivastava 1999]. Добросовестность отрицательно связана с рискованным поведением в целом и чрезмерным потреблением алкоголя в частности [Bogg, Roberts 2004]. Другие составляющие модели «Большая пятёрка» показывают неоднозначную связь со статусом трезвенника, однако при учёте этого факта было выявлено, что уровень экстраверсии и невротизма у трезвенников ниже, чем у потребителей алкоголя, и выше оценки добросовестности [Walton, Roberts 2004].

Состояние здоровья и его самооценка

На вероятность прекращения потребления алкоголя влияют такие индивидуальные характеристики, как самооценка плохого здоровья в целом [Zins et al. 1999; Nordfjærn 2018; Delle et al. 2021], хронические заболевания [Sarich et al. 2019], восприятие ухудшения здоровья и тип возникшего заболевания (например, рак) [Park, Ryu, Cho 2017], серьёзный медицинский диагноз [Molander, Yonker, Krahn 2010], госпитализация в предшествующем году [Molander, Yonker, Krahn 2010], худшее физическое здоровье по сравнению с хорошим [Nordfjærn 2018], а также проблемы с алкоголем [Lopez-Viets et al. 2004]. Наличие заболеваний является одним из основных факторов прекращения потребления алкоголя в большей степени для женщин, чем для мужчин в позднем возрасте [Satre, Areán 2005]. У мужчин среднего возраста большое количество заболеваний (трёх и более) связано с увеличением потребления алкоголя [Zins et al. 1999].

Некоторые данные свидетельствуют об отсутствии связи между наличием хронических заболеваний и воздержанием от алкоголя [Delle et al. 2021]. Изменения в его потреблении также отсутствовали среди большинства тех, кто имеет хроническое заболевание [Newsom et al. 2012]. Однако для 50–64-летних женщин, имеющих хроническое заболевание, вероятность отказа от алкоголя составляет 17,7%, тогда как для мужчин — 9,5% [Delle et al. 2021]. Хорошее здоровье в исходном году предсказывает лишь сокращение количества порций алкоголя в день [Molander, Yonker, Krahn 2010], но в целом оно снижает вероятность перехода в трезвенники [Nordfjærn 2018].

Как высокий, так и низкий уровень депрессии предсказывают отказ от алкоголя, однако это не влияет на снижение его потребления [Molander, Yonker, Krahn 2010]. В то же время увеличение стрессов, связанных со здоровьем у женщин позднего возраста, предсказывает снижение потребления алкоголя [Brennan, Schutte, Moos 1999].

Существует предположение, что высокая вероятность отказа от алкоголя в пожилом возрасте связана с употреблением лекарственных средств, которые не совместимы с алкоголем. Вероятность отказа от алкоголя увеличивается и в случае употребления снотворного мужчинами среднего возраста [Zins et al. 1999].

Курение

Предполагается, что отказ от алкоголя и курения имеют взаимное влияние, поэтому вероятность воздержания от алкоголя выше у тех, кто совмещает потребление алкоголя и курение, чем у тех, кто только употребляет алкоголь [Wang et al. 2019]. Возможно, это связано с тем, что курящие снижают потребление

ние алкоголя более быстрыми темпами, чем некурящие [Moore et al. 2005]. Однако в то же время утверждается, что само по себе курение в текущий момент не предсказывает прекращения потребления алкоголя [Park, Ryu, Cho 2017] и даже связано с его увеличением [Zins et al. 1999; Moore et al. 2005]. Кроме того, есть данные о том, что шансы бросить пить ниже у тех, кто когда-либо курил, а успешное прекращение потребления алкоголя связано с отсутствием никотиновой зависимости [Chiappetta et al. 2014], как, впрочем, и снижение потребления алкоголя [Zins et al. 1999]. В свою очередь, бросившие курить вероятнее откажутся и от алкоголя [Park, Ryu, Cho 2017; Oshio 2018] либо снизят его потребление [Zins et al. 1999; Karlamangla et al. 2006].

Алкоголизм и наркомания

Потребление алкоголя в позднем возрасте снижается в том числе сильно пьющими пожилыми людьми [Karlamangla et al. 2006; Molander, Yonker, Krahn 2010], но шансы на полный отказ от него тем меньше, чем больше признаков алкогольной зависимости [Chiappetta et al. 2014]. Наличие проблем с алкоголем на исходном уровне в позднем возрасте предсказывает увеличение потребления алкоголя в дальнейшем [Molander, Yonker, Krahn 2010].

Наличие психических расстройств и расстройств поведения, в том числе связанных с употреблением наркотиков, уменьшает шансы на прекращение употребления алкоголя [Chiappetta et al. 2014]. И наоборот, более низкая тяжесть психических и поведенческих расстройств алкогольной этиологии и меньшее количество сопутствующих психических расстройств предсказывают успешный переход к трезвости [Chiappetta et al. 2014].

Увеличение цен на алкоголь

С точки зрения оценки влияния изменяющихся во времени внешних социальных факторов на вероятность прекратить потребление алкоголя, увеличение цен на спиртное является наиболее измеримым показателем. Установлено, что все группы потребителей алкоголя чувствительны к повышению акцизов на алкогольные изделия [Purshouse, Meier, Brennan 2010]. В России регулирование цен на алкоголь повлияло на снижение общего потребления алкоголя [Kolosnitsyna, Khorkina, Dorjiev 2015: 186].

Методология и эмпирическая база исследования

Цель данного исследования — выявление влияния социально-демографических и экономических характеристик, психологических черт личности и внешних социальных факторов на переход к абстиненции (полной трезвости) людей, которые ранее употребляли алкоголь.

В соответствии с результатами предшествующих исследований можно выдвинуть следующие гипотезы:

- вероятность отказа от алкоголя его потребителями увеличивается в наиболее позднем возрасте. При этом она выше для женщин, чем для мужчин;
- беременность и рождение ребёнка увеличивают вероятность отказа от алкоголя;
- положительное влияние на вероятность отказа от алкоголя оказывает отсутствие в семейном окружении сильно пьющих членов семьи;
- уровни образования и дохода связаны с вероятностью прекращения употребления алкоголя отрицательно, а потеря работы — положительно;

- добросовестность лучше характеризует трезвенников по сравнению с другими элементами модели структуры личности «Большая пятёрка»;
- фактором, увеличивающим шансы отказаться от алкоголя, является самооценка здоровья как плохого;
- вероятность отказаться от алкоголя выше у некуривших и бросивших курить;
- умеренно пьющие имеют более высокую вероятность стать трезвенниками, чем сильно пьющие;
- рост цены на алкогольные изделия увеличивает шансы перестать употреблять алкоголь.

В исследовании используются данные 15 волн ежегодного общенационального репрезентативного опроса, основанного на вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборке РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2020 гг. Избрание данного периода для анализа объясняется тем, что начиная с 2006 г. в анкету был включён вопрос об употреблении алкоголя человеком хотя бы иногда. Это позволяет построить модель на данных за 2006–2019 гг., тогда как информация о будущем статусе респондентов берётся за год $T + 1$, где T — базовый год (год опроса). Кроме того, по отдельным переменным привлекаются отдельные волны (данные за 2016–2019 гг. включают переменные черт личности, а данные за 2008–2009 гг. и 2012–2014 гг. располагают переменными о наличии проблем из-за употребления алкоголя).

Так как доля абстинентов особенно высока среди подростков 14–17 лет и их алкогольное поведение неустойчиво, а также контролируется родителями, возрастной интервал ограничен нижним порогом в 18 лет (это также официальный возраст, с которого в России разрешена продажа алкоголя). Верхний же возрастной предел ограничивается 80 годами, поскольку, как показывают данные, влияние возраста на отказ от алкоголя для людей старше 80 лет является очень неустойчивым. Таким образом, эмпирическим объектом исследования являются люди в возрасте 18–80 лет, употреблявшие алкоголь хотя бы иногда в базовом году (T).

Поскольку важно отследить будущие изменения в алкогольном поведении ($T + 1$) у всех респондентов, для анализа используются невзвешенные лонгитюдные данные. Количество кейсов после отбора только потребителей алкоголя за все годы — 134 802 человека; статус потребления алкоголя в году $T + 1$ определён для 113 380 человек.

Факторы, влияющие на вероятность перехода к трезвости, выявляются на основе оценки модели бинарной логистической регрессии.

В качестве зависимой переменной в данном исследовании выступает статус трезвенника в году $T + 1$. Переход от потребления алкоголя к трезвости измеряется с помощью вопроса: «Вы употребляете хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво?». Для измерения переменной привлекаются также вопросы о потреблении конкретных видов алкогольных изделий (водка, пиво, самогон и т. д.) в течение последних 30 дней и вопросы о некоторых потребительских паттернах (где употреблялся алкоголь, в каких обстоятельствах). В отдельные годы (2008–2009 гг., 2012–2014 гг.) был задан вопрос о наличии у респондентов проблем в связи с употреблением алкоголя в семье, на работе, со здоровьем, который также учитывается для идентификации перехода от потребления алкоголя к трезвости.

В соответствии с выдвинутыми гипотезами в качестве независимых переменных для исследования привлекаются социально-демографические переменные, а также признаки, связанные со здоровьем,

религиозностью, личностными характеристиками и социальными условиями. В году T учитываются характеристики индивида, его семьи и окружения: уровень потребления алкоголя; виды употребляемых алкогольных изделий (водка, самогон, пиво); тип потребления (обстоятельства); длительность потребления (после 2012 г.); пол; возраст и возраст в квадрате; душевой доход; семейное положение и наличие детей; занятость и образование; место жительства; самооценка здоровья; этническая группа (как прокси вероисповедания) или религиозность и конфессия (начиная с 2011 г.; посещение религиозных мероприятий — с 2016 г.); наличие проблем с алкоголем (для отдельных лет); должность (для занятых); место жительства (город или село; север или юг и т. д.); цены на алкоголь; потребление алкоголя другими членами семьи; черты характера и склонность к риску (2016–2019 гг.).

Для идентификации изменения в году $T + 1$ по сравнению с годом T привлекаются следующие переменные: изменение самооценки здоровья; для женщин — беременность или рождение ребёнка; изменение доходов, статуса занятости, цен на алкоголь.

Что касается переменных черт личности, то начиная с 2016 г. респондентам задают шесть вопросов о самооценке склонности к риску (шкала 0–10, где 0 — совсем не готовы рисковать, а 10 — всегда готовы):

1. Одни люди всегда готовы рисковать, другие никогда не рискуют. Куда на шкале от 0 до 10 Вы поместили бы себя?
- 2–6. Насколько Вы готовы рисковать:
 - когда ведёте машину?
 - в финансовых вопросах?
 - ради продвижения по службе?
 - в вопросах безопасности труда?
 - в вопросах, касающихся Вашего здоровья?

По шести переменным было рассчитано среднее значение (если человек не водит машину, то по пяти вопросам) и нормировано (приведено к нормальному распределению). Кроме того, есть вопрос об ориентации на будущее: «Вы из тех людей, которые, скорее, откажутся от чего-то сегодня, чтобы получить выгоду от этого отказа в будущем или нет?» Шкала оценки тоже 0–10, где 0 — обязательно откажетесь; 10 — ни за что не откажетесь. Данный вопрос был нормирован (приведён к нормальному распределению).

С 2016 г. в анкету включён блок вопросов о чертах личности, который включает 24 переменные — модель BFI-S (*the Short Big Five Inventory*, то есть краткая версия модели «Большая пятёрка») [John, Srivastava 1999]. Ответы порядковые, шкала от 1 (практически никогда) до 4 (почти всегда). Для расчёта переменных «Большой пятёрки» используются средние ответы по входящим в категорию вопросам, затем они нормируются. Вопросы о чертах личности были впервые включены в 2016 г.; далее для повторяющихся респондентов используются их ответы за 2016 г., а для новых — за первый год участия (см. приложение, табл. П.5, П.6). Новые ответы для тех же респондентов собираются раз в пять лет, так как согласно теории черты личности достаточно устойчивы [Cobb-Clark, Schurer 2012].

Результаты

Описательные статистики

На первом этапе исследования было изучено распределение статуса потребления алкоголя среди населения в возрасте 18–80 лет. «Чрезмерным» считается потребление алкоголя за 30 дней в объёме 400 г и более этанола в месяц для женщин, 800 г и более — для мужчин. «Умеренным» потребление определяется для тех, кто выпивал в меньшем объёме: менее 400 г этанола в месяц для женщин, менее 800 г для мужчин. «Чрезмерное» и «умеренное» потребление алкоголя определяются условно в качестве инструмента анализа, в соответствии с рекомендациями Национального института злоупотребления алкоголем и алкоголизма США (National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism, NIAAA) [Радаев, Рощина 2019]. По сравнению с не употреблявшими алкоголь в течение последних 30 дней, «трезвенниками» в данном исследовании считаются те, кто не употребляет алкоголь вообще.

Данные РМЭЗ ВШЭ показывают, что за 2006–2020 гг. доля трезвенников среди населения в возрасте 18–80 лет выросла с 21,9 до 38% (больше, чем в 1,5 раза); не пивших 30 дней — с 17 до 22,4%. Доля пивших умеренно сократилась с 52,9 до 34,4%; пивших чрезмерно — с 8,2 до 5,2%. Самые высокие доли переставших пить в будущем году были в 2014 г. (16,6%) и 2016 г. (16%), а самые низкие — в 2008–2010 гг. (около 11,5%). Как показывают данные, доля отказавшихся от употребления алкоголя в общей совокупности трезвенников относительно невелика. Таким образом, количество непьющих в России растёт преимущественно за счёт тех, кто не начинает употреблять алкоголь.

Наибольшая вероятность перейти в группу трезвенников обнаружена у тех, кто в году T не употреблял алкоголь в течение 30 дней: 19,8–30,5% в разные годы (см. рис. 1). Снижение вероятности отказа от алкоголя в 2006–2013 гг. сменилось ее возрастанием в последующие годы. Затем по вероятности прекращения употребления алкоголя следуют «умеренно» пьющие (8,5–11,9%) и «чрезмерно» пьющие (3,7–7,5%, не считая выброса в 11,7% в 2016 г.). Что касается половозрастных характеристик, то вероятность отказа от алкоголя в будущем году выше у женщин, чем у мужчин, а также у людей в возрасте старше 61 года по сравнению с другими возрастными группами. При этом на втором месте по вероятности перехода в группу трезвенников — люди в возрасте 18–25 лет.

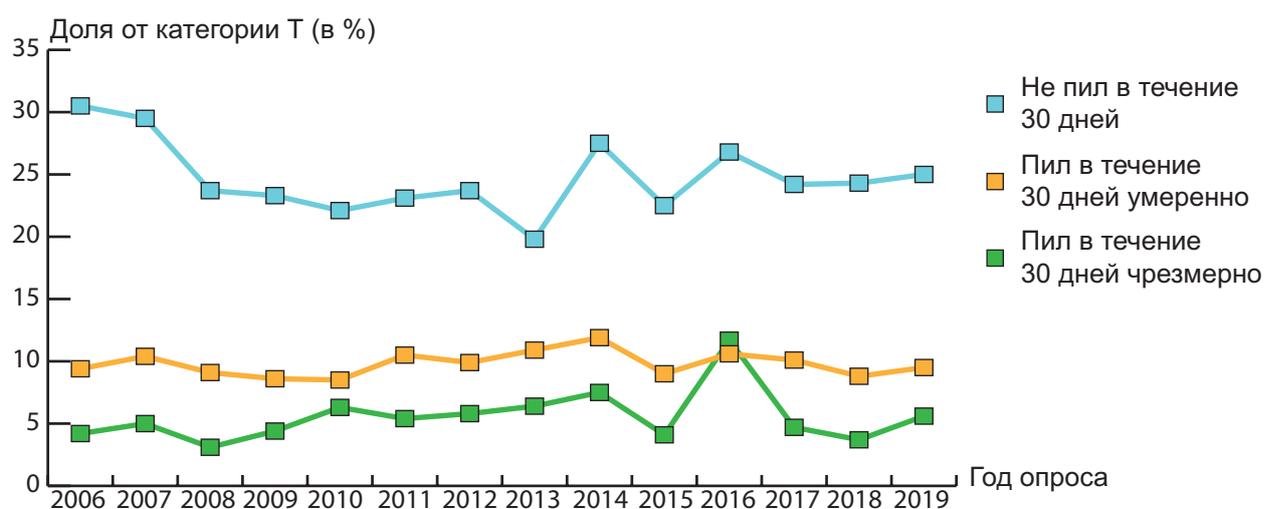

Рис. 1. Доля пьющих, ставших трезвенниками в году T + 1, в зависимости от статуса потребления алкоголя в течение 30 дней в году T; 18–80 лет

Результаты регрессионного анализа

Положительное влияние на вероятность стать трезвенником

В общей модели регрессионного анализа для 2006–2019 гг. было выявлено значимое позитивное влияние нескольких факторов на вероятность перехода к трезвости (см. приложение, табл. П.1):

- *возраст*: обнаружена квадратичная зависимость (вероятность сначала падает, затем возрастает, как для мужчин, так и для женщин);
- *пол*: у мужчин ниже шансы стать трезвенником на 14,2%;
- *количество других трезвенников в семье*: с каждым дополнительным трезвенником шансы перестать пить растут на 32.1% (*Odds Ratio (OR)* = 1,320; для женщин *OR* = 1,295; для мужчин *OR* = 1,357);
- *ухудшение здоровья*: по сравнению с опцией «здоровье было и осталось хорошее или очень хорошее», наблюдается влияние изменения самооценки здоровья (было и осталось среднее — незначимо):
 - с хорошего до плохого или очень плохого (*OR* = 2,713; для женщин *OR* = 2,768; для мужчин *OR* = 2,914);
 - со среднего до плохого или очень плохого (*OR* = 1,925; для женщин *OR* = 1,851; для мужчин *OR* = 2,130);
 - с плохого до очень плохого (*OR* = 2,697; для женщин *OR* = 2,503; для мужчин *OR* = 3,253);
 - со среднего до хорошего (*OR* = 1,192; для женщин *OR* = 1,237, для мужчин *OR* = 1,137).

Если же самооценка здоровья и была плохой, то «улучшение» здоровья всё равно не приводит к более низкой вероятности стать трезвенником по сравнению с теми, у кого здоровье было и осталось хорошим:

- здоровье было и осталось очень плохим (*OR* = 3,325; для женщин *OR* = 4,050; для мужчин *OR* = 2,707);
- здоровье было очень плохое, стало лучше (*OR* = 2,387; для женщин *OR* = 2,164; для мужчин *OR* = 3,047);
- здоровье было и осталось плохое (*OR* = 1,536; для женщин *OR* = 1,418; для мужчин *OR* = 1,975);
- здоровье было плохое, стало лучше (*OR* = 1,270; для женщин *OR* = 1,306; для мужчин *OR* = 1,262).

Очевидно, что самое большое влияние (по сравнению с сохранением хорошего здоровья) оказывает ситуация «здоровье было и осталось очень плохое» (шансы стать трезвенником возрастают для женщин в 4 раза, а для мужчин — в 2,7 раза).

Другие факторы:

- *этническая принадлежность*: по сравнению со славянами, шансы перестать пить у этносов, исповедующих мусульманство, выше в 2,15 раза ($OR = 2,155$; для женщин $OR = 2,080$; для мужчин $OR = 2,183$); для женщин других этносов — в 1,26 раза ($OR = 1,260$; для мужчин незначимо).
- *переход из статуса занятого* (была работа) в статус «неактивного» (не работает и не ищет работу): по сравнению с теми, кто был и остался неактивным, шансы перестать пить выше у тех, кто перестал работать, на 22% ($OR = 1,220$; для женщин $OR = 1,132$; для мужчин $OR = 1,333$);
- *место жительства*: разницы между Москвой и Санкт-Петербургом и другими областными центрами нет. По сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом шансы стать трезвенником в городах областного подчинения выше на 26,8% ($OR = 1,268$; для женщин $OR = 1,201$; для мужчин $OR = 1,389$), а в сельской местности — на 21,9% ($OR = 1,219$; для женщин $OR = 1,142$; для мужчин $OR = 1,369$);
- *региональная цена на водку* (логарифм): если в регионе логарифм цены выше на 1 (то есть цена выше примерно в 2 раза, чем в среднем по России), шансы стать трезвенником выше на 84,1% ($OR = 1,840$; для женщин $OR = 1,382$; для мужчин $OR = 2,984$). Более сильное влияние цены сказывается на мужчинах. При этом изменение цены на водку в году $T + 1$ по сравнению с годом T незначимо;
- *беременность* в году $T + 1$ (в модели для женщин) увеличивает шансы перестать пить в 7,3 раза ($OR = 7,335$);
- *рождение ребёнка* в течение года после опроса в базовом году (то есть потенциальное кормление грудью в году $T + 1$) увеличивает шансы перехода к трезвости в 3,6 раза ($OR = 3,687$);
- *снижение душевых доходов семьи* (для женщин): по сравнению со стабильностью реальных доходов (не упали больше, чем на 5%) шансы стать трезвенником возрастают на 14,2%, если душевые доходы упали в два раза и больше; увеличиваются на 9,4%, если доходы упали на 25–50%, и на 7%, если доходы снизились менее, чем на четверть. Для мужчин изменение доходов незначимо.

Негативное влияние на вероятность стать трезвенником

В общей модели регрессионного анализа для 2006–2019 гг. было выявлено значимое негативное влияние нескольких факторов на вероятность перехода к трезвости (см. приложение, табл. П.1):

- *объём и частота потребления алкоголя в базовом году*: по сравнению с теми, кто в базовом году не пил в течение 30 дней перед опросом, шансы стать трезвенником у тех, кто пил умеренно в течение 30 дней перед опросом, ниже на 31% ($OR = 0,699$; для женщин $OR = 0,741$; для мужчин $OR = 0,646$), а для пивших «чрезмерно» (более 400 г для женщин и более 800 г для мужчин) — ниже на 50% ($OR = 0,500$; для женщин $OR = 0,461$; для мужчин $OR = 0,487$);
- *приверженность курению*: если сравнивать с теми, кто не курит и никогда не курил, шансы стать трезвенником у тех, кто курит в базовом году, ниже на 34,7% ($OR = 0,653$; для женщин $OR = 0,676$; для мужчин $OR = 0,627$), а у тех, кто не курит, но курил раньше, ниже на 24,3%

($OR = 0,757$; для женщин $OR = 0,712$; для мужчин $OR = 0,790$). Таким образом, шансы бросить пить действительно выше у тех, кто уже бросил курить (по сравнению с курящими сейчас), хотя и ниже, чем у никогда не куривших;

- *количество чрезмерно пьющих других членов семьи*: шансы перехода к трезвости для женщин снижаются на 11,7% с каждым дополнительным чрезмерно пьющим ($OR = 0,883$). Для мужчин фактор незначим;
- *потребляемые напитки и обстоятельства потребления алкоголя*: по сравнению с теми, кто не пил в течение 30 дней перед опросом в базовом году, шансы стать трезвенником снижаются у тех, кто пил самогон в течение 30 дней, на 39,6%, водку — на 39,5%, пиво — на 31,9%, вино — на 15,6%. У тех, кто пил алкоголь без еды, шансы ниже на 16,7%; пил в ресторанах и барах — на 14,1%; на работе — на 19%. Очевидно, что несколько легче бросить пить тем, кто пил вино, по сравнению с теми, кто пил пиво и крепкие напитки (разница между мужчинами и женщинами невелика);
- *высшее образование* по сравнению с полным средним образованием снижает шансы мужчин перестать пить на 15,5% (для женщин незначимо);
- *брачный статус*: по сравнению с теми, кто был и остался не в браке (формальном или неформальном), ниже шансы стать трезвенником на 7,3% у тех, кто был и остался в браке (вступление в брак или развод незначимы);
- *изменение трудового статуса* по сравнению с теми женщинами, кто был и остался неактивным на рынке труда (не работал и не искал работу): ниже шансы перестать пить у тех, кто вышел на работу после статуса неактивного (на 18,8%), или у тех, кто вышел на работу после статуса безработного (на 22,9%). И для мужчин, и для женщин ниже шансы стать трезвенником у тех, кто работал и работает, на 23,2% ($OR = 0,768$; для женщин $OR = 0,764$; для мужчин $OR = 0,8$). По сравнению с ситуацией, когда доход упал больше, чем в два раза, для женщин увеличение логарифма душевого дохода снижает шансы перестать пить ($OR = 0,923$);
- *годы обследования 2010, 2012, 2013, 2015–2019* (при прочих равных условиях): снижение вероятности стать трезвенником в будущем году по сравнению с 2006 г.

Модель с включением черт личности

Модель с включением черт личности (см. приложение, табл. П.2) оценивалась для 2016–2019 гг., так как эти переменные были включены в исследование с 2016 г. Результаты показали, что «открытость новому» способствует более высоким шансам перехода к трезвости ($OR = 1,091$; для женщин $OR = 1,089$; для мужчин $OR = 1,11$). Для женщин степень экстравертности негативно влияет на отказа от алкоголя ($OR = 0,918$), а для мужчин степень невротизма влияет позитивно на отказ от алкоголя ($OR = 1,119$). Чем выше склонность к риску, тем менее вероятен переход к трезвости ($OR = 0,912$; для женщин $OR = 0,923$; для мужчин $OR = 0,908$).

Модель с включением переменных о наличии проблемного потребления алкоголя

Модель с включением переменных о наличии у респондента проблем в связи с употреблением им алкоголя (см. приложение, табл. П.3) оценивалась для тех лет, когда включался этот набор переменных (2008–2009 гг., 2012–2014 гг.). Оценки показали, что значимым фактором прекращения потребления

спиртных напитков являются только проблемы на работе для мужчин ($OR = 1,530$). Проблемы в семье и проблемы со здоровьем в базовом году значимого влияния на переход к трезвости не оказывают.

Обсуждение

Результаты предпринятого исследования подтвердили, что самая высокая вероятность перехода к трезвости наблюдается у людей старшего возраста. Это согласуется с выводами о том, что наибольшие шансы полного воздержания имеют люди в возрасте старше 60 лет [Park, Ryu, Cho 2017], а более поздний возраст по сравнению с периодом зрелости предсказывает наиболее высокую вероятность отказа от алкоголя [Nordfjærn 2018]. Женщины более склонны к переходу к трезвости, чем мужчины. Это согласуется с выводами подавляющего большинства зарубежных исследований (см.: [Chiappetta et al. 2014; Park, Ryu, Cho 2017; Nordfjærn 2018] и др.) и не противоречит логике. Женщины традиционно пьют меньше и чаще воздерживаются от алкоголя, а также склонны употреблять менее крепкие алкогольные изделия.

Результаты, прямо противоположные выводам большинства предшествующих исследований, были получены в отношении семейного положения. Так, не состоящие в брачно-семейных отношениях люди имеют большую вероятность стать трезвенниками, чем состоящие в браке, а вступление в брак и развод не являются значимыми предикторами, что не меньше противоречит ранее полученным результатам. Возможно, расторжение брака нужно рассматривать не как событие, а как процесс, в котором негативные изменения в потреблении алкоголя начинаются задолго до момента развода [Kendler et al. 2017]. В этом смысле люди пьют, ещё находясь в браке, а не после его официального расторжения. Тогда полученные данные говорят, скорее, о том, что брачные отношения действительно могут снижать вероятность прекращения потребления алкоголя, а вступление в брак и развод не влияют на это вовсе. Однако также можно предположить, что развод в большей степени является следствием алкоголизма в супружеской паре, а не причиной развития алкогольной зависимости после развода. Кроме того, в случае употребления алкоголя одним из супругов другой с высокой вероятностью тоже может приобщиться к алкоголю. Так, в текущем исследовании было найдено, что с каждым чрезмерно пьющим членом семьи вероятность стать трезвенниками у других членов семьи уменьшается почти на 12%. Этот результат согласуется с выводами исследователей о негативной роли алкоголеобусловленного семейного анамнеза в развитии раннего алкоголизма [Dawson 2000]. Родители тех, кто имеет опыт потребления алкоголя, с меньшей вероятностью являются трезвенниками, чем родители тех, кто не имеет опыта потребления алкоголя [Abu-Ras, Ahmed, Arfken 2010].

Позитивное влияние трезвого образа жизни ближайшего окружения на отказ от алкоголя в текущем исследовании подтверждается и тем, что с появлением каждого нового трезвенника в семье вероятность отказа от алкоголя другими членами семьи возрастает на 32%. Этот вывод позволяет обратить внимание на роль личного примера в становлении трезвеннических убеждений в семье. Согласно одному из исследований, на воздержание от алкоголя никогда не пивших молодых мужчин-призывников 18–19 лет повлиял опыт непьющих отцов. Иными словами, шансы стать трезвенником были выше у тех, кто имел непьющего отца [Leifman et al. 1995].

Как показали результаты регрессионного анализа, сильнейшим предиктором воздержания от алкоголя для женщин является беременность, которая увеличивает вероятность отказа от алкоголя в 7,3 раза. Этот фактор является весьма предсказуемым, поскольку устойчиво выявляется исследователями [Kitsantas et al. 2014]. Вместе с тем одно из исследований о потреблении психоактивных веществ в перинатальный период показало, что при высокой вероятности воздержания от алкоголя беременными 51% женщин возвращались к употреблению алкоголя через три месяца после родов [Forray et al. 2015]. Это говорит о том, что фактор беременности оказывает ограниченное по времени влияние на воздержание от алкоголя.

Тем не менее с высокой вероятностью отказ от алкоголя последует и после рождения ребёнка. Сдерживающее влияние на возврат к потреблению алкоголя оказывает кормление грудью. Так, кормящие женщины, в отличие от не кормящих, с меньшей вероятностью возвращаются к рискованному потреблению алкоголя после родов, даже если до беременности они употребляли алкоголь часто [Jagodzinski, Fleming 2007]. Существует мнение, что возврат к потреблению алкоголя сдерживается рождением первенца, но даже в этом случае эффект ограничен по длительности достижением ребёнком трёх лет, когда родители выходят на работу на полную ставку [Dawson et al. 2006].

Проживание в городах областного подчинения и сельской местности лучше предсказывает вероятность перестать употреблять алкоголь, чем проживание в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург. Более развитая городская среда предполагает более высокий уровень жизни и более развитую инфраструктуру, лучшие экономические условия проживания и реализации потребительских предпочтений, а значит, способствует более высокой доступности алкоголя. И наоборот, чем меньше территориальная доступность алкоголя, тем меньше шансов покупать и употреблять его [Gruenewald 2011]. Полученные результаты согласуются с многочисленными устойчивыми выводами о том, что городские условия проживания положительно сказываются на потреблении алкоголя.

Более вероятное потребление алкоголя в городской местности согласуется с данными о снижении шансов перехода к трезвости при наличии высшего образования и более высокого денежного дохода (эти ресурсы сконцентрированы в городах и обеспечивают финансовую доступность алкоголя). При этом первое (уровень образования) справедливо для мужчин, а второе (уровень дохода) для женщин. Мужчины с высшим образованием менее склонны к переходу к трезвости, чем мужчины с полным средним образованием. На вероятность перехода к трезвости женщин оказывают влияние переменные дохода: уровень душевого дохода в текущем году оказывает ожидаемо негативное влияние, а его падение на 5% и более — позитивное, причём вероятность отказа от алкоголя тем выше, чем больше снижение доходов. Можно предположить, что это объясняется более высокой ответственностью женщин за благополучие семьи: для них потребление алкоголя в некотором смысле является «роскошью», от которой легче отказаться при финансовых трудностях в семье в пользу необходимых расходов (еда, одежда и проч.). Подтверждается и более высокая вероятность для женщин перестать употреблять алкоголь при росте цены на него.

Потеря работы (в том числе выход на пенсию) также увеличивает вероятность стать трезвенником. Этот результат не противоречит и выводам о более высоких шансах перестать пить с возрастом. Важно учесть, что вне трудового коллектива сокращается количество социальных ситуаций, в которых употребляется алкоголь. Люди, которые продолжают трудовую деятельность или выходят на работу после пребывания в статусе безработного и (или) экономически неактивного, имеют меньше шансов стать трезвенниками. Полученный результат сопоставим с выводами некоторых предшествующих исследований о позитивном влиянии потери работы [Park, Ryu, Cho 2017] и негативном влиянии трудоустройства и текущей трудовой занятости [Molander, Yonker, Krahn 2010] на переход к трезвости.

Принадлежность к тюркским этносам, исповедующим ислам, по сравнению со славянами лучше предсказывает прекращение потребления алкоголя, что соответствует полученным ранее данным о меньших рисках потребления алкоголя мусульманами по сравнению с теми, кто не исповедует ислам [Abu-Ras, Ahmed, Arfken 2010]. Не исключено, что в нашем случае речь идёт о новообращённых, то есть тех, кто ранее считал себя, скорее, неверующими (эта переменная не контролируется, так как она есть не за все годы исследования). Женщины других этнических групп, кроме исповедующих ислам, по сравнению со славянскими женщинами, также вероятнее откажутся от потребления спиртного. В данном случае, возможно, играет роль генетический фактор в потреблении психоактивных веществ славянами по сравнению с представителями некоторых других этносов, не считая тюркских. Например, при

сравнении студентов славянской, финно-угорской и монголоидной групп (ханты, манси, ненцы, эвенки) выяснилось, что среди отчисленных из российских вузов за антисоциальное поведение (чаще за потребление алкоголя, наркотиков и токсикоманию) большинство являлись славянами. В отличие от представителей других этнических групп они были носителями специфического генотипа, предсказывающего такое поведение [Ильинских, Ильинских 2020].

Наиболее сильными предикторами отказа от алкоголя являются не изменяющийся во времени статус плохого здоровья и ухудшение состояния здоровья по сравнению с хорошим на исходном уровне. Это согласуется с многочисленными исследованиями о связи плохого и ухудшающегося здоровья с повышающимися шансами отказаться от алкоголя. Однако, вопреки выводам предшествующих исследований, данное исследование показало, что вероятность стать трезвенником возрастает в том числе тогда, когда здоровье становится лучше по сравнению со средним на исходном уровне. Возможно, в данном случае проявляется обратная связь между воздержанием от алкоголя и состоянием здоровья, когда оно становится лучше благодаря трезвому образу жизни.

В нашем исследовании также подтвердилось, что бросившие курить и некурящие имеют большую вероятность стать трезвенниками, что показано и в некоторых предыдущих работах, где измерялось влияние отказа от курения на отказ от алкоголя [Chiappetta et al. 2014; Park, Ryu, Cho 2017; Oshio 2018].

Нами также обнаружено, что выше шансы прекратить употребление алкоголя у наименее пьющих людей (в данном исследовании не употреблявшие алкоголь в течение последних 30 дней, но не являющиеся при этом трезвенниками). В то же время выявлено, что у умеренно пьющих, которые употребляли алкоголь в течение последних 30 дней, наоборот, вероятность стать трезвенниками снижена. Это согласуется с выводами о том, что умеренно пьющие имеют более высокий риск увеличения потребления алкоголя даже по сравнению с сильно пьющими [Zins et al. 1999]. Кроме того, умеренно пьющие снижают потребление алкоголя более медленными темпами, чем сильно пьющие, которые делают это резко [Moore et al. 2005]. В том числе сложность отказа от алкоголя у умеренно пьющих может быть связана с достижением третьей стадии алкоголизма, когда происходит сокращение максимальной разовой дозы употребляемого алкоголя [Гофман 2012]. Что касается типов потребляемого алкоголя, то у предпочитающих вино, в отличие от тех, кто пьёт крепкие алкогольные изделия и пиво, вероятность стать трезвенниками немного выше как среди мужчин, так и среди женщин.

Полученные результаты о влиянии более высоких цен на водку на увеличение вероятности стать трезвенниками для мужчин, а ещё в большей степени для женщин, сопоставимы с предшествующими исследованиями об эффективности ценовой политики для снижения потребления алкоголя [Purshouse, Meier, Brennan 2010; Kolosnitsyna, Khorikina, Dorjiev 2015]. Важно подчеркнуть, что большинство потребителей алкоголя в России — это мужчины, у которых меньше шансов бросить пить. В этом контексте полученные результаты о позитивной, хотя и слабозначимой связи между повышением цен на водку и вероятностью отказа от алкоголя мужчинами не только отражают общие тенденции положительного влияния ценового регулирования рынка продажи алкоголя, но и являются подтверждением того, что сокращение ценовой доступности тех или иных видов алкогольных изделий влияет на отказ от алкоголя конкретными группами населения.

В исследовании также проверялось влияние на отказ от алкоголя черт личности. Выяснилось, что женщины-экстраверты менее склонны к отказу от алкоголя. Это согласуется с тем, что низкий уровень экстраверсии характеризует трезвенников, а не потребителей алкоголя [Walton, Roberts 2004]. Меньшую вероятность отказа от алкоголя экстравертами можно объяснить тем, что высокий уровень экстраверсии располагает к интенсивному взаимодействию с окружающими, которое повышает шансы оказаться в ситуациях потребления алкоголя. В свою очередь, мужчины с высокой степенью невротиз-

ма с большей вероятностью станут трезвенниками. Хотя предыдущие исследования показывают, что оценки невротизма у трезвенников ниже, чем у пьющих [Walton, Roberts 2004], существуют данные о том, что невротические черты имеют чаще алкоголезависимые люди, чем трезвенники, а также те, кто находится в ситуации рецидива после отказа от алкоголя [O'Leary 2000]. Невротизм может быть следствием алкоголизма, на фоне которого происходит отказ от алкоголя. Не исключено, что гендерные различия в этом случае связаны с тем, что мужчины с большей вероятностью могут стать зависимыми от алкоголя. Кроме того, невротизм может предсказывать переход к трезвости за счёт повышенного беспокойства о собственном здоровье независимо от наличия или отсутствия зависимости. В этом контексте примечательно, что число тех, кто считает, что любой алкоголь вреден для здоровья, неуклонно увеличивается: 55% в 2018 г.; 81% в 2021 г. [Алкоголь на фоне пандемии 2021]. При этом само поддержание трезвости связано с низким уровнем невротизма и высокой добросовестностью [O'Leary 2000]. И наоборот, поскольку добросовестность является чертой личности трезвенников, возможно, она вырабатывается уже после прекращения потребления алкоголя. Так как мы говорим о переходе к трезвости в году $T + 1$, эта черта личности могла ещё остаться на том уровне, когда человек пил; многие исследования показывают также высокую устойчивость черт личности, по крайней мере, в течение нескольких лет [Bogg, Roberts 2004]. Возможно, при переходе к трезвости добросовестность могла себя не проявить, хотя она является чертой трезвенников [Bogg, Roberts 2004]. Позитивное влияние открытости на отказ от алкоголя, скорее, тоже не подтверждает закономерности, обнаруженные ранее в отношении характеристик трезвенников [Bogg, Roberts 2004]. Возможно, оно обусловлено связью открытости как черты личности с конструктивными практиками социального поведения. Кроме того, исследование показало: чем выше склонность к риску, тем менее вероятен переход к трезвости (примерно на 10%). Поскольку потребление алкоголя само по себе несёт риски для потребителя, тем, кто готов рисковать, действительно, нет резона отказываться от алкоголя.

Ожидалось, что наличие проблем в связи с употреблением алкоголя будет важным предиктором отказа от этой практики, однако это подтвердилось только для наличия проблем на работе и только для мужчин. Вероятно, наличие таких проблем в семье и со здоровьем сильно коррелирует с объёмом потребления алкоголя, и даже при контроле «чрезмерного потребления» людям, имеющим такие проблемы, трудно бросить пить. Скорее всего, проблемы на работе заставляют отказаться от спиртного в первую очередь из-за потенциальной возможности лишиться дохода.

Заключение

Как показало наше исследование, значимыми предикторами прекращения употребления алкоголя являются более старший возраст, женский пол, принадлежность к этносам, обычно исповедующим ислам, проживание в городах областного подчинения и сельской местности, беременность и рождение ребёнка, снижение уровня душевого дохода для женщин, утрата статуса занятого, самооценка здоровья как ухудшающегося при условии оценки здоровья в исходном году как плохого и очень плохого, самооценка здоровья как улучшающегося по сравнению с оценкой здоровья на исходном уровне как среднего, наличие трезвенников в семье, увеличение цены на водку. При этом наиболее важными факторами отказа от потребления алкоголя являются естественные — возраст и ухудшение здоровья, а также беременность и кормление грудью для женщин (в этих последних двух случаях, вероятно, временное). Негативное влияние на вероятность прекращения употребления алкоголя оказывает постоянство брачных связей по сравнению с их постоянным отсутствием, высшее образование, употребление алкоголя в любом объёме по сравнению с теми, кто не употреблял спиртное в течение последних 30 дней, употребление самогона, водки и пива в течение последних 30 дней (по сравнению с теми, кто употреблял вино), курение в настоящее время, наличие алкоголезависимых членов семьи для женщин, трудоустройство (выход на работу после её потери), неизменяющийся статус занятого, увеличение душевого дохода для женщин.

Не оказывают значимого влияния на вероятность изменения алкогольного потребительского поведения вступление в брак, развод, наличие алкоголезависимых членов семьи для мужчин, изменение душевого дохода для мужчин, изменение цены на водку в году $T + 1$ по сравнению с годом T , неизменяющаяся самооценка здоровья как среднего.

Полученные результаты могут быть использованы для некоторых рекомендаций в области антиалкогольной политики. В частности, мы обнаружили, что в отношении отказа от алкоголя никогда не курившие находятся в более выигрышном положении, чем отказавшиеся от курения или курящие. У курящих вероятность отказа от алкоголя ниже на 30%, чем у тех, кто не курит и не курил, а у бывших курильщиков ниже на 24%. Политика, направленная на сокращение курения табака, будет одновременно влиять и на отказ от потребления алкоголя.

В свою очередь, антиалкогольная политика, связанная с сокращением пьянства, также будет иметь положительный эффект для прироста трезвенников. Исследование показало, что двухкратное увеличение региональной цены на водку повышает вероятность отказа от алкоголя на 84%. При этом мужчины с большей вероятностью перейдут к трезвости, чем женщины. Так, более высокие цены на алкоголь (в данном случае аппроксимированные ценой на водку) при прочих равных условиях повышают вероятность перехода мужчин к трезвости более чем в два раза, а женщин — на 38%. Для мужчин влияющим фактором, хотя и слабозначимым, оказалось увеличение цены на водку в следующем периоде. Таким образом, можно предположить, что ценовая политика была важным фактором сокращения потребления алкоголя в России в 2010-е гг.

Важно отметить, что политика, стимулирующая отказ от алкоголя, имеет синергетический эффект в семьях. Так, каждый дополнительный трезвенник, появившийся в семье, даёт увеличение вероятности отказа от потребления алкоголя другими членами семьи на 32%. Напротив, наличие чрезмерно пьющих членов семьи снижает вероятность отказа от алкоголя на 12% (особенно среди женщин). Таким образом, наши результаты подтвердили, что наличие непьющих членов семьи способствует прекращению потребления алкоголя, а чрезмерно пьющих — повышает вероятность того, что другие члены семьи будут пить, что говорит в первом случае о положительном, а во втором об отрицательном внешнем эффекте. Нередко пьянство связано с домашним насилием, и наличие возможности получить защиту способствует решению жертв о разводе. Это снова поднимает вопрос о совершенствовании законодательства в этой сфере. Кроме того, мы полагаем, что продвижение ценности отказа от алкоголя в обществе будет способствовать снижению потребления алкоголя в будущем. Увеличение доли непьющих как в обществе в целом, так и в семье в частности — задаёт образцы трезвого образа жизни как социальной нормы.

Приложение

Результаты регрессионного анализа

Таблица П.1

Бинарная логистическая регрессия

Зависимая переменная: вероятность стать абстинентом в году T + 1
(объект: нетрезвенники в году T; возраст 18–80 лет; 2006–2019 гг.), *Odds Ratio (OR)*,
в скобках — стандартная ошибка.

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Мужской пол	0,858*** (0,0257)		
Пил (-а) в течение последних 30 дней умеренно (база: не пил (-а) в течение последних 30 дней)	0,699*** (0,0251)	0,741*** (0,0349)	0,646*** (0,0377)
Пил (-а) в течение последних 30 дней чрезмерно	0,500*** (0,0367)	0,461*** (0,0542)	0,487*** (0,0512)
Курит (база: не курит и не курил)	0,653*** (0,0209)	0,676*** (0,0314)	0,627*** (0,0295)
Раньше курил (-а), сейчас не курит	0,757*** (0,0269)	0,712*** (0,0371)	0,790*** (0,0420)
Количество чрезмерно пьющих в семье, кроме респондента	0,902*** (0,0318)	0,883*** (0,0374)	0,909 (0,0586)
Количество абстинентов в семье, кроме респондента	1,320*** (0,0182)	1,295*** (0,0264)	1,357*** (0,0261)
Пил (-а) самогон в течение последних 30 дней (база: не пил (-а) в течение последних 30 дней)	0,604*** (0,0413)	0,626*** (0,0698)	0,602*** (0,0532)
Пил (-а) водку в течение последних 30 дней	0,605*** (0,0202)	0,607*** (0,0290)	0,616*** (0,0296)
Пил (-а) любое пиво, брагу в течение последних 30 дней	0,681*** (0,0218)	0,658*** (0,0289)	0,704*** (0,0347)
Пил (-а) любое вино в течение последних 30 дней	0,844*** (0,0291)	0,813*** (0,0355)	0,883** (0,0545)
Пьёте алкогольные напитки без еды (в течение последних 30 дней)	0,833*** (0,0329)	0,910 (0,0542)	0,781*** (0,0415)
Пьёте алкогольные напитки в ресторанах или барах (в течение последних 30 дней)	0,759*** (0,0291)	0,782*** (0,0384)	0,710*** (0,0440)
Пьёте алкогольные напитки в парке или на улице (в течение последних 30 дней)	0,909 (0,0748)	0,977 (0,154)	0,909 (0,0891)
Пьёте алкогольные напитки на работе (в течение последних 30 дней)	0,810*** (0,0571)	0,750*** (0,0676)	0,901 (0,101)

Таблица П.1. Продолжение

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Возраст, делённый на 10	0,552*** (0,0257)	0,617*** (0,0367)	0,675*** (0,0544)
Возраст в квадрате, делённый на 100	1,065*** (0,00538)	1,059*** (0,00678)	1,039*** (0,00904)
Неполное среднее образование (база: полное среднее)	0,999 (0,0366)	1,025 (0,0522)	0,937 (0,0506)
Среднее профессиональное образование	0,958 (0,0289)	0,987 (0,0379)	0,922 (0,0463)
Высшее образование	0,936** (0,0307)	0,964 (0,0404)	0,855*** (0,0465)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало среднее (база: было и осталось хорошее или очень хорошее)	1,060 (0,0419)	1,098* (0,0576)	1,064 (0,0663)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало плохое или очень плохое	2,713*** (0,381)	2,768*** (0,551)	2,914*** (0,591)
Здоровье в году T + 1: было и осталось среднее	1,004 (0,0321)	1,034 (0,0434)	1,004 (0,0512)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало хорошее	1,192*** (0,0463)	1,237*** (0,0639)	1,137** (0,0694)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало плохое или очень плохое	1,925*** (0,0993)	1,923*** (0,125)	2,130*** (0,186)
Здоровье в году T + 1: было и осталось плохое	1,536*** (0,0850)	1,418*** (0,0987)	1,975*** (0,181)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало лучше	1,270*** (0,0737)	1,306*** (0,0944)	1,262** (0,128)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало очень плохое	2,695*** (0,346)	2,583*** (0,415)	3,253*** (0,710)
Здоровье в году T + 1: было и осталось очень плохое	3,325*** (0,598)	4,050*** (1,034)	2,707*** (0,726)
Здоровье в году T + 1: было очень плохое, стало лучше	2,387*** (0,304)	2,164*** (0,356)	3,047*** (0,610)
У женщины есть её ребёнок в возрасте до года в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		7,335*** (0,680)	
Женщина ждёт ребёнка в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		3,687*** (0,291)	
Мусульманские этносы (база: славяне)	2,155*** (0,114)	2,080*** (0,160)	2,183*** (0,160)
Другие этносы	1,175*** (0,0538)	1,260*** (0,0726)	1,027 (0,0812)

Таблица П.1. Продолжение

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Логарифм душевого дохода	0,946*** (0,0202)	0,923*** (0,0253)	1,013 (0,0352)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал больше чем в 2 раза (база: доход упал не больше, чем на 5%)	1,177*** (0,0547)	1,142** (0,0684)	1,035 (0,0812)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 25–50%	1,137*** (0,0365)	1,094** (0,0444)	1,067 (0,0575)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 5–25%	1,040 (0,0263)	1,070** (0,0338)	0,972 (0,0420)
Количество своих детей до 15 лет в семье в году T	0,970* (0,0181)	0,992 (0,0244)	0,955 (0,0288)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) не в браке, вступил (-а) в брак (база: был и остался не в браке)	1,006 (0,0716)	0,841* (0,0752)	0,872 (0,116)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) в браке, перестал (-а) быть в браке	0,933 (0,0662)	0,914 (0,0760)	0,955 (0,134)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) и есть в браке	0,937** (0,0258)	0,899*** (0,0299)	0,896** (0,0501)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивным, стал (-а) безработным (база: был (-а) и остался неактивным)	0,905 (0,103)	0,982 (0,140)	0,986 (0,189)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивным, стал (-а) работать	0,814*** (0,0489)	0,832** (0,0620)	0,920 (0,0956)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, стал (-а) неактивным	0,971 (0,102)	1,014 (0,131)	0,805 (0,148)
Занятость в году T + 1: был (-а) и есть безработным	0,812 (0,112)	1,029 (0,185)	0,726 (0,156)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, стал (-а) работать	0,766*** (0,0689)	0,731** (0,0924)	0,903 (0,118)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) неактивным	1,220*** (0,0608)	1,132** (0,0706)	1,333*** (0,115)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) безработным	0,885 (0,0812)	0,883 (0,110)	1,063 (0,147)
Занятость в году T + 1: работал (-а) и работает	0,768*** (0,0265)	0,764*** (0,0319)	0,800*** (0,0513)
Областной центр (база: Москва или Санкт-Петербург)	0,966 (0,0468)	0,929 (0,0566)	1,015 (0,0826)
Город областного подчинения	1,268*** (0,0627)	1,201*** (0,0750)	1,389*** (0,114)
Село, посёлок городского типа (пгт)	1,219*** (0,0578)	1,142** (0,0689)	1,369*** (0,107)

Таблица П.1. Окончание

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Логарифм цены на водку	1,840*** (0,217)	1,382** (0,207)	2,984*** (0,580)
Отношение цены водки в году T + 1 к цене водки в году T	1,095 (0,258)	0,661 (0,196)	2,118* (0,825)
2007 г. (база: 2006 г.)	0,986 (0,0547)	1,005 (0,0681)	0,975 (0,0975)
2008 г.	0,902* (0,0505)	0,859** (0,0591)	1,025 (0,101)
2009 г.	0,900* (0,0512)	0,805*** (0,0570)	1,155 (0,114)
2010 г.	0,874** (0,0474)	0,815*** (0,0552)	0,996 (0,0935)
2011 г.	0,981 (0,0645)	1,029 (0,0850)	0,971 (0,108)
2012 г.	0,856** (0,0675)	0,958 (0,0952)	0,728** (0,0963)
2013 г.	0,740*** (0,0654)	0,837 (0,0933)	0,611*** (0,0905)
2014 г.	0,867* (0,0635)	0,938 (0,0865)	0,754** (0,0939)
2015 г.	0,684*** (0,0486)	0,770*** (0,0687)	0,542*** (0,0663)
2016 г.	0,859** (0,0597)	0,876 (0,0775)	0,841 (0,0981)
2017 г.	0,765*** (0,0530)	0,782*** (0,0682)	0,737*** (0,0866)
2018 г.	0,719*** (0,0490)	0,718*** (0,0618)	0,731*** (0,0842)
2019 г.	0,829*** (0,0546)	0,874 (0,0723)	0,779** (0,0881)
Константа	0,0470*** (0,0402)	0,373 (0,405)	0,0003*** (0,000455)
Количество наблюдений	102 235	55 449	46 786
<i>Wald chi2</i>	5502,40	3340,31	2475,13
<i>Prob > chi2</i>	0,0000	0,0000	0,0000
<i>Log pseudolikelihood</i>	- 36030,8	- 22108,5	- 13481,0
<i>Pseudo R2</i>	0,0997	0,0960	0,1094
Количество кластеров (индивидов) для расчёта стандартной ошибки	22 208	12 054	10 154

Примечание: В скобках — робастная стандартная ошибка; * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Таблица П.2

Бинарная логистическая регрессия

Зависимая переменная: вероятность стать абстинентом в году T + 1
 (объект: нетрезвенники в году T, возраст 18–80 лет, 2016–2019 гг.); *Odds Ratio* (OR);
 в скобках — стандартная ошибка. Модель с включением черт личности

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Мужской пол	0,973 (0,0632)	—	—
Пил (-а) в течение предыдущих 30 дней умеренно (база: не пил (-а) в течение предыдущих 30 дней)	0,535*** (0,0471)	0,575*** (0,0692)	0,466*** (0,0646)
Пил (-а) в течение предыдущих 30 дней чрезмерно	0,444*** (0,0739)	0,317*** (0,0912)	0,520*** (0,119)
Курит (база: не курит и не курил (-а))	0,560*** (0,0392)	0,520*** (0,0551)	0,572*** (0,0592)
Раньше курил (-а), сейчас не курит	0,711*** (0,0539)	0,653*** (0,0748)	0,742*** (0,0829)
Количество чрезмерно пьющих в семье, кроме респондента	0,862 (0,0807)	0,667*** (0,0854)	1,135 (0,162)
Количество абстинентов в семье, кроме респондента	1,324*** (0,0391)	1,244*** (0,0535)	1,401*** (0,0594)
Пил (-а) самогон в течение последних 30 дней (база: не пил (-а) в течение предыдущих 30 дней)	0,865 (0,129)	0,782 (0,207)	0,862 (0,167)
Пил (-а) водку в течение последних 30 дней	0,799*** (0,0681)	0,857 (0,116)	0,804* (0,0933)
Пил (-а) любое пиво, брагу в течение последних 30 дней	0,823** (0,0660)	0,791** (0,0911)	0,900 (0,108)
Пил (-а) любое вино в течение последних 30 дней	0,968 (0,0835)	0,914 (0,104)	1,120 (0,168)
Пьёте алкогольные напитки без еды в течение последних 30 дней	0,744*** (0,0759)	0,834 (0,133)	0,694*** (0,0924)
Пьёте алкогольные напитки в ресторанах или барах в течение последних 30 дней	0,683*** (0,0619)	0,683*** (0,0813)	0,665*** (0,0961)
Пьёте алкогольные напитки в парке или на улице в течение последних 30 дней	0,891 (0,217)	2,460** (0,942)	0,580* (0,187)
Пьёте алкогольные напитки на работе в течение последних 30 дней	0,864 (0,192)	0,738 (0,226)	0,995 (0,345)
Возраст, делённый на 10	0,495*** (0,0543)	0,541*** (0,0757)	0,547*** (0,103)
Возраст в квадрате, делённый на 100	1,076*** (0,0126)	1,068*** (0,0158)	1,067*** (0,0216)

Таблица П.2. Продолжение

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Неполное среднее образование (база: полное среднее)	1,122 (0,0969)	1,117 (0,136)	1,112 (0,142)
Среднее профессиональное образование	0,922 (0,0613)	0,887 (0,0752)	1,006 (0,110)
Высшее образование	0,874* (0,0607)	0,851* (0,0761)	0,896 (0,102)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало среднее (база: было и осталось хорошее или очень хорошее)	1,072 (0,103)	1,289** (0,163)	0,868 (0,135)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало плохое или очень плохое	2,339* (1,168)	4,760*** (2,797)	1,106 (1,075)
Здоровье в году T + 1: было и осталось среднее	1,148** (0,0797)	1,325*** (0,125)	0,985 (0,107)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало хорошее	1,300*** (0,122)	1,261* (0,160)	1,296* (0,184)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало плохое или очень плохое	2,385*** (0,313)	2,536*** (0,421)	2,377*** (0,526)
Здоровье в году T + 1: было и осталось плохое	1,670*** (0,220)	1,769*** (0,289)	1,883*** (0,432)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало лучше	1,735*** (0,256)	1,785*** (0,336)	1,861** (0,458)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало очень плохое	2,325** (0,817)	3,934*** (1,892)	1,355 (0,755)
Здоровье в году T + 1: было и осталось очень плохое	4,295*** (2,021)	6,912*** (4,005)	2,976 (2,507)
Здоровье в году T + 1: было очень плохое, стало лучше	2,961*** (1,017)	3,292*** (1,470)	2,911* (1,627)
У женщины есть её ребёнок в возрасте до года в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		8,940*** (2,514)	
Женщина ждёт ребёнка в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		3,190*** (0,700)	
Мусульманские этносы (база: славяне)	2,215*** (0,271)	1,501** (0,291)	2,798*** (0,451)
Другие этносы	1,063 (0,115)	1,220 (0,163)	0,810 (0,156)
Логарифм душевого дохода	0,833*** (0,0397)	0,797*** (0,0523)	0,912 (0,0775)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал больше, чем в 2 раза (база: доход не упал больше, чем на 5%)	1,162 (0,143)	1,317* (0,208)	0,865 (0,189)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 25–50%	1,095 (0,0920)	1,051 (0,115)	1,064 (0,144)

Таблица П.2. Продолжение

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 5–25%	0,992 (0,0618)	0,980 (0,0776)	0,982 (0,101)
Количество своих детей до 15 лет в семье в году T	0,961 (0,0360)	0,999 (0,0511)	0,931 (0,0555)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) не в браке, вступил (-а) в брак (база: был (-а) и остаётся не в браке)	1,149 (0,224)	1,078 (0,242)	0,827 (0,348)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) в браке, перестал (-а) быть в браке	1,049 (0,203)	1,038 (0,249)	0,907 (0,320)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) и есть в браке	0,954 (0,0573)	0,920 (0,0663)	0,930 (0,117)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивным, стал (-а) безработным (база: был (-а) и остаётся неактивным)	1,456 (0,415)	1,543 (0,572)	1,744 (0,757)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивный, стал (-а) работать	0,844 (0,132)	1,029 (0,196)	0,648 (0,187)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, стал (-а) неактивным	0,987 (0,279)	1,023 (0,328)	0,593 (0,391)
Занятость в году T + 1: был (-а) и остаётся безработным	1,033 (0,384)	1,885* (0,723)	0,183 (0,238)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, начал (-а) работать	0,882 (0,203)	0,703 (0,245)	1,171 (0,357)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) неактивным	1,410*** (0,178)	1,156 (0,191)	1,966*** (0,407)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) безработным	1,504* (0,358)	1,037 (0,334)	3,219*** (1,123)
Занятость в году T + 1: работал (-а) и работает	0,943 (0,0734)	0,927 (0,0875)	1,032 (0,149)
Открытость	1,091*** (0,0335)	1,089** (0,0439)	1,110** (0,0552)
Добросовестность	1,035 (0,0325)	1,058 (0,0429)	1,011 (0,0513)
Экстраверсия	0,936** (0,0243)	0,918** (0,0310)	0,961 (0,0401)
Согласность	1,058* (0,0307)	1,039 (0,0393)	1,085* (0,0513)
Нейротизм	1,050* (0,0291)	1,000 (0,0357)	1,119** (0,0507)
Склонность к риску	0,912*** (0,0251)	0,923** (0,0332)	0,908** (0,0399)
«Вы скорее откажетесь от чего-то сегодня, чтобы получить выгоду в будущем?»	1,010 (0,0252)	0,990 (0,0312)	1,036 (0,0438)

Таблица П.2. Окончание

Переменная	Все	Женщины	Мужчины
Областной центр (база: Москва или Санкт-Петербург)	1,033 (0,108)	1,006 (0,134)	1,004 (0,175)
Город областного подчинения	1,345 ^{***} (0,147)	1,161 (0,165)	1,595 ^{***} (0,284)
Село, посёлок городского типа (пгт)	1,399 ^{***} (0,143)	1,211 (0,159)	1,628 ^{***} (0,272)
Логарифм цены на водку	3,693 ^{***} (1,169)	2,488 ^{**} (1,058)	4,545 ^{***} (2,196)
Отношение цены водки в году T + 1 к цене водки в году T	0,395 (0,273)	0,265 (0,230)	0,348 (0,404)
2017 г. (база: 2016 г.)	0,965 (0,132)	0,863 (0,159)	1,044 (0,222)
2018 г.	0,986 (0,143)	1,044 (0,195)	0,868 (0,206)
2019 г.	0,971 (0,0565)	1,017 (0,0758)	0,881 (0,0845)
Константа	0,00359 ^{**} (0,00874)	0,0856 (0,279)	0,000313 ^{**} (0,00116)
Количество наблюдений	15 356	8 234	7 122
<i>Wald chi2</i>	1145,41	618,86	568,07
<i>Prob > chi2</i>	0,0000	0,0000	0,0000
<i>Log pseudolikelihood</i>	- 5736,459	- 3400,8632	- 2243,5107
<i>Pseudo R2</i>	0,1053	0,1016	0,1304
Количество кластеров (индивидов) для расчёта стандартной ошибки	10 292	5 565	4 727

Примечание: В скобках — робастная стандартная ошибка; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица П.3

Бинарная логистическая регрессия

Зависимая переменная: вероятность стать абстинентом в году T + 1
(объект: нетрезвенники в году T; возраст 18–80 лет; 2008–2009 гг., 2012–2014 гг.), *Odds Ratio (OR)*,
в скобках: стандартная ошибка. С включением переменных о наличии проблем с алкоголем

Переменные	Все	Женщины	Мужчины
Мужской пол	0,800*** (0,0364)	—	—
Пил (-а) в течение последних 30 дней умеренно (база: не пил (-а) в течение последних 30 дней)	0,794*** (0,0459)	0,822*** (0,0612)	0,788** (0,0763)
Пил (-а) в течение последних 30 дней чрезмерно	0,535*** (0,0645)	0,459*** (0,0939)	0,502*** (0,0890)
Курит (база: не курит и не курил (-а))	0,731*** (0,0350)	0,713*** (0,0494)	0,750*** (0,0551)
Раньше курил (-а), сейчас не курит	0,758*** (0,0433)	0,736*** (0,0593)	0,818** (0,0722)
Количество чрезмерно пьющих в семье, кроме респондента	0,868** (0,0492)	0,882* (0,0590)	0,791** (0,0840)
Количество абстинентов в семье, кроме респондента	1,341*** (0,0284)	1,291*** (0,0430)	1,382*** (0,0396)
Пил (-а) самогон в течение последних 30 дней (база: не пил (-а) в течение последних 30 дней)	0,639*** (0,0727)	0,729* (0,133)	0,566*** (0,0852)
Пил (-а) водку в течение последних 30 дней	0,604*** (0,0324)	0,591*** (0,0451)	0,620*** (0,0482)
Пил (-а) любое пиво, брагу в течение последних 30 дней	0,629*** (0,0324)	0,633*** (0,0443)	0,607*** (0,0480)
Пил (-а) любое вино в течение последних 30 дней	0,805*** (0,0442)	0,765*** (0,0526)	0,879 (0,0849)
Пьёте алкогольные напитки без еды (в течение последних 30 дней)	0,828*** (0,0547)	0,915 (0,0917)	0,756*** (0,0665)
Пьёте алкогольные напитки в ресторанах или барах (в течение последних 30 дней)	0,811*** (0,0498)	0,826** (0,0654)	0,794** (0,0789)
Пьёте алкогольные напитки в парке или на улице (в течение последних 30 дней)	0,898 (0,117)	0,672 (0,177)	0,978 (0,146)
Пьёте алкогольные напитки на работе (в течение последних 30 дней)	0,790** (0,0861)	0,729** (0,101)	0,860 (0,148)
Возраст, делённый на 10	0,509*** (0,0363)	0,576*** (0,0535)	0,637*** (0,0775)
Возраст в квадрате, делённый на 100	1,073*** (0,00829)	1,067*** (0,0106)	1,044*** (0,0137)

Таблица П.3. Продолжение

Переменные	Все	Женщины	Мужчины
Неполное среднее образование (база: полное среднее)	0,958 (0,0527)	0,953 (0,0726)	0,935 (0,0759)
Среднее профессиональное образование	0,917* (0,0426)	0,929 (0,0547)	0,879 (0,0705)
Высшее образование	0,922 (0,0462)	0,922 (0,0586)	0,855* (0,0726)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало среднее (база: было и осталось хорошее или очень хорошее)	1,055 (0,0681)	1,221** (0,104)	0,950 (0,0981)
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало плохое или очень плохое	2,699*** (0,604)	2,597*** (0,794)	3,181*** (1,080)
Здоровье в году T + 1: было и осталось среднее	1,019 (0,0504)	1,096 (0,0722)	0,982 (0,0780)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало хорошее	1,149** (0,0744)	1,295*** (0,112)	1,004 (0,103)
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало плохое или очень плохое	1,826*** (0,153)	1,926*** (0,204)	1,921*** (0,272)
Здоровье в году T + 1: было и осталось плохое	1,607*** (0,139)	1,511*** (0,165)	2,099*** (0,307)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало лучше	1,270** (0,119)	1,429*** (0,165)	1,102 (0,190)
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало очень плохое	2,740*** (0,584)	2,691*** (0,722)	3,740*** (1,286)
Здоровье в году T + 1: было и осталось очень плохое	3,128*** (0,940)	3,919*** (1,627)	2,291* (1,124)
Здоровье в году T + 1: было очень плохое, стало лучше	2,043*** (0,455)	2,017** (0,557)	2,379** (0,884)
У женщины есть её ребёнок в возрасте до года в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		7,446*** (1,142)	
Женщина ждёт ребёнка в году T + 1 (для мужчин переменная = 0)		4,195*** (0,516)	
Мусульманские этносы (база: славяне)	1,913*** (0,146)	1,710*** (0,191)	1,981*** (0,216)
Другие этносы	1,238*** (0,0831)	1,291*** (0,110)	1,140 (0,126)
Логарифм душевого дохода	0,966 (0,0337)	0,944 (0,0425)	1,043 (0,0602)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал больше, чем в два раза (база: доход не упал больше, чем на 5%)	1,225*** (0,0898)	1,121 (0,107)	1,139 (0,138)
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 25–50%	1,126** (0,0577)	1,102 (0,0724)	0,996 (0,0852)

Таблица П.3. Продолжение

Переменные	Все	Женщины	Мужчины
Реальный душевой доход в году T + 1 упал на 5–25%	1,036 (0,0441)	1,103* (0,0587)	0,913 (0,0671)
Количество своих детей до 15 лет в семье в году T	0,990 (0,0292)	1,023 (0,0388)	0,974 (0,0482)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) не в браке, вступил (-а) в брак (база: был (-а) и есть не в браке)	1,210* (0,130)	0,995 (0,137)	1,124 (0,218)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) в браке, перестал (-а) быть в браке	0,778** (0,0964)	0,711** (0,104)	0,966 (0,236)
Брачный статус в году T + 1: был (-а) и есть в браке	0,956 (0,0397)	0,903** (0,0454)	0,922 (0,0790)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивным, стал (-а) безработным (база: был (-а) и остаётся неактивным)	0,755 (0,148)	0,882 (0,220)	0,728 (0,239)
Занятость в году T + 1: был (-а) неактивным, теперь работает	0,851 (0,0842)	0,832 (0,104)	1,128 (0,184)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, стал (-а) неактивным	1,067 (0,192)	1,040 (0,244)	1,127 (0,331)
Занятость в году T + 1: был (-а) и остаётся безработным	0,666* (0,163)	0,662 (0,266)	0,761 (0,236)
Занятость в году T + 1: был (-а) безработным, теперь работает	0,777* (0,115)	0,793 (0,163)	0,860 (0,189)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) неактивным	1,238*** (0,0975)	1,150 (0,115)	1,309** (0,180)
Занятость в году T + 1: работал (-а), стал (-а) безработным	0,923 (0,127)	0,884 (0,169)	1,072 (0,222)
Занятость в году T + 1: работал (-а) и работает	0,759*** (0,0403)	0,759*** (0,0490)	0,791** (0,0791)
Есть проблемы в семье в связи с потреблением алкоголя	0,887 (0,0900)	0,739 (0,146)	0,948 (0,117)
Есть проблемы на работе в связи с потреблением алкоголя	1,530*** (0,233)	1,342 (0,462)	1,557** (0,269)
Есть проблемы со здоровьем в связи с потреблением алкоголя	0,977 (0,0786)	0,962 (0,111)	1,000 (0,115)
Областной центр (база: Москва или Санкт-Петербург)	0,817*** (0,0594)	0,742*** (0,0684)	0,912 (0,111)
Город областного подчинения	1,151* (0,0834)	1,076 (0,0982)	1,212 (0,149)
Село, посёлок городского типа (пгт)	1,103 (0,0768)	0,998 (0,0893)	1,234* (0,142)

Таблица П.3. Окончание

Переменные	Все	Женщины	Мужчины
Логарифм цены на водку	1,879*** (0,336)	1,385 (0,318)	3,084*** (0,913)
Отношение цены водки в году T + 1 к цене водки в году T	3,586*** (1,283)	1,447 (0,676)	12,60*** (7,158)
2009 г. (база: 2008 г.)	0,970 (0,0587)	0,911 (0,0688)	1,099 (0,112)
2012 г.	0,705*** (0,0781)	0,911 (0,130)	0,459*** (0,0831)
2013 г.	0,611*** (0,0768)	0,798 (0,128)	0,387*** (0,0810)
2014 г.	0,998 (0,101)	1,112 (0,144)	0,791 (0,134)
Константа	0,0105*** (0,0132)	0,131 (0,211)	3,87e-05*** (8,05e-05)
Количество наблюдений	35,556	19,376	16,180
<i>Wald chi2</i>	2172,55	1340,72	998,24
<i>Prob > chi2</i>	0,0000	0,0000	0,0000
<i>Log pseudolikelihood</i>	- 12565,8	- 7685,29	- 4686,81
<i>Pseudo R2</i>	0,0943	0,0959	0,1041
Количество кластеров (индивидов) для расчёта стандартной ошибки	15,079	8,218	6,861

Примечание: В скобках — робастная стандартная ошибка; * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Таблица П.4

Средние значения переменных для основной модели за 2006–2019 гг.

Переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Потребляет ли алкоголь в году T + 1	0,133	0,339	0	1
Мужской пол	0,458	0,498	0	1
Пил в течение последних 30 дней умеренно (база: не пил в течение последних 30 дней)	0,644	0,479	0	1
Пил в течение последних 30 дней чрезмерно	0,082	0,275	0	1
Курит (база: не курит и не курил)	0,378	0,485	0	1
Раньше курил, сейчас не курит	0,145	0,352	0	1
Количество чрезмерно пьющих в семье, кроме респондента	0,018	0,392	- 1	4
Количество абстинентов в семье, кроме респондента	0,459	0,767	0	9
Пили самогон в течение последних 30 дней (база: не пил в течение последних 30 дней)	0,046	0,210	0	1
Пили водку в течение последних 30 дней	0,323	0,468	0	1
Пили любое пиво, брагу в течение последних 30 дней	0,397	0,489	0	1
Пили любое вино в течение последних 30 дней	0,243	0,429	0	1

Таблица П.4. Продолжение

Переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Пьёте алкогольные напитки без еды (в течение последних 30 дней)	0,166	0,372	0	1
Пьёте алкогольные напитки в ресторанах или барах (в течение последних 30 дней)	0,159	0,366	0	1
Пьёте алкогольные напитки в парке или на улице (в течение последних 30 дней)	0,035	0,184	0	1
Пьёте алкогольные напитки на работе (в течение последних 30 дней)	0,043	0,204	0	1
Возраст, делённый на 10	4,413	1,539	1,8	8
Возраст в квадрате, делённый на 100	21,840	14,502	3,24	64
Неполное среднее образование (база: полное среднее)	0,144	0,351	0	1
Среднее профессиональное образование	0,264	0,441	0	1
Высшее образование	0,269	0,444	0	1
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало среднее (база: было и осталось хорошее или очень хорошее)	0,102	0,302	0	1
Здоровье в году T + 1: было хорошее, стало плохое или очень плохое	0,003	0,056	0	1
Здоровье в году T + 1: было и осталось среднее	0,426	0,495	0	1
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало хорошее	0,100	0,300	0	1
Здоровье в году T + 1: было среднее, стало плохое или очень плохое	0,038	0,192	0	1
Здоровье в году T + 1: было и осталось плохое	0,041	0,199	0	1
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало лучше	0,033	0,180	0	1
Здоровье в году T + 1: было плохое, стало очень плохое	0,003	0,058	0	1
Здоровье в году T + 1: было и осталось очень плохое	0,002	0,043	0	1
Здоровье в году T + 1: было очень плохое, стало лучше	0,004	0,060	0	1
Мусульманские этносы (база: славяне)	0,039	0,194	0	1
Другие этносы	0,059	0,235	0	1
Логарифм душевого дохода	9,774	0,668	0	16,53
Реальный душевой доход в году T+1 упал больше, чем в 2 раза (база: доход не упал больше, чем на 5%)	0,054	0,226	0	1
Реальный душевой доход в году T+1 упал на 25–50%	0,116	0,320	0	1
Реальный душевой доход в году T+1 упал на 5–25%	0,206	0,404	0	1
Количество своих детей до 15 лет в семье в году T	0,482	0,765	0	9

Таблица П.4. Окончание

Переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Брачный статус в году T + 1: был не в браке, вступил в брак (база: был и остался не в браке)	0,022	0,146	0	1
Брачный статус в году T + 1: был в браке, перестал быть в браке	0,021	0,144	0	1
Брачный статус в году T + 1: был и остался в браке	0,680	0,467	0	1
Занятость в году T + 1: был неактивным, стал безработным (база: был и остался неактивным)	0,007	0,082	0	1
Занятость в году T + 1: был неактивным, стал работать	0,031	0,174	0	1
Занятость в году T + 1: был безработным, стал неактивным	0,008	0,088	0	1
Занятость в году T + 1: был и остался безработным	0,005	0,073	0	1
Занятость в году T + 1: был безработным, стал работать	0,016	0,124	0	1
Занятость в году T + 1: работал, стал неактивным	0,040	0,196	0	1
Занятость в году T + 1: работал, стал безработным	0,014	0,116	0	1
Занятость в году T + 1: работал и работает	0,663	0,473	0	1
Областной центр, не Москва и не Санкт-Петербург (база: Москва и Санкт-Петербург)	0,322	0,467	0	1
Город областного подчинения	0,278	0,448	0	1
Село, посёлок городского типа (пгт)	0,295	0,456	0	1
Логарифм цены на водку	6,293	0,241	5,65	6,87
Отношение цены водки в году T + 1 к цене водки в году T	1,035	0,105	0,814	1,45
2007 г. (база: 2006 г.)	0,060	0,237	0	1
2008 г.	0,059	0,236	0	1
2009 г.	0,060	0,238	0	1
2010 г.	0,084	0,278	0	1
2011 г.	0,087	0,282	0	1
2012 г.	0,087	0,281	0	1
2013 г.	0,075	0,264	0	1
2014 г.	0,072	0,259	0	1
2015 г.	0,071	0,257	0	1
2016 г.	0,075	0,263	0	1
2017 г.	0,070	0,255	0	1
2018 г.	0,069	0,254	0	1
2019 г.	0,068	0,252	0	1

Таблица П.5

Результаты измерения черт личности. 2016–2019 гг.

Переменные	Почти всегда	Чаще всего	Иногда	Почти никогда	Затруднились с ответом
Открытость					
Вам приходят в голову идеи, до которых другие не додумались раньше?	10,7	21,9	48	18,2	1,1
Вам очень интересно узнавать что-то новое?	34,2	42,3	20,1	2,3	1
Вы получаете удовольствие от красивого, например, от природы, искусства и музыки?	50,1	33,4	14,1	1,6	0,7
Добросовестность					
Выполняя какое-то задание, Вы очень аккуратны?	36,3	51,1	11	0,9	0,7
Вы заканчиваете то, что начали?	33,2	51,5	12,8	1,4	1,1
Вы очень усердно трудитесь? Например, Вы продолжаете работать, когда другие делают перерыв?	16,5	34,4	35,4	12,6	1,1
Вам больше нравится расслабляться, чем усердно трудиться?*	11,7	30,5	47,5	9,3	1
Вам нравится работать над задачами, выполнение которых требует очень длительного времени (как минимум, нескольких месяцев)?	8	19	38,2	33,6	1,2
Вы работаете очень хорошо и быстро?	28,4	51,4	16,7	2,4	1,1
Вы тщательно всё обдумываете перед принятием важного решения?	28,4	49	18,8	2,8	1
Экстраверсия					
Вы разговорчивы?	26,8	38,1	29,3	5,2	0,6
Вы предпочитаете держать своё мнение при себе?*	14	40,6	36,5	8	0,9
Вы открыты и общительны (например, Вы очень легко заводите друзей)?	19,6	36,5	32,4	10,7	0,8
Согласность					
Вы легко прощаете других людей?	15,4	41,2	35,2	7,2	1
Вы очень вежливы с другими людьми?	37,5	50,2	10,8	0,6	0,9
Вы щедро делитесь с другими людьми своим временем и деньгами?	10,6	30,7	44,5	13,4	0,8
Вы обращаетесь за помощью, когда не понимаете чего-то?	20,8	43,6	31,1	3,9	0,7
Нейротизм					
Вы спокойны в стрессовых ситуациях?*	12,5	37,2	36,6	12,8	0,9
Люди используют Вас в своих интересах?	5,3	15,3	50,5	27,4	1,4

Таблица П.5. Окончание

Переменные	Почти всегда	Чаше всего	Иногда	Почти никогда	Затруднились с ответом
Вы склонны к беспокойству?	13	29,3	47	9,4	1,3
Вы задумываетесь о том, как Ваши поступки повлияют на Ваше будущее?*	28,4	42,7	23,3	4,6	0,9
Вас легко заставить нервничать?	12,5	25,7	50,7	10,2	1
Люди не очень хорошо к Вам относятся?	2,1	8,7	35,4	52,1	1,7
Вы задумываетесь о том, как Ваши поступки повлияют на других?*	22,6	47	25,4	4,3	0,7

* В моделях используется обратная шкала.

Таблица П.6

Вопросы для измерения отношения к риску

Переменные	Шкала				Не относится	Затруднились с ответом
	0	1–3	4–6	7–10		
Одни люди всегда готовы рисковать, другие никогда не рискуют. Куда на шкале от 0 до 10 Вы поместили бы себя?	21,8	27,8	31,2	14,1		5,1
Насколько Вы готовы рисковать, когда ведёте машину (без учёта «Не относится»)?	30,7	36,6	20,5	9,2		2,9
Насколько Вы готовы рисковать в финансовых вопросах?	31,9	33,8	21,9	8,3		4,1
Насколько Вы готовы рисковать ради продвижения по службе?	32,9	26,4	20,3	8,8		11,5
Насколько Вы готовы рисковать в вопросах безопасности труда?	40,1	32,3	15,3	5,2		7,1
Насколько Вы готовы рисковать в вопросах, касающихся Вашего здоровья?	39,5	33,9	16,3	6,5		3,8
Насколько Вы готовы рисковать, когда ведёте машину?	12,2	14,6	8,1	3,7	60,2	1,2

Литература

Алкоголь на фоне пандемии. 2021. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii>

Белова Ю. Ю. 2021. Поколенческие особенности отказа от алкоголя зависимыми людьми: автобиографическое исследование. *Социальные аспекты здоровья населения*. 67 (3): 13. doi: 10.21045/2071-5021-2021-67-3-13

Белова Ю. Ю. 2023. Трезвый образ жизни: мотивы, роли, практики. *Социологические исследования*. 1: 82–94. doi: 10.31857/S013216250022133-9

Гофман А. Г. 2012. Клиника алкогольного абстинентного синдрома. *Вопросы наркологии*. 6: 82–90.

Ильинских Н. Н., Ильинских Е. Н. 2020. Некоторые генетические особенности у различных этнических когорт студентов, оказывающих влияние на когнитивные и поведенческие аспекты их жизни. В сб.: *Инструменты эффективного развития образования в современном обществе: междисциплинарные аспекты: материалы IV Международной научно-практической конференции, 23 октября 2020 г., Ростов-на-Дону*. СПб.: 11–14.

- Немцов А. В. 2020. Зависимая от алкоголя смертность в России. В сб.: Яковенко Н. В. (ред.) *Международный демографический форум. Материалы заседания*. Воронеж: Цифровая полиграфия; 65–70.
- Немцов А. В., Гридин Р. В. 2021. Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России. *Общественное здоровье*. 1 (2): 28–47. doi: [10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49](https://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49)
- Радаев В. В., Рощина Я. М. 2019. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 48: 7–57. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6788&l=&j=6&base=ojs3
- Abu-Ras W., Ahmed S., Arfken C. L. 2010. Alcohol Use Among US Muslim College Students: Risk and Protective Factors. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*. 9 (3): 206–220. doi: [10.1080/15332640.2010.500921](https://doi.org/10.1080/15332640.2010.500921)
- Bacharach S. B. et al. 2004. Retirement, Risky Alcohol Consumption and Drinking Problems Among Blue-Collar Workers. *Journal of Studies on Alcohol*. 65 (4): 537–545. URL: <https://doi.org/10.15288/jsa.2004.65.537>
- Bernards S. et al. 2009. ‘I Have no Interest in Drinking’: A Cross-National Comparison of Reasons Why Men and Women Abstain from Alcohol Use. *Addiction*. 104: 1658–1668. doi: [10.1111/j.1360-0443.2009.02667.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02667.x)
- Bogg T., Roberts B. W. 2004. Conscientiousness and Health-Related Behaviors: A Meta-Analysis of the Leading Behavioral Contributors to Mortality. *Psychological Bulletin*. 130 (6): 887–919. URL: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.6.887>
- Booth B. M., Curran G. M. 2006. Variations in Drinking Patterns in the Rural South: Joint Effects of Race, Gender, and Rural Residence. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. 32 (4): 561–568. URL: <https://doi.org/10.1080/00952990600920409>
- Borders T. F., Booth B. M. 2007. Rural, Suburban, and Urban Variations in Alcohol Consumption in The United States: Findings from The National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions. *The Journal of Rural Health*. 23 (4): 314–321. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1748-0361.2007.00109.x>
- Brennan P. L., Schutte K. K., Moos R. H. 1999. Reciprocal Relations Between Stressors and Drinking Behavior: A Three-Wave Panel Study of Late Middle-Aged and Older Women and Men. *Addiction*. 94 (5): 737–749. URL: <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1999.94573712.x>
- Britton A., Bell S. 2015. Reasons Why People Change Their Alcohol Consumption in Later Life: Findings from The Whitehall II Cohort Study. *PLoS One*. 10 (3): e0119421. doi: [10.1371/journal.pone.0119421](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0119421)
- Caluzzi G., MacLean S., Pennay A. 2020. Re-Configured Pleasures: How Young People Feel Good Through Abstaining or Moderating Their Drinking. *International Journal of Drug Policy*. 77: 102709. doi: [10.1016/j.drugpo.2020.102709](https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2020.102709)
- Caluzzi G., Pennay A., MacLean S. 2020. Reflexive Habitus and the New Obligation of Choice: Understanding Young People’s Light Drinking and Alcohol Abstinence. *Journal of Youth Studies*. 24 (7): 886–900. doi: [10.1080/13676261.2020.1778658](https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1778658)
- Catalano R. et al. 1993. Job Loss and Alcohol Abuse: A Test Using Data from the Epidemiologic Catchment Area Project. *Journal of Health and Social Behavior*. 34 (3): 215–225. URL: <https://doi.org/10.2307/2137203>

- Cheng T. C., Lo C. C. 2017. Social Risk and Protective Factors in Adolescents' Reduction and Cessation of Alcohol Use. *Substance Use & Misuse*. 52 (7): 916–928. URL: <https://doi.org/10.1080/10826084.2016.1267220>
- Chiappetta V. et al. 2014. Predictors of Quit Attempts and Successful Quit Attempts Among Individuals with Alcohol Use Disorders in A Nationally Representative Sample. *Drug and Alcohol Dependence*. 141: 138–144. doi: 10.1016/j.drugalcdep.2014.05.019
- Cobb-Clark D. A., Schurer S. 2012. The Stability of Big-Five Personality Traits. *Economics Letters*. 115 (1): 11–15.
- Dawson D. A. 2000. The Link between Family History and Early Onset Alcoholism: Earlier Initiation of Drinking or More Rapid Development of Dependence? *Journal of Studies on Alcohol*. 61 (5): 637–646. doi: 10.15288/jsa.2000.61.637
- Dawson D. A., Goldstein R. B., Grant B. F. 2013. Prospective Correlates of Drinking Cessation: Variation Across the Life-Course. *Addiction*. 108 (4): 712–722. doi: 10.1111/add.12079
- Dawson D. A. et al. 2006. Maturing Out of Alcohol Dependence: The Impact of Transitional Life Events. *Journal of Studies on Alcohol*. 67 (2): 195–203. URL: <https://doi.org/10.15288/jsa.2006.67.195>
- Delle S. et al. 2021. Motives for Not Drinking Alcohol: Why Adults in Late Middle Age Abstain. *Addiction Research & Theory*. 30 (1): 1–8. doi: 10.1080/16066359.2021.1954167
- Epstein J.A. et al. 2001. Protective Factors Buffer Effects of Risk Factors on Alcohol Use Among Inner-City Youth. *Journal of Child & Adolescent Substance Abuse*. 11 (1): 77–90. URL: https://doi.org/10.1300/J029v11n01_04
- Forray A. et al. 2015. Perinatal Substance Use: A Prospective Evaluation of Abstinence and Relapse. *Drug and Alcohol Dependence*. 150: 147–155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2015.02.027>
- Gallo W. T. et al. 2001. The Impact of Involuntary Job Loss on Subsequent Alcohol Consumption by Older Workers: Findings from The Health and Retirement Survey. *The Journals of Gerontology: Series B*. 56 (1): S3–S9. URL: <https://doi.org/10.1093/geronb/56.1.S3>
- Global Status Report on Alcohol and Health 2018*. 2018. Geneva: WHO.
- Gruenewald P. J. 2011. Regulating Availability: How Access to Alcohol Affects Drinking and Problems in Youth and Adults. *Alcohol Research: Current Reviews*. 34 (2): 248–256. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3860569/>
- Herring R., Bayley M., Hurcombe R. 2014. “But no One Told Me It’s Okay to Not Drink”: A Qualitative Study of Young People Who Drink Little or No Alcohol. *Journal of Substance Use*. 19 (1–2): 95–102. doi: 10.3109/14659891.2012.740138
- Hodder R. K. et al. 2018. Association Between Australian Adolescent Alcohol Use and Alcohol Use Risk and Protective Factors in 2011 and 2014. *Drug and Alcohol Review*. 37 (S 1): S22–S33. doi: 10.1111/dar.12623
- Iversen L., Klausen H. 1986. Alcohol Consumption Among Laid-Off Workers Before and After Closure of a Danish Ship-Yard: A 2-Year Follow-Up Study. *Social Science & Medicine*. 22 (1): 107–109. doi: 10.1016/0277-9536(86)90314-x

- Jackson K. M. et al. 2001. Transitioning Into and Out of Large-Effect Drinking in Young Adulthood. *Journal of Abnormal Psychology*. 110 (3): 378–391. doi: [10.1037//0021-843x.110.3.378](https://doi.org/10.1037//0021-843x.110.3.378)
- Jagodzinski T., Fleming M. F. 2007. Postpartum and Alcohol-Related Factors Associated with The Relapse of Risky Drinking. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. 68: 879–885. doi: [10.15288/jsad.2007.68.879](https://doi.org/10.15288/jsad.2007.68.879)
- Janlert U., Hammarström A. 1992. Alcohol Consumption Among Unemployed Youths: Results from a Prospective Study. *British Journal of Addiction*. 87 (5): 703–714. doi: [10.1111/j.1360-0443.1992.tb02716.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1992.tb02716.x)
- Jiafang Z. et al. 2004. Alcohol Abuse in a Metropolitan City in China: A Study of the Prevalence and Risk Factors. *Addiction*. 99 (9): 1103–1110. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00799.x>
- John O. P., Srivastava S. 1999. The Big Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Theoretical Perspectives. In: Pervin L. A., John O. P. (ed.) *Handbook of Personality: Theory and Research*. New York: Guilford Press; 102–138.
- Jung M. 2013. Evidence of Psychosocial and Behavioral Effects Related to the Intention to Quit Alcohol in South Korea. *The Health Care Manager*. 32 (2): 141–150. URL: <https://doi.org/10.1097/HCM.0b013e31828ef61c>
- Karimy M. et al. 2015. An Extended Theory of Planned Behavior (TPB) Used to Predict Smoking Behavior Among a Sample of Iranian Medical Students. *International Journal of High-Risk Behaviors & Addiction*. 4 (3): e24715. doi: [10.5812/ijhrba.24715](https://doi.org/10.5812/ijhrba.24715)
- Karlamangla A. et al. 2006. Longitudinal Trajectories of Heavy Drinking in Adults in The United States of America. *Addiction*. 101 (1): 91–99. doi: [10.1111/j.1360-0443.2005.01299.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2005.01299.x)
- Kendler K. S. et al. 2017. Divorce and the Onset of Alcohol Use Disorder: A Swedish Population-Based Longitudinal Cohort and Co-Relative Study. *American Journal of Psychiatry*. 174 (5): 451–458. URL: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2016.16050589>
- Kitsantas P., Gaffney K.F., Wu H., Kastello J.C. 2014. Determinants of Alcohol Cessation, Reduction and No Reduction During Pregnancy. *Archives of Gynecology and Obstetrics*. 289 (4): 771–779. doi: [10.1007/s00404-013-3056-9](https://doi.org/10.1007/s00404-013-3056-9)
- Kolosnitsyna M., Khorkina N., Dorjiev K. 2015. The Impact of Price Measures of State Alcohol Policy on The Consumption of Alcoholic Beverages in Russia. *Economic Policy*. 5: 171–190. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/ep1556.pdf>
- Krause N. 2003. Race, Religion, and Abstinence from Alcohol in Late Life. *Journal of Aging and Health*. 15 (3): 508–533. doi: [10.1177/0898264303253505](https://doi.org/10.1177/0898264303253505)
- Lee M. R., Chassin L., Villalta I. K. 2013. Maturing Out of Alcohol Involvement: Transitions in Latent Drinking Statuses from Late Adolescence to Adulthood. *Development and Psychopathology*. 25 (4pt1): 1137–1153. doi: [10.1017/S0954579413000424](https://doi.org/10.1017/S0954579413000424)
- Leifman H. et al. 1995. Abstinence in Late Adolescence-Antecedents to and Covariates of a Sober Lifestyle and Its Consequences. *Social Science & Medicine*. 41 (1): 113–121. URL: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)00298-8](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)00298-8)
- Li J. et al. 2017. Factors Associated with Consumption of Alcohol in Older Adults — A Comparison Between Two Cultures, China and Norway: The CLHLS and the HUNT-Study. *BMC Geriatrics*. 17 (1): 172. URL: <https://doi.org/10.1186/s12877-017-0562-9>

- Lopez-Viets V. C. et al. 2004. Race and Ethnic Differences in Attempts to Cut Down or Quit Substance Use in a High School Sample. *Journal of Ethnicity in Substance Abus.* 2 (3): 83–103.
- Malloch M. S., Yates R. 2010. Some Concluding Thoughts. In: Malloch M. S., Yates R. (eds) *Tackling Addiction: Pathways to Recovery*. London: Jessica Kingsley Publisher; 207.
- Marlatt G. A., Baer J. S., Quigley L. A. 1997. Self-Efficacy and Addictive Behavior. In: Bandura A. (ed.) *Selfefficacy in Changing Societies*, Cambridge, MA: Cambridge University Press; 289–315.
- Molander R. C., Yonker J. A., Krahn D. D. 2010. Age-Related Changes in Drinking Patterns from Mid-To Older Age: Results from the Wisconsin Longitudinal Study. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research.* 34 (7): 1182–1192. doi: [10.1111/j.1530-0277.2010.01195.x](https://doi.org/10.1111/j.1530-0277.2010.01195.x)
- Moore A. A. et al. 2005. Longitudinal Patterns and Predictors of Alcohol Consumption in the United States. *American Journal of Public Health.* 95 (3): 458–464. doi: [10.2105/AJPH.2003.019471](https://doi.org/10.2105/AJPH.2003.019471)
- Moos R. H. et al. 2004. Ten-Year Patterns of Alcohol Consumption and Drinking Problems Among Older Women and Men. *Addiction.* 99 (7): 829–838. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00760.x>
- Newsom J. T. et al. 2012. Health Behavior Change Following Chronic Illness in Middle and Later Life. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences.* 67 (3): 279–288. URL: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr103>
- Nordfjærn T. 2018. Religiosit and Alcohol Use: Is Religiosity Important for Abstention and Consumption Levels in the Second Half of Life? *Substance Use & Misuse.* 53 (14): 2271–2280. doi: [10.1080/10826084.2018.1473431](https://doi.org/10.1080/10826084.2018.1473431)
- O’Leary L. S. 2000. *Personality Traits and Addiction Relapse Rates: Is There a Connection?* Theses and Dissertations. 1721. Rowan University. URL: https://rdw.rowan.edu/etd/1721?utm_source=rdw.rowan.edu%2Fetd%2F1721&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages
- Oshio T. 2018. Association Between Successful Smoking Cessation and Changes in Marital and Job Status and Health Behaviours: Evidence from a 10-Wave Nationwide Survey in Japan. *BMC Public Health.* 18 (1): 1051. URL: <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5970-z>
- Park J. E., Ryu Y., Cho S. I. 2017. The Association Between Health Changes and Cessation of Alcohol Consumption. *Alcohol and Alcoholism.* 52 (3): 344–350. doi: [10.1093/alcalc/agw089](https://doi.org/10.1093/alcalc/agw089)
- Perreira K. M., Sloan F. A. 2001. Life Events and Alcohol Consumption Among Mature Adults: A Longitudinal Analysis. *Journal of Studies on Alcohol.* 62 (4): 501–508. doi: [10.15288/jsa.2001.62.501](https://doi.org/10.15288/jsa.2001.62.501)
- Piacentini M. G. 2009. Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture, *Journal of Business Research.* 62 (2): 279–288. doi: [10.1016/j.jbusres.2008.01.035](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2008.01.035)
- Platt A., Sloan F. A., Costanzo P. 2010. Alcohol-Consumption Trajectories and Associated Characteristics Among Adults Older Than Age 50. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs.* 71 (2): 169–179. doi: [10.15288/jsad.2010.71.169](https://doi.org/10.15288/jsad.2010.71.169)
- WHO 2020. Pure Alcohol Consumption, Litres Per Capita, Age 15+. *European Health Information Gateway*. URL: https://gateway.euro.who.int/en/indicators/hfa_426-3050-pure-alcohol-consumption-litres-per-capita-age-15plus/

- Purshouse R. C., Meier P. S., Brennan A. 2010. Estimated Effect of Alcohol Pricing Policies on Health and Health Economic Outcomes in England: An Epidemiological Model. *The Lancet*. 375 (9723): 1355–1364. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)60058-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60058-X)
- Radaev V., Roshchina Y. 2019. Young Cohorts of Russians Drink Less: Age–Period–Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994–2016. *Addiction*. 114 (5): 823–835. doi: [10.1111/add.14535](https://doi.org/10.1111/add.14535)
- Radaev V., Roshchina Y. 2021. Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarization? *Drug and Alcohol Review*. 40: 1–8. doi: [10.1111/dar.13253](https://doi.org/10.1111/dar.13253)
- Room R. et al. 2020. Supranational Changes in Drinking Patterns: Factors in Explanatory Models of Substantial and Parallel Social Change. *Addiction Research & Theory*. 28 (6): 467–473. doi: [10.1080/16066359.2019.1689963](https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1689963)
- Sarich P. et al. 2019. A Prospective Study of Health Conditions Relate to Alcohol Consumption Cessation Among 97,852 Drinkers Aged 45 and Over in Australia. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 43 (4): 710–721. doi: [10.1111/acer.13981](https://doi.org/10.1111/acer.13981)
- Satre D. D., Areán P. A. 2005. Effects of Gender, Ethnicity, and Medical Illness on Drinking Cessation in Older Primary Care Patients. *Journal of Aging and Health*. 17 (1): 70–84. doi: [10.1177/0898264304272785](https://doi.org/10.1177/0898264304272785)
- Shokoohi M. et al. 2020. A Syndemic of COVID-19 and Methanol Poisoning in Iran: Time for Iran to Consider Alcohol Use as a Public Health Challenge? *Alcohol*. 87: 25–27. doi: [10.1016/j.alcohol.2020.05.006](https://doi.org/10.1016/j.alcohol.2020.05.006)
- Supski S., Lindsay J. 2017. ‘There’s Something Wrong with You’ How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*. 25 (4): 323–338. URL: <https://doi.org/10.1177/1103308816654068>
- Walitzer K. S., Dearing R. L. 2006. Gender Differences in Alcohol and Substance Use Relapse. *Clinical Psychology Review*. 26 (2): 128–148. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2005.11.003>
- Walton K. E., Roberts B. W. 2004. On The Relationship Between Substance Use and Personality Traits: Abstainers Are Not Maladjusted. *Journal of Research in Personality*. 38 (6): 515–535. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2004.01.002>
- Wang R. et al. 2019. Smoking Cessation Mutually Facilitates Alcohol Drinking Cessation Among Tobacco and Alcohol Co-Users: A Cross-Sectional Study in A Rural Area of Shanghai, China. *Tobacco Induced Diseases*. 17 (November): 85. doi: [10.18332/tid/114076](https://doi.org/10.18332/tid/114076)
- Zins M. et al. 1999. Predictors of Change in Alcohol Consumption Among Frenchmen of the GAZEL Study Cohort. *Addiction*. 94 (3): 385–395. doi: [10.1046/j.1360-0443.1999.9433858.x](https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1999.9433858.x)

NEW TEXTS

Yana Roshchina, Yulia Belova

Who Stops Drinking Alcohol in Russia?

ROSHCHINA, Yana — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Sociology; Leading Research Fellow, Center of Longitudinal Research; Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: yroshchina@hse.ru

BELOVA, Yulia — PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Associate Professor, Department of Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: ybelova@hse.ru

Abstract

This paper, based on a longitudinal study, examines the factors of the transition to abstinence in Russia in the period from 2006 to 2020. The study draws on the database of the Russian Longitudinal Monitoring Survey, a series of representative surveys conducted by the Higher School of Economics for 2006–2020. Based on the results of binary logistic regression, several groups of factors were identified that influence the transition of Russians to abstinence in the year $T + 1$: older age, female gender, belonging to “Muslim ethnic groups,” living in cities of regional subordination and rural areas, pregnancy and childbirth by women, a decrease in per capita income for women, loss of employment status, self-assessment of health as deteriorating if the initial health assessment was as poor and very poor, self-assessment of health as improving compared to the initial health assessment as average, the presence of teetotalers in the family. Higher alcohol prices, other things being equal, increase the likelihood of men becoming abstainers more than twice. The most important factors for refusing to drink alcohol are natural—age and poor health. The presence of non-drinking family members contributes to the rejection of alcohol consumption, while excessive drinkers can have the opposite effect. An increase in the proportion of non-drinkers in the family and in society can set patterns for a sober lifestyle as a social norm. Promoting the value of health in society will help reduce alcohol consumption in the future.

Keywords: alcohol consumption; sobriety; withdrawal symptoms; excessive alcohol consumption; withdrawal from alcohol; transition to sobriety.

Acknowledgements

This research paper uses the results of the project “The Russians’ socio-economic coping strategies with the crisis” carried out within the framework of the HSE Program of Fundamental Research in 2023.

References

- Abu-Ras W., Ahmed S., Arfken C. L. (2010) Alcohol Use Among US Muslim College Students: Risk and Protective Factors. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*, vol. 9, no 3, pp. 206–220. doi: [10.1080/15332640.2010.500921](https://doi.org/10.1080/15332640.2010.500921)
- Alkogol na phone pandemii [Alcohol Amid a Pandemic]. (2021) *Russian Public Opinion Research Center = VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii> (accessed 12 November 2023) (in Russian).

- Bacharach S. B., Bamberger P. A., Sonnenstuhl W. J., Vashdi D. (2004) Retirement, Risky Alcohol Consumption and Drinking Problems Among Blue-Collar Workers. *Journal of Studies on Alcohol*, vol. 65, no 4, pp. 537–545. Available at: <https://doi.org/10.15288/jsa.2004.65.537> (accessed 11 January 2024).
- Belova Yu. Yu. (2021) Pokolencheskie osobennosti otkaza ot alkogolya zavisymymi ludmi: avtobiographicheskoe issledovanie [Generational Characteristics of Alcohol Refusal by Dependent People: An Autobiographical Study]. *Social Aspects of Population Health = Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, vol. 67, no 3, pp. 13. doi: [10.21045/2071-5021-2021-67-3-13](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-3-13) (in Russian).
- Belova Yu. Yu. (2023) Trezvy obraz zhuzni: motivy, roli, praktiki [Sober Lifestyle: Motives, Roles, Practices]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 1, pp. 82–94. doi: [10.31857/S013216250022133-9](https://doi.org/10.31857/S013216250022133-9) (in Russian).
- Bernards S., Graham K., Kuendig H., Hettige S., Obot I. (2009) ‘I Have No Interest in Drinking’: A Cross-National Comparison of Reasons Why Men and Women Abstain from Alcohol Use. *Addiction*, vol. 104, no 10, pp. 1658–1668. doi: [10.1111/j.1360-0443.2009.02667.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02667.x)
- Bogg T., Roberts B. W. (2004) Conscientiousness and Health-Related Behaviors: A Meta-Analysis of the Leading Behavioral Contributors to Mortality. *Psychological Bulletin*, vol. 130, no 6, pp. 887–919. Available at: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.6.887> (accessed 11 January 2024).
- Booth B. M., Curran G. M. (2006) Variations in Drinking Patterns in the Rural South: Joint Effects of Race, Gender, and Rural Residence. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, vol. 32, no 4, pp. 561–568. Available at: <https://doi.org/10.1080/00952990600920409> (accessed 11 January 2024).
- Borders T. F., Booth B. M. (2007) Rural, Suburban, and Urban Variations in Alcohol Consumption in the United States: Findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions. *The Journal of Rural Health*, vol. 23, no 4, pp. 314–321. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1748-0361.2007.00109.x> (accessed 11 January 2024).
- Brennan P. L., Schutte K. K., Moos R. H. (1999) Reciprocal Relations between Stressors and Drinking Behavior: A Three-Wave Panel Study of Late Middle-Aged and Older Women and Men. *Addiction*, vol. 94, no 5, pp. 737–749. Available at: <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1999.94573712.x> (accessed 11 January 2024).
- Britton A., Bell S. (2015) Reasons Why People Change Their Alcohol Consumption in Later Life: Findings from the Whitehall II Cohort Study. *PLoS One*, vol. 10, no 3, art. e0119421. doi: [10.1371/journal.pone.0119421](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0119421)
- Caluzzi G., MacLean S., Pennay A. (2020) Re-Configured Pleasures: How Young People Feel Good through Abstaining or Moderating Their Drinking. *International Journal of Drug Policy*, vol. 77, art. 102709. doi: [10.1016/j.drugpo.2020.102709](https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2020.102709)
- Caluzzi G., Pennay A., MacLean S. (2020) Reflexive Habitus and the New Obligation Of Choice: Understanding Young People’s Light Drinking and Alcohol Abstinence. *Journal of Youth Studies*, vol. 24, no 7, pp. 886–900. doi: [10.1080/13676261.2020.1778658](https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1778658)
- Catalano R., Dooley D., Wilson G., Hough R. (1993) Job Loss and Alcohol Abuse: A Test Using Data from the Epidemiologic Catchment Area project. *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 34, no 3, pp. 215–225. Available at: <https://doi.org/10.2307/2137203> (accessed 11 January 2024).

- Cheng T. C., Lo C. C. (2017) Social Risk and Protective Factors in Adolescents' Reduction and Cessation of Alcohol Use. *Substance Use & Misuse*, vol. 52, no 7, pp. 916–928. Available at: <https://doi.org/10.1080/10826084.2016.1267220> (accessed 11 January 2024).
- Chiappetta V., García-Rodríguez O., Jin C. J., Secades-Villa R., Blanco C. (2014) Predictors of Quit Attempts and Successful Quit Attempts among Individuals with Alcohol Use Disorders in a Nationally Representative Sample. *Drug and Alcohol Dependence*, vol. 141, pp. 138–144. doi: [10.1016/j.drugalcdep.2014.05.019](https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2014.05.019)
- Cobb-Clark D. A., Schurer S. (2012) The Stability of Big-Five Personality Traits. *Economics Letters*, vol. 115, no 1, pp. 11–15.
- Dawson D. A. (2000) The Link between Family History and Early Onset Alcoholism: Earlier Initiation of Drinking or More Rapid Development of Dependence? *Journal of Studies on Alcohol*, vol. 61, no 5, pp. 637–646. doi: [10.15288/jsa.2000.61.637](https://doi.org/10.15288/jsa.2000.61.637)
- Dawson D. A., Goldstein R. B., Grant B. F. (2013) Prospective Correlates of Drinking Cessation: Variation Across the Life-Course. *Addiction*, vol. 108, no 4, pp. 712–722. doi: [10.1111/add.12079](https://doi.org/10.1111/add.12079)
- Dawson D. A., Grant B. F., Stinson F. S., Chou P. S. (2006) Maturing Out of Alcohol Dependence: The Impact of Transitional Life Events. *Journal of Studies on Alcohol*, vol. 67, no 2, pp. 195–203. Available at: <https://doi.org/10.15288/jsa.2006.67.195> (accessed 11 January 2024).
- Delle S., Seitz N. N., Atzendorf J., Mühligh S., Kraus L. (2021) Motives for Not Drinking Alcohol: Why Adults in Late Middle Age Abstain. *Addiction Research & Theory*, vol. 30, pp. 1–8. doi: [10.1080/16066359.2021.1954167](https://doi.org/10.1080/16066359.2021.1954167)
- Epstein J. A., Botvin G. J., Griffin K. W., Diaz T. (2001) Protective Factors Buffer Effects of Risk Factors on Alcohol Use Among Inner-City Youth. *Journal of Child & Adolescent Substance Abuse*, vol. 11, no 1, pp. 77–90. Available at: https://doi.org/10.1300/J029v11n01_04 (accessed 11 January 2024).
- Furray A., Merry B., Lin H., Ruger J. P., Yonkers K. A. (2015) Perinatal Substance Use: A Prospective Evaluation of Abstinence and Relapse. *Drug and Alcohol Dependence*, vol. 150, pp. 147–155. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2015.02.027> (accessed 11 January 2024).
- Gallo W. T., Bradley E. H., Siegel M., Kasl S. V. (2001) The Impact of Involuntary Job Loss on Subsequent Alcohol Consumption by Older Workers: Findings From the Health and Retirement Survey. *The Journals of Gerontology: Series B*, vol. 56, no 1, pp. S3–S9. Available at: <https://doi.org/10.1093/geronb/56.1.S3> (accessed 11 January 2024).
- Global Status Report on Alcohol and Health 2018*. (2018), Geneva: WHO.
- Gofman A. B. (2012) Klinika alkogolnogo abstinentsnogo sindroma [Alcohol Withdrawal Syndrome Clinic]. *Journal of Addiction Problems = Voprosi narcologii*, no 6, pp. 82–90 (in Russian).
- Gruenewald P. J. (2011) Regulating Availability: How Access to Alcohol Affects Drinking and Problems in Youth and Adults. *Alcohol Research: Current Reviews*, vol. 34, no 2, pp. 248–256. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3860569/> (accessed 11 January 2024).

- Herring R., Bayley M., Hurcombe R. (2014) “But No One Told Me It’s Okay to Not Drink”: A qualitative Study of Young People Who Drink Little or No Alcohol. *Journal of Substance Use*, vol. 19, no 1–2, pp. 95–102. doi: [10.3109/14659891.2012.740138](https://doi.org/10.3109/14659891.2012.740138)
- Hodder R. K., Campbell E., Gilligan C., Lee H., Lecathelinais C., Green S., Wiggers J. (2018) Association Between Australian Adolescent Alcohol Use and Alcohol Use Risk and Protective Factors in 2011 and 2014. *Drug and Alcohol Review*, vol. 37, suppl. 1, pp. S22–S33. doi: [10.1111/dar.12623](https://doi.org/10.1111/dar.12623)
- Ilynskikh N. N., Ilynskikh E. N. (2020) Nekotorye genytycheskie osobennosti u razlichnykh etnicheskikh kogort studentov, okazyvautchikh vliyanie na kognitivnye i povedencheskie aspekty ikh zhizni [Some Genetic Characteristics in Different Ethnic Cohorts of Students that Influence Cognitive and Behavioral Aspects of Their Lives]. *Instrumenty effektivnogo razvitiya obrazovaniya v sovremennom obshchestve: mezhdistsiplinarnye aspekty* [Tools for the Effective Development of Education in Modern Society: Interdisciplinary Aspects], St. Petersburg, pp. 11–14 (in Russian).
- Iversen L., Klausen H. (1986) Alcohol Consumption among Laid-Off Workers Before and After Closure of a Danish Ship-Yard: A 2-Year Follow-Up Study. *Social Science & Medicine*, vol. 22, no 1, pp. 107–109. doi: [10.1016/0277-9536\(86\)90314-x](https://doi.org/10.1016/0277-9536(86)90314-x)
- Jackson K. M., Sher K. J., Gotham H. J., Wood P. K. (2001) Transitioning Into and Out of Large-Effect Drinking in Young Adulthood. *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 110, no 3, pp. 378–391. doi: [10.1037//0021-843x.110.3.378](https://doi.org/10.1037//0021-843x.110.3.378)
- Jagodzinski T., Fleming M. F. (2007) Postpartum and Alcohol-Related Factors Associated with the Relapse of Risky Drinking. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, vol. 68, no 6, pp. 879–885. doi: [10.15288/jsad.2007.68.879](https://doi.org/10.15288/jsad.2007.68.879)
- Janlert U., Hammarström A. (1992) Alcohol Consumption Among Unemployed Youths: Results from a Prospective Study. *British Journal of Addiction*, vol. 87, no 5, pp. 703–714. doi: [10.1111/j.1360-0443.1992.tb02716.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1992.tb02716.x)
- Jiafang Z., Jiachun W., Yunxia L., Xiaoxia Q., Ya F. (2004) Alcohol Abuse in a Metropolitan City in China: A Study of the Prevalence and Risk Factors. *Addiction*, vol. 99, no 9, pp. 1103–1110. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00799.x> (accessed 11 January 2024).
- John O. P., Srivastava S. (1999) The Big Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Theoretical Perspectives. *Handbook of Personality: Theory and Research* (eds. L. A. Pervin, O. P. John), New York: Guilford Press, pp. 102–138.
- Jung M. (2013) Evidence of Psychosocial and Behavioral Effects Related to the Intention to Quit Alcohol in South Korea. *The Health Care Manager*, vol. 32, no 2, pp. 141–150. Available at: <https://doi.org/10.1097/HCM.0b013e31828ef61c> (accessed 11 January 2024).
- Karimy M., Zareban I., Araban M., Montazeri A. (2015) An Extended Theory of Planned Behavior (TPB) Used to Predict Smoking Behavior Among a Sample of Iranian Medical Students. *International Journal of High Risk Behaviors & Addiction*, vol. 4, no 3, art. e24715. doi: [10.5812/ijhrba.24715](https://doi.org/10.5812/ijhrba.24715)
- Karlamangla A., Zhou K., Reuben D., Greendale G., Moore A. (2006) Longitudinal Trajectories of Heavy Drinking in Adults in the United States of America. *Addiction*, vol. 101, no 1, pp. 91–99. doi: [10.1111/j.1360-0443.2005.01299.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2005.01299.x)

- Kendler K. S., Lönn S. L., Salvatore J., Sundquist J., Sundquist K. (2017) Divorce and the Onset of Alcohol Use Disorder: A Swedish Population-Based Longitudinal Cohort and Co-Relative Study. *American Journal of Psychiatry*, vol. 174, no 5, pp. 451–458. Available at: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2016.16050589> (accessed 11 January 2024).
- Kitsantas P., Gaffney K. F., Wu H., Kastello J. C. (2014) Determinants of Alcohol Cessation, Reduction and No Reduction During Pregnancy. *Archives of Gynecology and Obstetrics*, vol. 289, no 4, pp. 771–779. doi: [10.1007/s00404-013-3056-9](https://doi.org/10.1007/s00404-013-3056-9)
- Kolosnitsyna M., Khorkina N., Dorjiev K. (2015) The Impact of Price Measures of State Alcohol Policy on the Consumption of Alcoholic Beverages in Russia. *Economic Policy*, vol. 5, pp. 171–190. Available at: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/ep1556.pdf> (accessed 11 January 2024).
- Krause N. (2003) Race, Religion, and Abstinence from Alcohol in Late Life. *Journal of Aging and Health*, vol. 15, no 3, pp. 508–533. doi: [10.1177/0898264303253505](https://doi.org/10.1177/0898264303253505)
- Lee M. R., Chassin L., Villalta I. K. (2013) Maturing Out of Alcohol Involvement: Transitions in Latent Drinking Statuses from Late Adolescence to Adulthood. *Development and Psychopathology*, vol. 25, no 4pt1, pp. 1137–1153. doi: [10.1017/S0954579413000424](https://doi.org/10.1017/S0954579413000424)
- Leifman H., Kühlnhorn E., Allebeck P., Andréasson S., Romelsjø A. (1995) Abstinence in Late Adolescence—Antecedents to and Covariates of a Sober Lifestyle and Its Consequences. *Social Science & Medicine*, vol. 41, no 1, pp. 113–121. Available at: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)00298-8](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)00298-8) Available at (accessed 11 January 2024).
- Li J., Wu B., Selbæk G., Krokstad S., Helvik A.-S. (2017) Factors Associated with Consumption of Alcohol in Older Adults — A Comparison Between Two Cultures, China and Norway: The CLHLS and the HUNT-Study. *BMC Geriatrics*, vol. 17, no 1, p. 172. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12877-017-0562-9> (accessed 11 January 2024).
- Lopez-Viets V. C., Aarons G. A., Ellingstad T. P., Brown S. A. (2004) Race and Ethnic Differences in Attempts to Cut Down or Quit Substance Use in a High School Sample. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*, vol. 2, no 3, pp. 83–103.
- Malloch M. S., Yates R. (2010) Some Concluding Thoughts. *Tackling Addiction: Pathways to Recovery* (eds. M. S. Malloch, R. Yates), London: Jessica Kingsley Publisher, p. 207.
- Marlatt G. A., Baer J. S., Quigley L. A. (1997) Self-Efficacy and Addictive Behavior. *Selfefficacy in Changing Societies*, Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 289–315.
- Molander R. C., Yonker J. A., Krahn D. D. (2010) Age-Related Changes in Drinking Patterns from Mid-To Older Age: Results from the Wisconsin Longitudinal Study. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, vol. 34, no 7, pp. 1182–1192. doi: [10.1111/j.1530-0277.2010.01195.x](https://doi.org/10.1111/j.1530-0277.2010.01195.x)
- Moore A. A., Gould R., Reuben D. B., Greendale G. A., Carter M. K., Zhou K., Karlamangla A. (2005) Longitudinal Patterns and Predictors of Alcohol Consumption in the United States. *American Journal of Public Health*, vol. 95, no 3, pp. 458–464. doi: [10.2105/AJPH.2003.019471](https://doi.org/10.2105/AJPH.2003.019471).

- Moos R. H., Schutte K., Brennan P., Moos B. S. (2004) Ten-Year Patterns of Alcohol Consumption and Drinking Problems among Older Women and Men. *Addiction*, vol. 99, no 7, pp. 829–838. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00760.x> (accessed 11 January 2024).
- Nemtsov A. V. (2020) Zavisimaya ot alkogolya smertnost v Rossii [Alcohol-Dependent Mortality in Russia]. *Mezhdunarodnyy demographicheskii pfrum. Materialy zasedaniya* [International Demographic Forum.] (ed. N. V. Yakovenko), Voronej: Cifrovaya poligrafiya, pp. 65–70 (in Russian).
- Nemtsov A. V., Gridin R. V. (2021) Potreblenie alkogolya vo vremia epidemii koronavirusa v Rossii [Alcohol Consumption During the Coronavirus Epidemic in Russia]. *Public Health = Obshchestvennoe zdorov'ye*, vol. 1, no 2, pp. 28–47. doi: [10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49](https://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49) (in Russian).
- Newsom J. T., Huguet N., McCarthy M. J., Ramage-Morin P., Kaplan M. S., Bernier J., Oderkirk J. (2012) Health Behavior Change Following Chronic Illness in Middle and Later Life. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, vol. 67B, no 3, pp. 279–288. Available at: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr103> (accessed 11 January 2024).
- Nordfjærn T. (2018) Religiosit and Alcohol Use: Is Religiosity Important for Abstention and Consumption Levels in the Second half of Life? *Substance Use & Misuse*, vol. 53, no 14, pp. 2271–2280. doi: [10.1080/10826084.2018.1473431](https://doi.org/10.1080/10826084.2018.1473431)
- O'Leary L. S. (2000) *Personality Traits and Addiction Relapse Rates: Is There a Connection?* Theses and Dissertations. 1721. Rowan University. Available at: https://rdw.rowan.edu/etd/1721?utm_source=rdw.rowan.edu%2Fetd%2F1721&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (accessed 9 January 2024).
- Oshio T. (2018) Association Between Successful Smoking Cessation and Changes in Marital and Job Status and Health Behaviours: Evidence from a 10-Wave Nationwide Survey in Japan. *BMC Public Health*, vol. 18, no 1, art. 1051. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5970-z> (accessed 11 January 2024).
- Park J. E., Ryu Y., Cho S. I. (2017) The Association Between Health Changes and Cessation of Alcohol Consumption. *Alcohol and Alcoholism*, vol. 52, no 3, pp. 344–350. doi: [10.1093/alcalc/agw089](https://doi.org/10.1093/alcalc/agw089)
- Perreira K. M., Sloan F. A. (2001) Life Events and Alcohol Consumption Among Mature Adults: A Longitudinal Analysis. *Journal of Studies on Alcohol*, vol. 62, no 4, pp. 501–508. doi: [10.15288/jsa.2001.62.501](https://doi.org/10.15288/jsa.2001.62.501)
- Piacentini M. G. (2009) Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture, *Journal of Business Research*, vol. 62, no 2, pp. 279–88. doi: [10.1016/j.jbusres.2008.01.035](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2008.01.035)
- Platt A., Sloan F. A., Costanzo P. (2010) Alcohol-Consumption Trajectories and Associated Characteristics Among Adults Older Than Age 50. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, vol. 71, no 2, pp. 169–179. doi: [10.15288/jsad.2010.71.169](https://doi.org/10.15288/jsad.2010.71.169)
- Purshouse R. C., Meier P. S., Brennan A. (2010) Estimated Effect of Alcohol Pricing Policies on Health and Health Economic Outcomes in England: An Epidemiological Model. *The Lancet*, vol. 375, no 9723, pp. 1355–1364. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)60058-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60058-X) (accessed 11 January 2024).

- Radaev V. V., Roshchina Y. M. (2019a) Izmerenie potrebleniya alkogolya kak metodologicheskaya problema [Measuring Alcohol Consumption as a Methodological Problem]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling = Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, vol. 48, pp. 7–57. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6788&l=&j=6&base=ojs3 (accessed 11 January 2024) (in Russian).
- Radaev V., Roshchina Y. (2019b) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age–Period–Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994–2016. *Addiction*, vol. 114, no 5, pp. 823–835. doi: 10.1111/add.14535
- Radaev V., Roshchina Y. (2021) Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarization? *Drug and Alcohol Review*, vol. 40, no 3, pp. 481–488. doi: 10.1111/dar.13253
- Room R., Greenfield T. K., Holmes J., Kraus L., Livingston M., Pennay A., Törrönen J. (2020) Supranational Changes in Drinking Patterns: Factors in Explanatory Models of Substantial and Parallel Social Change. *Addiction Research & Theory*, vol. 28, no 6, pp. 467–473. doi: 10.1080/16066359.2019.1689963
- Sarich P., Canfell K., Banks E., Paige E., Egger S., Joshy G., Weber M. (2019) A Prospective Study of Health Conditions Relate to Alcohol Consumption Cessation Among 97,852 Drinkers Aged 45 and Over in Australia. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, vol. 43, no 4, pp. 710–721. doi: 10.1111/acer.13981
- Satre D. D., Areán P. A. (2005) Effects of Gender, Ethnicity, and Medical Illness On Drinking Cessation in Older Primary Care Patients. *Journal of Aging and Health*, vol. 17, no 1, pp. 70–84. doi: 10.1177/0898264304272785
- Shokoohi M., Nasiri N., Sharifi H., Baral S., Stranges S. (2020) A Syndemic of COVID-19 and Methanol Poisoning in Iran: Time for Iran to Consider Alcohol Use as a Public Health Challenge? *Alcohol*, vol. 87, pp. 25–27. doi: 10.1016/j.alcohol.2020.05.006
- Supski S., Lindsay J. (2017) ‘There’s Something Wrong with You’ How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*, vol. 25, no 4, pp. 323–338. Available at: <https://doi.org/10.1177/1103308816654068> (accessed 11 January 2024).
- Walitzer K. S., Dearing R. L. (2006) Gender Differences in Alcohol and Substance Use Relapse. *Clinical Psychology Review*, vol. 26, no 2, pp. 128–148. doi: 10.1016/j.cpr.2005.11.003
- Walton K. E., Roberts B. W. (2004) On the Relationship Between Substance Use and Personality Traits: Abstainers Are Not Maladjusted. *Journal of Research in Personality*, vol. 38, no 6, pp. 515–535. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2004.01.002> (accessed 11 January 2024).
- Wang R., Li B., Jiang Y., Guan Y., Wang G., Zhao G. (2019) Smoking Cessation Mutually Facilitates Alcohol Drinking Cessation Among Tobacco and Alcohol Co-Users: A Cross-Sectional Study in a Rural Area of Shanghai, China. *Tobacco Induced Diseases*, vol. 17, November, art. 85. doi: 10.18332/tid/114076
- WHO. (2020) Pure Alcohol Consumption, Litres per Capita, Age 15+. *European Health Information Gateway*. Available at: https://gateway.euro.who.int/en/indicators/hfa_426-3050-pure-alcohol-consumption-litres-per-capita-age-15plus/ (accessed 11 January 2024).

Zins M., Carle F., Bugel I., Leclerc A., Orio F. D., Goldberg M. (1999) Predictors of Change in Alcohol Consumption Among Frenchmen of the GAZEL Study Cohort. *Addiction*, vol. 94, no 3, pp. 385–395. doi: [10.1046/j.1360-0443.1999.9433858.x](https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1999.9433858.x)

Received: March 9, 2023

Citation: Roshchina Y., Belova Y. (2024) Kto perestayot pit alkohol v Rossii? [Who Stops Drinking Alcohol in Russia?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya stostiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 11–57. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-11-57](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-11-57) (in Russian).

А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Д. В. Юринова, Е. И. Чарушина, К. Е. Бояркин

Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян¹

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 119010, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: Maximenko.AI@gmail.com

ДЕЙНЕКА Ольга Сергеевна — доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199015, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6.

Email: osdeyneka@yadex.ru

Статья посвящена компульсивному поведению у россиян в период экономических санкций. Отмечается, что к компульсивным покупкам, в отличие от импульсивных, относятся не только и не столько покупки из категории товаров «прикассовой зоны» супермаркетов, но и разные проявления навязчивого и аутотерапевтического потребления. Целью исследования явился поиск взаимосвязей склонности к компульсивным покупкам с выраженностью депрессии и уровнем тревожности. В онлайн-исследовании с помощью сервисов anketolog.ru и toloka.yandex.ru приняли участие 524 человека (мужчин — 47%, женщин — 53%; средний возраст опрошенных $M = 45$ лет). Были использованы следующие методики: «Шкала навязчивых покупок» (Э. Эдвардс), русскоязычная версия «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема и С. Гровера (в адаптации Т. А. Нестика, М. А. Гагариной), «Шкала депрессии, тревоги и стресса» (*Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21*) и «Шкала чувствительности к тревоге» (*Anxiety Sensitivity Index, ASI-3*), а также учтены демографические показатели. Результаты опроса показали, что склонность к навязчивым покупкам связана с возрастом и полом респондентов, а также с уровнем дохода и степенью религиозности. Анализ связей навязчивых покупок с депрессией, тревогой и стрессом показал, что люди впадают в «запой» покупками, когда они расстроены, ощущают беспричинный страх, панику, бессмысленность и пустоту жизни. Склонность к терапии компульсивными покупками оказалась тесно связана с чувствительностью личности к тревоге — соматической, когнитивной и социальной. Решена методическая задача первичной адаптации «Шкалы навязчивых покупок» на российской выборке.

Ключевые слова: поведение потребителей; компульсивные покупки; депрессия; стресс; тревога; монетарное поведение.

Актуальность исследования

Согласно данным экспертов, розничные продажи антидепрессантов в России за первые пять месяцев 2023 г. в денежном выражении увеличились по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. на 2% и достигли рекордных 4,32 млрд рублей. Пандемия, геополитические проблемы и климатический кризис продолжают влиять на людей и сказываются на различных сферах деятельности обывателя. В современном обществе потребления шопоголизм представляет собой один из видов аддикций и является психическим расстройством, характеризующимся непреодолимым желанием убежать от решения проблем в супермаркет, испытывая при этом удовольствие от приобретения товаров и услуг без особой необходимости в них.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-01935.

ЮРИНОВА Дарья Валерьевна — студентка Костромского государственного университета.
Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.

Email: yurinova.dasha@yandex.ru

ЧАРУШИНА Елена Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент Костромского государственного университета.
Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.

Email: vasilisa97@rambler.ru

Определение компульсивного шоппинга как одного из симптомов дегенерации впервые было дано французским психиатром Валентином Маньяном в 1892 г. в одной из его лекций. В том же году врач и публицист Макс Нордау в пятикнижии «Вырождение» (см.: [Нордау 2018]) подробно рассматривал этот феномен, называя ониоманию, или непреодолимое желание что-либо покупать без необходимости, ради удовольствия от самого процесса покупки, «клеймом вырождения». Попытки в начале XX века привлечь внимание к изучению этого феномена (Э. Крепелин, П. Блейлер и др.) не увенчались значительными успехами, и активное его исследование было продолжено лишь в 1980-х гг. Согласно определению Элизабет Эдвардс, компульсивный шоппинг — это патологическая форма покупок и расходов, при которой у человека возникает непреодолимое, неконтролируемое, постоянно повторяющееся желание делать покупки и тратить деньги [Edwards 1993]. Само компульсивное поведение сложно поддаётся оценке и анализу, поскольку такой тип поведения является менее осознанным, менее обдуманым и импульсивным. Об этом потребители не всегда могут правдоподобно говорить, им не всегда удобно признаться в своих необдуманных действиях, покупках. Компульсивная покупка — это, следуя М. Лежуа и А. Вайнштейну, хроническая, повторяющаяся покупка, которая становится основной реакцией на негативные события и чувства и может включать симптомы, эквивалентные влечению и абстиненции [Lejoyeux, Weinstein 2010]. Некоторые российские исследователи называют это суперпотреблением [Истратов, Ноакк, Патоша 2014]. А. В. Овруцкий к компульсивному потребительскому поведению относит также «импульсивное покупательское поведение», «импульсивное потребление», «импульсивные покупки», «импульсивное поведение потребителей», «компульсивное потребление», «потребительские аддикции» и «ониоманию» [Овруцкий 2018]. Авторы другого исследования, напротив, разделяют «импульсивное» и «компульсивное» покупательское поведение, подчёркивая, что обе тенденции (импульс побуждения и зависимость) могут быть вредными для благополучия человека, а также для общества, если речь идёт о чрезмерном потреблении как факторе устойчивости [Olsen, Kho, Tuu 2021]. Опираясь на эмпирическое онлайн-исследование с участием 384 потребителей, они показывают, что оба вида «плохого шоппинга» по-разному связаны с самооценкой и влияют на удовлетворённость жизнью, но могут действовать как механизмы саморегуляции в контексте стремления к гармонии в жизни.

Б. Г. Ребзуев выделяет шесть аспектов компульсивного поведения: аффективный, когнитивный, мотивационный, саморегуляторный и аффективно-когнитивный [Ребзуев 2012]. Всех потребителей Э. Эдвардс классифицирует, располагая их на континууме от нормальных (некомпульсивных), развлекающихся (рекреационных), пограничных и компульсивных до зависимых транжир [Edwards 1992; 1993]. Исследования разных лет показали, что навязчивые покупатели характеризуются такими личностными особенностями, как тревожность [Williams 2012], депрессия [Mueller et al. 2010], материализм [Dittmar 2005] и импульсивность [Black et al. 2012]. Высокий уровень невротизма и низкая добросовестность могут оказывать прямое влияние на чрезмерные покупки [Otero-Lypez, Villardefrancos 2013]. У студентов старших курсов навязчивые покупки были связаны с более низкой

БОЯРКИН Константин Евгеньевич — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета.
Адрес: 199015, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6.

Email: kendless.ko@gmail.com

успеваемостью, повышенным уровнем стресса, соматическими жалобами и суицидальным поведением [Harvanko et al. 2013].

Как видно, в зарубежной науке уделяется достаточное внимание данной тематике, и довольно большое количество исследований тому подтверждение. Так, авторы статьи «Распространённость и конструктивная обоснованность компульсивного покупательского расстройства у посетителей торгового центра» в перекрёстном исследовании установили распространённость компульсивного покупательского расстройства у посетителей торгового центра и исследовали конструктивную обоснованность концепции, используя адаптированную версию шкалы компульсивных покупок Э. Эдвардс среди 1441 посетителя торгового центра [Maraz, Brink, Demetrovics 2015]. Были изучены привычки к покупкам, текущее употребление психоактивных веществ (курение, алкоголь, запрещённые наркотики) и различные психологические характеристики. Авторы пришли к выводу, что в целом 8,7% посетителей торговых центров могут быть классифицированы как страдающие расстройством компульсивного потребления. Частично оно связано с демографическими переменными: такие покупатели менее образованны, чем некомпulsive покупатели [Black 2001]. Однако эта аддикция не связана напрямую и линейно с социально-экономическим статусом или денежным доходом [Koran et al. 2006].

В своем исследовании (с участием 427 респондентов) А. Джапутра с коллегами подчеркивали: навязчивые покупки относятся к явлению, которое способствует чрезмерному потреблению, что может нанести ущерб репутации брендов в долгосрочной перспективе [Japutra, Ekinci, Simkin 2019]. Авторы изучали влияние фактической и идеальной привязанности к бренду в состоянии самоконгруэнтности² потребителя, а также два аспекта навязчивого покупательского поведения: импульсивного и обсессивно-компульсивного. Компulsive покупка, согласно авторам, относится к состоянию, при котором потребители склонны совершать неоправданные повторяющиеся покупки и демонстрировать расстройство контроля импульсов.

Целью исследования Ч. Чанга с коллегами было изучение связи между компulsive покупками и качеством жизни, а также оценкой денежных затрат на компulsive покупки для мужчин и женщин в среднем возрасте (43 года) [Zhang et al. 2017]. Результаты линейного регрессионного анализа полученных данных показали, что компulsive покупки были в значительной степени связаны с качеством жизни, а не с демографическими и психосоциальными факторами, которые тоже учитывались исследователями. Предполагаемые денежные затраты на принудительные покупки для когорты шопоголиков были значительными. Тот факт, что денежная стоимость компulsive покупок не является тривиальной, говорит о том, что люди как сознательно, так и бессознательно страдают от своих компulsive покупок.

2 Состояние, характеризующееся согласованностью внутреннего содержания человека (его установок, взглядов, эмоций, чувств, состояний, переживаний и т. д.). В этом состоянии человек аутентичен своей самости в противоположность тому состоянию, в котором он проявляет психологическую защиту, прячется за маской или вынужден играть какую-то несвойственную ему роль.

К. Манолис и Д. А. Робертс поставили вопрос о точности измерения компульсивных покупок, поскольку это потребительский феномен, характеризуемый тенденцией роста в обществе [Manolis, Roberts 2008]. Их работа была построена на эмпирическом сравнении двух шкал компульсивных покупок: Р. Фабера и Т. О'Гуинна [Faber, O'Guinn 1992] и Э. Эдвардс [Edwards 1993]. Обе шкалы продемонстрировали удовлетворительный уровень внутренней валидности. При этом шкала Элизабет Эдвардс смогла объяснить более высокие уровни дисперсии и показала более высокие средние факторные нагрузки.

К. Н. Маттос с коллегами рассматривают компульсивное покупательское поведение как частые непреодолимые или бессмысленные импульсы к покупке [Mattos et al. 2018]. В своём исследовании эти авторы для измерения выраженности компульсивных покупок использовали португальскую версию семипунктной шкалы компульсивных покупок. Также был использован 16-пунктный опросник, оценивающий степень тяжести переедания. В исследовании приняли участие 434 человека. Результаты исследования показали, что у значительной части людей, обратившихся за лечением от навязчивых покупок, наблюдались симптомы переедания (почти в два раза выше, чем ранее было обнаружено у населения Бразилии в целом). Кроме того, авторы обнаружили, что значительная часть выборки также демонстрировала симптомы накопления, что свидетельствует о том, что компульсивные траты и накопительство обычно могут происходить одновременно.

Целью работы Л. Клааса, А. Мюллерка и К. Луйкса также было изучение взаимосвязи между компульсивными покупками и симптомами расстройства пищевого поведения, но авторы попытались учесть ещё и темперамент как фактор контроля депрессии [Claes, Müller, Luyckx 2016]. В исследовании приняли участие 211 студенток-старшекурсниц. Были использованы шкала компульсивных покупок, список расстройств пищевого поведения, шкалы системы поведенческого торможения и системы поведенческой активации, опросник темперамента взрослого человека и опросник физического здоровья, выявляющий депрессивные состояния. Распространённость компульсивного поведения в женской выборке составила 5,2%, что аналогично результатам предыдущих исследований, в которых сообщалось об оценках распространённости компульсивного поведения в диапазоне от 5,8 до 7% в выборках населения в целом. Компульсивные покупки были в большей степени связаны с булимией (то есть перееданием), чем со стремлением к худобе, даже после контроля депрессивных симптомов. Кроме того, другие исследования выявили положительную взаимосвязь между компульсивными покупками и нервной булимией, являющимися сопутствующими симптомами. Наиболее распространёнными симптомами расстройства пищевого поведения у людей, обращающихся за лечением склонности к компульсивным покупкам, являются переедание и очищение организма, а не симптомы соблюдения диеты. Учитывая сопутствующую патологию между компульсивными покупками и симптомами, связанными с расстройством пищевого поведения (перееданием), было исследовано, лежат ли сходные характеристики темперамента в основе как компульсивных покупок, так и симптомов, связанных с расстройством пищевого поведения. Авторы обнаружили, что компульсивные покупки положительно связаны с поиском удовольствия как реагирования на вознаграждение и низким уровнем контроля, требующим усилий.

Ч. Хорвата и Ф. Адыгюзель фокусируются на исследовании взаимосвязи между гедонистическими покупательскими мотивами и компульсивными покупками в развитых и развивающихся странах [Horváth, Adigüzel 2018]. В рамках этого исследования были опрошены 520 женщин-посетительниц торговых центров в четырёх странах, которые разделили на две развитые (Нидерланды и Германия) и две развивающиеся (Турция и Россия) страны. Применялся широко используемый метод опроса на выходе из торговых центров. В каждой стране были собраны данные только о женщинах, родившихся и выросших в этой стране, чтобы гарантировать целостность их культурного происхождения. Результаты показали, что мотивы гедонистических покупок в значительной степени способствуют навязчивым покупкам. Тем не менее различные гедонистические мотивы, по-видимому, детерминируют навязчивые покупки в развивающихся и развитых странах. На развитых рынках поиск удовольствий, покупка

идей и ролевые игры оказались ключевыми гедонистическими мотивами, способствующими навязчивым покупкам. На развивающихся рынках картина выглядела совершенно иначе. Выяснилось, что ни одна из двух мотиваций (поиск удовольствия и покупка идей), являющихся ключевыми движущими силами навязчивых покупок, согласно существующей литературе, преимущественно основанной на данных по развитым странам, не подтвердила взаимосвязь с компульсивными покупками на развивающихся рынках. Вместо этого в таких странах основной мотивацией оказывался поиск приключений. Более того, ролевая игра отрицательно коррелировала с навязчивыми покупками, а это противоположно тому, что было обнаружено в развитых странах. Авторы учитывают, что данные результаты наряду с ограниченными исследованиями в странах с развивающейся экономикой требуют углублённого и тщательного исследования в таких странах, где национальная культура и экономические условия играют сдерживающую роль в формировании навязчивых покупательских мотивов.

Исследование Э. Виллардефранкоса и Дж. М. Отеро-Лопеса было направлено на оценку распространённости компульсивных покупок в среде студентов университетов из региона Галисия (Испания) [Villardefrancos, Otero-López 2016]. Исследовательский вопрос заключался в обнаружении статистически значимых различий между страдающими навязчивыми покупками и некомпulsiveвыми покупателями с учётом пола, материалистических ценностей, симптомов психологического дистресса и субъективного благополучия. Кроме того, выяснялось, какие из рассмотренных детерминант представляют собой факторы риска или защиты от навязчивых покупок. Всего в исследовании приняли участие 1448 студентов вузов. Они отвечали на ряд вопросов-самоотчётов, оценивающих компульсивно-покупательскую склонность, материализм, симптоматику дистресса, благополучие и пол. В результате авторы исследования обнаружили, что предполагаемая распространённость компульсивных покупок в рассматриваемой выборке студентов университетов составила 7,4%. Были выявлены статистически значимые различия между компульсивными и некомпulsiveвыми покупателями по признаку пола и по каждой из исследованных психологических переменных. В частности, подтвердилось, что компульсивные покупатели получили значительно более высокие баллы по таким измерениям материализма, как престиж, успех и счастье, а также по таким симптомам психологического дистресса, как тревога, депрессия, навязчивая идея, враждебность и соматизация. В то же время у них был значительно более низкий уровень самооценки, удовлетворённости жизнью и оптимизма. Результаты регрессионного анализа подтвердили, что высокие баллы по измерению важности материализма в сочетании с переживанием симптомов тревоги, депрессии, навязчивости, враждебности и соматизации будут составлять факторы риска навязчивого потребительского поведения, а высокий уровень удовлетворённости жизнью будет действовать как фактор защиты от компульсивных покупок среди студентов.

В исследовании Л. М. Лоуренса, Д. Чиорчиари, М. Кириоса рассматривалась взаимосвязь компульсивных покупок с «аддиктивными», обсессивно-компульсивными и депрессивными явлениями после учёта симптомов накопительства, зависимости от психоактивных веществ, мании и пограничного расстройства личности [Lawrence, Ciocciari, Kyrios 2014]. В исследовании приняли участие 87 человек. Для интерпретации результатов были использованы шкала оценки компульсивных покупок, 39-пунктная версия шкалы Padua Inventory (PI), шкала обсессивно-компульсивных расстройств Йеля Брауна (приобретение и сбережение) и опросник чувствительности к наказанию Sensitivity to Reward (SPSRQ), который применялся для выявления сходства между компульсивными покупками и симптомами «привыкания» путём измерения различий в реакциях участников на получение вознаграждения или наказания. Результаты исследования дали дополнительные доказательства в пользу выдвинутых гипотез. Как и прогнозировалось, бóльшая тяжесть компульсивных покупок коррелировала с бóльшей выраженностью депрессии, чувствительностью к вознаграждению, накопительством и (в меньшей степени) обсессивно-компульсивными тенденциями. Регрессивный анализ показал, что выраженность компульсивных трат в бóльшей степени связана с чувствительностью к вознаграждению, в отличие от симптомов обсессивно-компульсивного расстройства и депрессии. Накопительство также было особенно

сильным предиктором симптомов компульсивных покупок. Хотя депрессия и низкая самооценка являются неотъемлемой частью компульсивных покупок, полученные авторами данные свидетельствуют о том, что мотивация к совершению покупок проистекает в первую очередь из попыток нейтрализовать экстремальные уровни депрессии в данный момент, а не повседневные, высокие в среднем уровни депрессии или низкую самооценку, наблюдаемые при компульсивных покупках.

М. Кириос с коллегами рассмотрели расстройство покупательского поведения как инвалидизирующее состояние, которое характеризуется чрезмерными покупками и связанными с этим явлениями [Kyriou et al. 2020]. Целью исследования было лучшее понимание предикторов чрезмерной покупательской активности путём разработки показателя тяжести, основанного на диагностических критериях, разработанных С. Макэлрой с коллегами в 1994 г. [McElroy et al. 1994] (Шкала оценки чрезмерности покупок — Excessive Buying Rating Scale, EBRS), а также сравнение психосоциальных предикторов тяжести заболевания. Выборка состояла из 358 человек. Было выявлено, что показатели компульсивных трат потребителей связаны с их обсессивно-компульсивными состояниями, накопительством, депрессией и чувствительностью к мерам вознаграждения. Чувствительность к вознаграждению была наиболее важным предиктором для компульсивных покупок. Накопительство также выступило важной прогностической переменной компульсивных трат. Таким образом, результаты исследования указывают на то, что компульсивные покупки в наибольшей степени можно было бы отнести к симптомам, связанным с зависимостью (отсюда и повышенная чувствительность к вознаграждению), в отличие от депрессии и обсессивно-компульсивного расстройства. Иными словами, именно накопительство и чувствительность к вознаграждению, вероятно, являются маркерами, дифференцирующими компульсивные покупки от обычных покупок для развлечения.

Проделанный обзор англоязычных источников позволяет резюмировать, что компульсивное поведение связано с рядом факторов, и, несмотря на актуальность проблемы изучения потребительского поведения, особенно во время пандемии и других социальных вызовов, оно остаётся малоизученным феноменом в отечественной науке. Настоящее исследование стремится частично восполнить этот пробел с помощью апробации различных методик, в том числе перевода и адаптации методики исследования компульсивного поведения на российской выборке.

Гипотеза исследования состояла в том, что компульсивное поведение взаимосвязано с уровнем депрессии, тревожности и стресса, а также с проявлениями финансовой тревожности.

Методики, выборка и процедура исследования

Основной методикой исследования покупательского поведения потребителей стала «Шкала навязчивых покупок» [Edwards 1992], которая была подвергнута двойному, то есть прямому (с английского на русский) и обратному (с русского на английский) переводу для более адекватной передачи изначально заложенного в утверждениях опросника смысла. Дополнительно использовалась русскоязычная версия «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема и С. Гровера, в адаптации Т.А. Нестика и М. А. Гагариной [Нестик, Гагарина 2022], позволяющая измерить выраженность финансовой тревожности в общей структуре отношения к деньгам. Для оценки негативных психических состояний покупателя использовались «Шкала депрессии, тревоги и стресса» (Depression, Anxiety and Stress Scales–21, DASS–21 [Lovibond, Lovibond 1995]) и «Шкала чувствительности к тревоге» (Anxiety Sensitivity Index–3, ASI–3 [Taylor et al. 2007]). Кроме того, анкета участника исследования содержала пункты социально-демографического характера для фиксации пола, возраста, субъективного уровня дохода, уровня образования и степени религиозности.

Исследование проводилось 18–25 января 2023 г. в режиме онлайн-опроса с помощью сервисов anketolog.ru и toloka.yandex.ru [Гаврилов 2021]. Были выставлены следующие ограничения (филь-

тры) для онлайн-опроса: географический (Российская Федерация), возрастной (от 18 лет), количество прохождений опросника одним респондентом (не более 1). В исследовании приняли участие 524 человека, из них мужчин — 47,6%, женщин — 52,4%, средний возраст опрошенных $M = 45,04$ года; $SD = 10,14$ года. Почти треть респондентов (34,4 %) проживают в областных центрах, чуть меньше трети (29,2%) — в городах-мегаполисах, 22,7% — в районных центрах, 13,7% — в Москве. Большинство респондентов имеют полное высшее образование (56,2%), среднее и неполное высшее образованию имеют 42,1% опрошенных (1,7% имеют учёную степень). По субъективному уровню дохода ответы респондентов распределились следующим образом: 59,3% ответили, что имеют средний уровень дохода, 22,8% — низкий уровень дохода, 9,8% сводят концы с концами, у 8,1% высокий уровень дохода.

Результаты исследования

Оценивая средние значения по «Шкале навязчивых покупок» (см. табл. 1), можно отметить, что наибольшие значения набрали такие утверждения, как: «Я постоянно покупаю напитки» (2,44), «Я ненавижу ходить по магазинам» (2,41) и «Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его» (2,39). Наименьшие средние значения получили степени согласия со следующими утверждениями: «Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить» (1,70), «Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в “запой покупками”» (1,69) и «Я “впадаю в запой покупками”, когда я расстроен, разочарован, подавлен или зол» (1,65).

Таблица 1

Описательные статистики данных по «Шкале навязчивых покупок»

Утверждение	M (среднее значение)	SD (стандартное отклонение)
Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	2,13	1,21
Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его	2,39	1,16
Я ненавижу ходить по магазинам	2,41	1,25
Я постоянно покупаю напитки	2,44	1,43
Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	2,13	1,15
Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	1,84	1,04
Я начинаю делать покупки, когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	1,65	0,94
Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	1,87	1,08
Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой шопингом»	1,75	1,01
Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить	1,70	0,99
Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	1,69	0,99
Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	1,75	1,00
Иногда мне хочется пройтись по магазинам	1,97	1,17

Примечание: В опроснике использовалась шкала Р. Лайкерта, где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен.

Как показано в таблице 1, большинство респондентов выразили отрицание пристрастия к навязчивым покупкам. Согласно полученным данным, среди респондентов больше тех, кто не любит ходить по магазинам и особого удовольствия от покупок не получает (все средние значения лежат ниже 3 — условной середины шкалы).

Факторный анализ данных опросника «Шкала навязчивых покупок» показал «консистентность» шкалы (см. приложение, табл. П.1), что позволяет использовать ее, рассматривая как целостный инструмент, при этом три утверждения остаются как буферные, то есть маскирующие основную цель опросника («Я постоянно покупаю напитки», «Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его» и «Я ненавижу ходить по магазинам»), не влияющие на общий индекс шопоголизма, и не включаются в обобщённый показатель склонности к компульсивному покупательскому поведению.

Был проведён также конфирматорный факторный анализ. По результатам эксплораторного факторного анализа была составлена модель с одним фактором, в который вошли 10 утверждений (см. рис. 1). Модель продемонстрировала высокие показатели соответствия исходным данным ($CMIN = 123,441$; $df = 34$; $CFI = 0,956$; $RMSEA = 0,071$; $pclose = 0,005$). Эти данные подтверждают конструктивную (факторную) валидность. Полученная шкала (из 10 утверждений) является надёжной, что подтверждает высокий показатель коэффициента альфа Кронбаха ($\alpha = 0,88$).

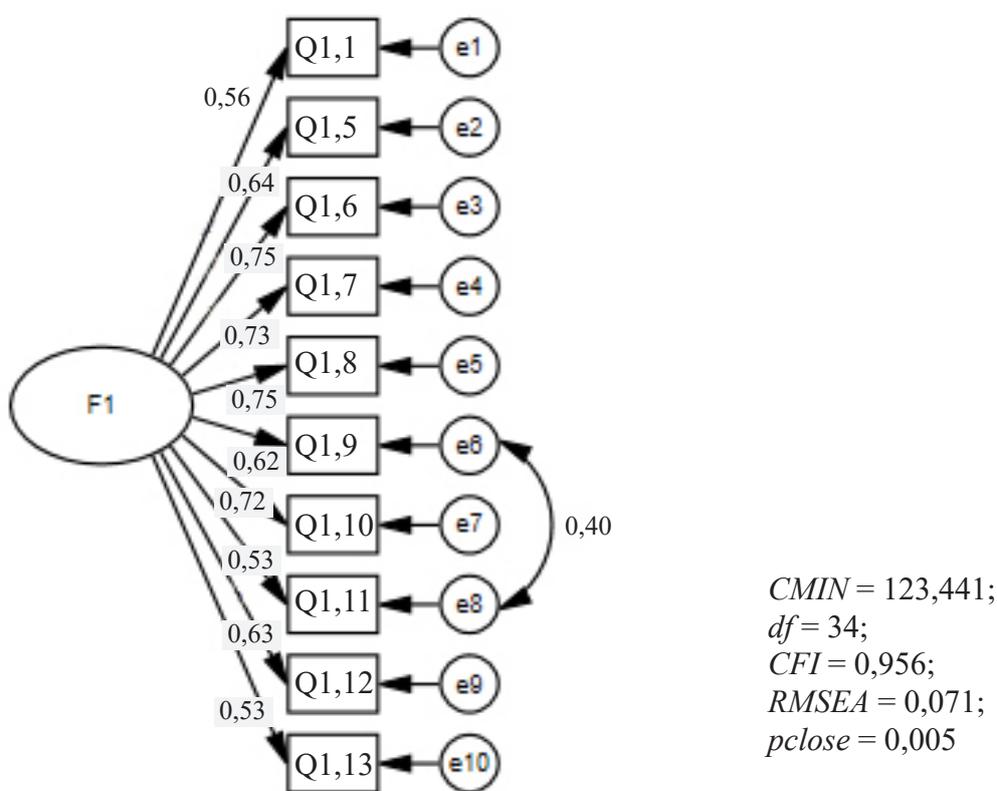

Рис. 1. Графическое представление результатов конфирматорного факторного анализа

Демографические факторы склонности к компульсивным покупкам

Корреляционный анализ показал связь выраженности навязчивости покупок с половозрастными особенностями респондентов (см. приложение, табл. П.2). Так, женщины чаще покупают вещи, которые им не нужны ($r = 0,16$, при $\rho < 0,001$), а мужчины чаще акцентируются на покупке напитков ($r = 0,19$, при $\rho < 0,001$) и получают меньше удовольствия от покупок ($r = (-0,16)$, $\rho < 0,001$). Представители старшего поколения чаще соглашались с тем, что получают мало удовольствия от покупок или вообще его не получают ($r = 0,13$, $\rho < 0,001$). При этом они реже чувствуют побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, когда у них нет ни времени, ни денег ($r = (-0,13)$, $\rho < 0,01$), реже покупают вещи, когда им ничего не нужно ($r = (-0,17)$, $\rho < 0,001$). Меньше склонность к компульсивному покупательскому поведению продемонстрировали субъекты с более высокой оценкой своих доходов (реже покупают

ненужные вещи и реже терапевтируются покупками). Более религиозные респонденты в меньшей степени подвержены шопоголизму. Остальные параметры социального паспорта (семейное положение респондентов и уровень образования) не показали значимых корреляционных связей с проявлениями склонности к компульсивным покупкам.

Связь склонности к компульсивным покупкам с денежными акцентуациями

Для исследования связей шопоголизма и финансовой тревожности использовалась «Новая шкала монетарного поведения». Анализ данных субшкал монетарного поведения показал проявления так называемых монетарных акцентуаций [Дейнека 2000], близкие к нормативным [Нестик, Гагарина 2022]. У респондентов больше выражены значимость денег для уважения в обществе, финансовая одержимость и финансовая тревожность, а самыми низкими были показатели субшкалы «Использование денег как инструмента влияния на людей».

Таблица 2

Описательные статистики данных Новой шкалы монетарного поведения

Субшкалы монетарного поведения	<i>M</i> (среднее значение)	<i>SD</i> (стандартное отклонение)	<i>M</i> (среднее значение, нормативные значения)	<i>SD</i> (стандартное отклонение, нормативные значения)
Финансовая одержимость	4,06	1,21	3,95	1,10
Значимость денег для уважения в обществе	4,31	1,49	4,11	1,27
Использование денег как инструмента влияния на людей	2,71	1,32	2,87	1,35
Финансовая тревожность	3,89	1,40	4,36	1,08

Примечание: Нормативные значения по: [Нестик, Гагарина 2022].

В таблице 3 приведены результаты корреляционного анализа склонности к компульсивным тратам с особенностями монетарного поведения. Высокозначимые связи доказывают, что личности, склонные использовать деньги как власть и инструмент влияния на других, больше подвержены шопоголизму. Также оказалось, что среди шопоголиков больше тех, для кого деньги — отражение достижений и успеха, символ уважения и признания. Подобная ориентация на престиж свойственна лицам, склонным к компульсивному поведению заёмщика для последующих трат, чья цель — произвести впечатление [Дейнека 2016].

Таблица 3

Корреляции денежных акцентуаций с данными по Шкале компульсивных покупок

Денежные акцентуации	Показатели шкалы компульсивных покупок	<i>r</i>	<i>p</i>
Значимость денег для уважения в обществе	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,167	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,169	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,148	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться.	0,160	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам.	0,191	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,237	0,001

Таблица 3. Окончание

Денежные акцентуации	Показатели шкалы компульсивных покупок	r	p
Использование денег как инструмента влияния на людей	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,305	0,001
	Я ненавижу ходить по магазинам.	-0,123	0,01
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,342	0,001
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно.	0,346	0,001
	Я впадаю в «запой покупок», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,365	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,380	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,295	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,269	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,323	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,336	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,463	0,001
Финансовая тревожность	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,193	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но все равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,250	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,241	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,235	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,215	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,207	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,271	0,001

Выявлены ожидаемые взаимосвязи проявлений склонности к компульсивным покупкам с финансовой тревожностью, то есть у склонных к шопоголизму оказалась выше финансовая тревожность, а лица, испытывающие бремя финансовой тревожности, чаще ведут себя как компульсивные покупатели.

Связь склонности к компульсивным покупкам с эмоциональными состояниями

Прежде чем рассматривать связи негативных эмоциональных состояний и проявлений компульсивного покупательского поведения, обратимся к психологическому диагнозу состояний депрессии, тревоги и стресса у обследуемых, которые могут быть как ситуативными, так и перманентными. Средние значения по шкалам опросника DASS-21 представлены в таблице 4, в которой показано, что у обследуемых умеренная степень выраженности депрессии, незначительный стресс и высокая степень тревожности.

Таблица 4

Описательные статистики данных по Шкале депрессии, тревоги и стресса (DASS–21)

Субшкалы	<i>M</i> (среднее значение)	<i>SD</i> (стандартное отклонение)	Степень тяжести
Депрессия (<i>D</i>)	16,4	7,08	Умеренная
Тревожность (<i>A</i>)	15,80	7,19	Высокая
Стресс (<i>S</i>)	17,94	7,89	Незначительная

Учёт демографических переменных позволяет утверждать, что стресс более выражен у женщин ($r = 0,12, p < 0,01$), чем у мужчин, а депрессия и тревожность (ожидаемо) — у людей более одиноких (не состоящих в браке или в неофициальных отношениях, соответственно при $r = 0,20, p < 0,001$ и $r = 0,12, p < 0,01$). Кроме того, чем меньше был субъективный уровень дохода у обследованных россиян, тем более высокими оказались показатели уровня депрессии, тревожности и стресса.

Таблица 5

Корреляции проявлений компульсивного поведения потребителя и негативных эмоциональных состояний (DASS–21)

Негативные эмоциональные состояния	Показатели шкалы компульсивных покупок	<i>r</i>	<i>p</i>
Депрессия	Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,290	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,357	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в запой покупками	0,308	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,347	0,001
Тревожность	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,433	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,427	0,001
Стресс	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,393	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,397	0,001

Примечание: Приведены только наиболее сильные корреляции (на 3-м уровне достоверности).

Таблица 6

Корреляции проявлений компульсивного поведения потребителя и чувствительности к тревоге (ASI-3)

Виды чувствительности к тревоге	Показатели шкалы компульсивных покупок	r	p
Физическая (соматическая) сфера	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,266	0,001
	Я постоянно покупаю напитки	0,102	0,01
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,237	0,001
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	0,242	0,001
	Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,347	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,387	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,348	0,001
	Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить	0,310	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,347	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,323	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,275	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,409	0,001
Когнитивная сфера	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,275	0,001
	Я постоянно покупаю напитки	0,147	0,001
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,228	0,001
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	0,279	0,001
	Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,401	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,432	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,406	0,001
	Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить	0,340	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,369	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,362	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,301	0,001
	Общий индекс компульсивных покупок	0,440	0,001

Таблица 6. Окончание

Виды чувствительности к тревоге	Показатели шкалы компульсивных покупок	r	p
Социальная сфера	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,261	0,001
	Я постоянно покупаю напитки	0,196	0,001
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,295	0,001
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	0,301	0,001
	Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,346	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,411	0,001
	Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,384	0,001
	Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить	0,349	0,001
	Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,385	0,001
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,362	0,001
	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,288	0,001
Общий индекс компульсивных покупок		0,433	0,001

Таблицы 5 и 6 убедительно показывают связь состояний депрессии, тревоги и стресса, а также личностной чувствительности к тревоге (ASI-3) с компульсивным поведением потребителя. Лишь дисперсии двух буферных утверждений Шкалы навязчивых покупок («Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его» и «Я ненавижу ходить по магазинам») оказались никак не связаны с показателями субшкал опросника депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) и шкалой для измерения чувствительности к тревоге (ASI-3). Степень согласия с остальными утверждениями была значимо положительно связана с показателями всех субшкал опросников. Результаты корреляционного анализа подтверждают, что, как правило, компульсивные тратоголики испытывают раскаяние и вину, но не могут устоять перед соблазном аутотерапии покупками.

Проявления чувствительности к тревоге во всех трёх сферах (ASI-3), а именно в физической, или соматической (когда человек ощущает растущее волнение, беспричинный страх, панику, тремор), когнитивной (мысли скачут, фрустрирует страх не вспомнить что-то, плохо получается сосредоточиться) и социальной (слишком сильная реакция на различные жизненные ситуации, страх отсутствия перспектив, переживание бессмысленности своей жизни), тесно взаимосвязаны с компульсивным поведением.

Обсуждение результатов

Перемены в обществе, вызванные пандемией коронавируса, санкционной политикой Запада, а также глобальной военно-политической ситуацией, могут способствовать как конструктивным тенденциям (усиление рациональности, мотивация экономии, экономический патриотизм) [Дейнека, Думская 2022], так и деструктивным вариантам потребительского поведения, в частности навязчивым покупкам. Как правило, компульсивное поведение потребителя сопровождается чувством вины за неоправданные траты или за рискованные займы, переводящие его в разряд жертвы и закрепляя виктимность [Дейнека 2016].

Для интерпретации полученных в нашем исследовании результатов целесообразно обратиться к глубинным триггерам, запускающим в ситуации стресса и депрессии компульсивное поведение потребителей, учитывая при этом ещё и некоторые культурные предпосылки и ситуативные факторы. Так, следуя психоаналитической традиции, Д. Г. Литинская называет причиной компульсивности личности холодное и (или) отталкивающее отношение значимых взрослых в детстве, создающее примат концептов ответственности и вины [Литинская 2016]. По мнению этого автора, культура современности ввела такой примат в норму (как социальную, так и идеальную) для большинства людей, принадлежащих обществу европейских мегаполисов. Лица с навязчивыми расстройствами платят компульсивным поведением за страх перед переменами (вплоть до страха смерти) и стремление к постоянству, пытаясь удержать жизнь с помощью схем и правил и проявляя упрямую нетерпимость ко всему новому, непривычному и беспокоящему их [Литинская 2016].

В терминологии Ж. Делёза и П. Ф. Гваттари, в эпоху цивилизованного этапа развития капитализма произошло раскодирование всех желаний «на теле денег-капитала» (в отличие от предыдущих формаций с тотальным их кодированием) [Делёз, Гваттари 2007: 351]. Стресс, тревога и депрессия выступили активаторами этого процесса в периоды пандемии и постпандемии. Так, помимо шопоголизма, в 2022 г. по сравнению с 2020 г. увеличилось время просмотра наиболее зрелищных видов спорта (футбол, хоккей, баскетбол, бокс и др.) [Growth... 2022], кратно вырос запрос на видеоконтент сайта для взрослых во всех половозрастных группах [Ballester-Arnal et al. 2023], который после отмены карантинных локдаунов в ряде стран имел тенденцию к расширению. На фоне демонических вызовов геополитических споров, глобальной непредсказуемости, возможных апокалиптических сценариев и, как следствие, страха смерти, продуцируемых интернет-СМИ и социальными сетями, произошёл разворот к весьма простым и предсказуемым социальным практикам в поведении, в которых есть место прогнозируемой репертуарной матрице сценариев. В теории управления страхом смерти [Greenberg, Pyszczynski, Solomon 1986] обозначилась наиболее доступная для простых обывателей стратегия совладающего поведения — раскодирование своих желаний при помощи предсказуемого потребления.

Компульсивные покупки сопряжены с демонстративным потреблением. К. Одрин с коллегами показала, что предметы роскоши позволяют потребителям справиться с тревогой, связанной со смертью [Audrin, Cheval, Chanal 2018]. Оказалось, что ценность материализма латентно влияет на импульсивное и компульсивное потребление брендовой одежды класса люкс в купировании тревоги, связанной со смертью. Согласно предположению авторов, люди, чья жизнь находится под угрозой, стремятся идентифицироваться со своей культурой, чтобы повысить самооценку и, возможно, обрести бессмертие [Audrin, Cheval, Chanal 2018]. Кроме материализма, модератором к демонстративному потреблению выступает также приверженность к хип-хоп-культуре [Podoshen, Andrzejewski, Hunt 2014].

Выявленная нами связь компульсивных покупок со склонностью использовать деньги как власть и инструмент влияния на других, а также с потребностью уважения и признания находит подтверждение при изучении демонстративного потребления. Так, например, исследования показывают, что наличие долговых обязательств не всегда понуждает потребителей затянуть пояса [Wang et al. 2020]. Долговой стресс часто увеличивает намерения покупателей потреблять предметы роскоши и заниматься демонстративным потреблением, а воспринимаемое понижение статуса опосредует эту взаимосвязь. Получается замкнутый круг: долговой стресс приводит к воспринимаемому понижению статуса, что, в свою очередь, увеличивает потребительские намерения потреблять предметы роскоши.

При объяснении причин демонстративного потребления указывают, наряду со склонностью к материализму, сексуальными сигналами, позитивной самобытностью (с учётом статуса и индивидуальности), ещё и на смысл жизни [Sedikides, Hart 2022]. Согласно исследованиям, демонстративное потребление положительно коррелирует с чувством внешней ценности человека и отрицательно коррелирует со

смыслом жизни [Zhu et al. 2021], то есть люди, обладающие смыслом жизни, меньше подвержены демонстративному потреблению.

Исследования уральских маркетологов Ю. А. Мальцевой и К. А. Даниловой показали, что деструктивные формы потребительского поведения (импульсивные покупки, подверженность влиянию продавца, низкий контроль денежных средств) чаще проявляются у людей, если в их жизни и повседневности нет смысла (см.: [Салтанова 2020]). Эмпирическое исследование россиян позволило учёным ввести термин «смысловой голод», который приводит к деформациям потребления. Опираясь на упомянутое исследование, мы представляем целесообразным в дальнейшем проверить связь компульсивного поведения потребителей с их ценностями и смыслами.

Обзор зарубежных исследований, посвящённых навязчивому потребительскому поведению, показывает интерес к данной проблеме и перспективам её дальнейшей разработки как с точки зрения экономических последствий (например, привязанность к бренду [Japutra, Ekinci, Simkin 2019]), так и в сфере психологической помощи лицам с деформациями потребительского поведения. Важна также просветительская помощь в преодолении стресса (см., например, иллюстрированное пособие ВОЗ по формированию навыков поведения в стрессогенные периоды: [Важные навыки в периоды стресса... 2020]).

Выводы и заключение

Выполненное эмпирическое исследование подтвердило, что больше подвержены компульсивным покупкам люди, переживающие стресс, тревогу и находящиеся в состоянии депрессии, а также лица с высокой чувствительностью к тревоге.

Кроме того, склонность к навязчивым покупкам оказалась связана с возрастом и полом респондентов, а также с уровнем дохода и степенью религиозности. Так, женщины чаще покупают вещи, даже когда им ничего не нужно, а мужчины, напротив, меньше, чем женщины, получают удовольствия от покупок и чаще покупают напитки. Реже покупают ненужные вещи и терапевтируются покупками респонденты с более высокой оценкой своих доходов. Также в меньшей степени подвержены компульсивным покупкам и шопоголизму более религиозные респонденты.

В ходе исследования решена методическая задача первичной адаптации Шкалы компульсивных покупок (с проверкой на надёжность и конструктивную валидность) на российской выборке.

Ограничения исследования состоят в том, что полученная гетерогенная выборка репрезентирует только пользователей сервиса toloka.yandex.ru. В дальнейшем возможно расширить выборку и сделать её разнообразнее по составу. Перспективы исследований компульсивного поведения потребителя также могут быть связаны с сочетанием изучения навязчивого поведения покупателей с их мотивами накопления и инвестирования.

Приложение

Таблица П.1

Результаты эксплораторного факторного анализа данных по Шкале компульсивных покупок

Утверждение	Факторные нагрузки	
	F 1	F 2
Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,501	
Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его		- 0,798
Я ненавижу ходить по магазинам		- 0,815
Я постоянно покупаю напитки	—	—
Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,587	
Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	0,699	
Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	0,757	
Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,752	
Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,753	
Я покупаю вещи, даже если не могу себе этого позволить	0,724	
Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	0,728	
Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	0,678	
Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,521	
Вес фактора	4,987	1,671

Таблица П.2

Корреляции проявлений компульсивного поведения потребителя и социально-демографических параметров

Социально-демографические показатели	Показатели компульсивного потребления	r	p
Пол	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	0,153	0,001
	Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его	- 0,162	0,001
	Я ненавижу ходить по магазинам	- 0,165	0,001
	Я постоянно покупаю напитки	- 0,190	0,001
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	0,160	0,001
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	0,160	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	0,123	0,01
Возраст	Иногда мне хочется пройтись по магазинам	0,133	0,01
	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	- 0,133	0,01
	Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его	0,126	0,01
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	- 0,168	0,001
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	- 0,110	0,05
	Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	- 0,133	0,01

Таблица П.2. Окончание

Социально-демографические показатели	Показатели компульсивного потребления	r	p
Религиозность	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	- 0,173	0,001
	Я ненавижу ходить по магазинам	0,136	0,01
	Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	- 0,108	0,05
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	- 0,117	0,01
	Я впадаю в «запой покупками», когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	- 0,120	0,01
	Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но все равно хожу по магазинам и трачу деньги	- 0,138	0,01
Субъективный уровень дохода	Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	- 0,133	0,01
	Я ненавижу ходить по магазинам	0,125	0,01
	Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	- 0,142	0,001

Примечание: Чем выше положительная корреляция с полом, тем чаще проявления компульсивного поведения потребителя у женщин.

Таблица П.3

Сравнение средних значений по Шкале навязчивых покупок у мужчин и женщин

Утверждение	Пол	M	SD	T	p
Я чувствую побуждение ходить по магазинам и тратить деньги, даже когда у меня нет ни времени, ни денег	М	1,94	1,13	- 3,469	0,001
	Ж	2,31	1,25		
Я получаю мало удовольствия от покупок или вообще не получаю его	М	2,56	1,14	3,346	0,001
	Ж	2,23	1,15		
Я ненавижу ходить по магазинам	М	2,60	1,23	3,334	0,001
	Ж	2,24	1,25		
Я постоянно покупаю напитки	М	2,72	1,46	4,381	0,001
	Ж	2,18	1,36		
Я чувствую себя «под кайфом», когда совершаю покупки	М	1,94	1,06	- 3,718	0,001
	Ж	2,31	1,20		
Я покупаю вещи, даже когда мне ничего не нужно	М	1,68	0,98	- 3,384	0,001
	Ж	1,99	1,08		
Я начинаю делать покупки, когда я расстроен (-а), разочарован (-а), подавлен (-а) или зол (-ла)	М	1,55	0,89	- 2,274	0,023
	Ж	1,74	0,98		
Я беспокоюсь о своих привычках тратить, но всё равно хожу по магазинам и трачу деньги	М	1,72	0,98	- 2,996	0,003
	Ж	2,00	1,15		
Я чувствую беспокойство после того, как отправляюсь в «запой покупками»	М	1,64	0,93	- 2,357	0,019
	Ж	1,85	1,07		
Я чувствую вину или стыд после того, как отправляюсь в «запой покупками»	М	1,59	0,88	- 2,262	0,024
	Ж	1,78	1,07		
Я покупаю вещи, которые мне не нужны или которыми я не буду пользоваться	М	1,64	0,92	- 2,469	0,014
	Ж	1,85	1,06		
Иногда мне хочется пройтись по магазинам	М	1,82	1,10	- 2,891	0,004
	Ж	2,11	1,21		
Общий индекс компульсивных покупок	М	1,72	0,68	- 4,053	0,001
	Ж	1,97	0,75		

Литература

- Важные навыки в периоды стресса: иллюстрированное пособие* (Doing What Matters in Times of Stress: An Illustrated Guide). 2020. Женева: Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/mental-health/sh-2020-rus-3-web.pdf>
- Гаврилов К. А. 2021. Платформа Толока как источник респондентов для онлайн-опроса: опыт оценки качества данных. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*. 53: 165–209. URL: <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.5>
- Дейнека О. С. 2000. *Экономическая психология*. Учеб. пос. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Дейнека О. С., Думская Д. А. 2022. Потребительские установки россиян на фоне экономического кризиса. В сб.: Шаболтас А. В. (отв. ред.) *Ананьевские чтения – 2022: 60 лет социальной психологии в СПбГУ. От истоков — к новым достижениям и инновациям. Материалы международной научной конференции, 18–21 октября 2022 г.* СПб.: Изд-во «Скифия-принт»; 779–780.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2007. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения* (перев. с франц. и послесл. Д. Краlechкина; науч. ред. В. Кузнецов). Екатеринбург: У-Фактория.
- Истратов В. А., Ноакк Н. В., Патоша О. И. 2014. Склонность к суперпотреблению: экспериментальное исследование (индивидуально-психологический и экономический аспект). В кн.: Багриновский К. А., Хрусталёв Е. Ю. (отв. ред.) *Модели и методы инновационной экономики: сборник научных трудов*. Вып. 6. М.: ЦЭМИ РАН, МАОН; 84–96.
- Ковалева А., Соболев М. 2023. С начала 2023 г. россияне купили антидепрессантов на 4,3 млрд рублей. *Ведомости*. 14 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/07/14/985397-antidepressantov-na-43>
- Литинская Д. Г. 2016. Комппульсивность к истории понятия. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 1 (3): 94–104. URL: [https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/pmorv/vestnik_ppo_1\(3\)2016.pdf#page=94](https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/pmorv/vestnik_ppo_1(3)2016.pdf#page=94)
- Нестик Т., Гагарина М. 2022. Валидизация русскоязычной версии «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема, С. Гровера (ШМП). *Психологические исследования*. 15 (2): 85–86. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272>
- Нордау М. 2018. *Вырождение*. М.: Юрайт.
- Овруцкий А. В. 2018. Импульсивное потребление в психологии и экономике: дифференциация подходов и их интеграция в рамках экономической психологии. *Психолог*. 6: 62–78.
- Резбуев Б. Г. 2012. Импульсивное покупательское поведение в условиях ограниченности когнитивных ресурсов. *Психологический журнал*. 33 (2): 88–100.
- Салтанова С. В. 2020. Жить и потреблять. Как смысловой голод руководит покупателями. *IQ HSE.RU*. URL: <https://iq.hse.ru/news/355977336.html>

- Audrin C., Cheval B., Chanal J. 2018. Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies toward Luxury Brands. *Death Studies*. 42 (2): 115–122. URL: <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008>
- Ballester-Arnal R. et al. 2023. Pornography Consumption in People of Different Age Groups: An Analysis Based on Gender, Contents, and Consequences. *Sexuality Research and Social Policy*. 20: 766–779. URL: <https://doi.org/10.1007/s13178-022-00720-z>
- Black D. W. 2001. Compulsive Buying Disorder. *CNS Drugs*. 15 (1): 17–27. URL: <https://doi.org/10.2165/00023210-200115010-00003>
- Black D. W. et al. 2012. Neuropsychological Performance, Impulsivity, ADHD Symptoms, and Novelty Seeking in Compulsive Buying Disorder. *Psychiatry Research*. 200 (2–3): 581–587. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2012.06.003>
- Claes L., Müller A., Luyckx K. 2016. Compulsive Buying and Hoarding as Identity Substitutes: The Role of Materialistic Value Endorsement and Depression. *Comprehensive Psychiatry*. 68: 65–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2016.04.005>
- Deyneka O. 2016. Dysfunctional Economic Behaviour: Victims of Financial Debt (The Case of Microfinance Organisation Clients). In: Granhag P.-A. et al. (eds) *Psychology and Law in Europe: When West Meets East*. Abingdon, UK: Taylor & Francis; 125–136. URL: <https://doi.org/10.1201/9781315317045>
- Dittmar H. 2005. A New Look at “Compulsive Buying”: Self-Discrepancies and Materialistic Values as Predictors of Compulsive Buying Tendency. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 24 (6): 832–859. URL: <https://doi.org/10.1521/jscp.2005.24.6.832>
- Edwards E. A. 1992. *The Measurement and Modeling of Compulsive Consumer Buying Behavior*. Published Dissertation, the University of Michigan; University Microfilms.
- Edwards E. A. 1993. Development of a New Scale for Measuring Compulsive Buying Behavior. *Financial Counseling and Planning*. 4: 67–84.
- Faber R. J., O’Guinn T. C. 1992. A Clinical Screener for Compulsive Buying. *Journal of Consumer Research*. 19 (3): 459–469. URL: <https://doi.org/10.1086/209315>
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. 1986. The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. In: Baumeister R. F. (ed.) *Public Self and Private Self*. New York: Springer-Verlag; 189–212.
- Growth in New Fan-Focused Technologies, Women’s Sports Creates Exciting Opportunities for Global Sports? 2022, September. *Altman Solon*. MEDIA. ANALYSIS: 2022 SPORTS SURVEY. URL: <https://www.altmansolon.com/insights/growth-in-new-fan-focused-technologies-womens-sports-creates-exciting-opportunities-for-global-sports/>
- Harvanko A. et al. 2013. Prevalence and Characteristics of Compulsive Buying in College Students. *Psychiatry Research*. 210 (3). 1079–1085. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.08.048>

- Horváth C., Adigüzel F. 2018. Shopping Enjoyment to the Extreme: Hedonic Shopping Motivations and Compulsive Buying in Developed and Emerging Markets. *Journal of Business Research*. 86: 300–310. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.07.013>
- Japutra A., Ekinici Y., Simkin L. 2019. Self-Congruence, Brand Attachment and Compulsive Buying. *Journal of Business Research*. 99: 456–463. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.08.024>
- Koran L.M. et al. 2006. Estimated Prevalence of Compulsive Buying Behavior in the United States. *American Journal of Psychiatry*. 163 (10): 1806–1812. URL: <https://doi.org/10.1176/ajp.2006.163.10.1806>
- Kyrios M. et al. 2020. Predicting the Severity of Excessive Buying Using the Excessive Buying Rating Scale and Compulsive Buying Scale. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*. 25: 100509. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jocrd.2020.100509>
- Lawrence L.M., Ciorciari J., Kyrios M. 2014. Relationships that Compulsive Buying has with Addiction, Obsessive-Compulsiveness, Hoarding, and Depression. *Comprehensive Psychiatry*. 55 (5): 1137–1145. URL: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2014.03.005>
- Lejoyeux M., Weinstein A. 2010. Compulsive Buying. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. 36 (5): 248–253. URL: <https://doi.org/10.3109/00952990.2010.493590>
- Lovibond P. F., Lovibond S. H. 1995. The Structure of Negative Emotional States: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour Research and Therapy*. 33 (3): 335–343. URL: [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U)
- McElroy S. L. et al. 1994. Compulsive Buying: A Report of 20 Cases. *Journal of Clinical Psychiatry*. 55 (6): 242–248.
- Manolis C., Roberts J. A. 2008. Compulsive Buying: Does It Matter How It's Measured? *Journal of Economic Psychology*. 29 (4): 555–576. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.10.005>
- Maraz A., Brink W., Demetrovics Z. 2015. Prevalence and Construct Validity of Compulsive Buying Disorder in Shopping Mall Visitors. *Psychiatry Research*. 228 (3): 918–924. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.04.012>
- Mattos C. N. et al. 2018. The Need to Consume: Hoarding as a Shared Psychological Feature of Compulsive Buying and Binge Eating. *Comprehensive Psychiatry*. 85: 67–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.06.010>
- Mueller A. et al. 2010. Estimated Prevalence of Compulsive Buying in Germany and Its Association with Sociodemographic Characteristics and Depressive Symptoms. *Psychiatry Research*. 180 (2–3): 137–142. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2009.12.001>
- Olsen S. O., Khoi N. H., Tuu H. H. 2021. The “Well-Being” and “Ill-Being” of Online Impulsive and Compulsive Buying on Life Satisfaction: The Role of Self-Esteem and Harmony in Life. *Journal of Macromarketing*. 42 (1): 28–145.
- Otero-Lopez J. M., Villardefrancos E. 2013. Compulsive Buying and the Five Factor Model of Personality: A Facet Analysis. *Personality and Individual Differences*. 55 (5): 585–590. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.05.005>

- Podoshen J. S., Andrzejewski S. A., Hunt J. M. 2014. Materialism, Conspicuous Consumption, and American Hip-Hop Subculture. *Journal of International Consumer Marketing*. 26 (4): 271–283. URL: <https://doi.org/10.1080/08961530.2014.900469>
- Roberts J.A., Jones E. 2001. Money Attitudes, Credit Card Use, and Compulsive Buying among American College Students. *Journal of Consumer Affairs*. 35 (2): 213–240. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2001.tb00111.x>
- Sedikides C., Hart C. M. 2022. Narcissism and Conspicuous Consumption. *Current Opinion in Psychology*. 46: 101322. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101322>
- Taylor S. et al. 2007. Robust Dimension of Anxiety Sensitivity: Development and Initial Validation of the Anxiety Sensitivity Index-3. *Psychological Assessment*. 19 (2): 176–188. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/1040-3590.19.2.176>
- Villardefrancos E., Otero-López J. M. 2016. Compulsive Buying in University Students: Its Prevalence and Relationships with Materialism, Psychological Distress Symptoms, and Subjective Well-Being. *Comprehensive Psychiatry*. 65: 128–135. URL: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2015.11.007>
- Wang W. et al. 2020. The Pauper Wears Prada? How Debt Stress Promotes Luxury Consumption. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 56 (September): 102144. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2020.102144>
- Williams A. D. 2012. Evaluation of the Mood Repair Hypothesis of Compulsive Buying. *Open Journal of Psychiatry*. 2 (2): 83–90. URL: <https://doi.org/10.4236/ojpsych.2012.22012>
- Zhang C. et al. 2017. Compulsive Buying and Quality of Life: An Estimate of the Monetary Cost of Compulsive Buying Among Adults in Early Midlife. *Psychiatry Research*. 252: 208–214. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2017.03.007>
- Zhu C. et al. 2021. Relation Between Narcissism and Meaning In Life: The Role of Conspicuous Consumption. *Heliyon*. 7 (9): e07885. URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07885>

Aleksandr Maksimenko, Olga Deyneka, Darya Yurina,
Elena Charushina, Konstantin Boyarkin

Correlations of Compulsive Shopping with Anxiety and Depression in Russia

MAKSIMENKO, Aleksandr —

Doctor of Sociology, Professor of the Faculty of Social Sciences, of HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 119010, Russian Federation.

Email: Maximenko.AI@gmail.com

DEYNEKA, Olga — Doctor of Psychological Sciences, Professor of St. Petersburg State University. Address: 199015, St. Petersburg, nab. Makarova, 6, Russian Federation.

Email: osdeyneka@yandex.ru

YURINOVA, Darya — student of Kostroma State University. Address: 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, Russian Federation.

Email: yurinova.dasha@yandex.ru

CHARUSHINA, Elena — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Kostroma State University. Address: 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, Russian Federation.

Email: vasilisa97@rambler.ru

BOYARKIN, Konstantin — Junior Researcher at St. Petersburg State University. Address: 199015, St. Petersburg, nab. Makarova, 6, Russian Federation.

Email: kendless.ko@gmail.com

Abstract

The article is devoted to compulsive behavior among Russians during the period of economic sanctions. It argues that, unlike impulsive, compulsive purchases include not only and not so much purchases from the category of goods from the “checkout zone” of supermarkets, but also various manifestations of obsessive and auto-therapeutic consumption. The aim of the study was to search for correlations between the propensity to compulsive purchases with the severity of depression and the level of anxiety. 524 individuals (men— 47%, women— 53%, the average age of the respondents, $M = 45$ years) took part in an online research using the services anketolog.ru and yandex.toloka.ru. The following methods were used: “The scale of compulsive purchases” (E. Edwards), the Russian version of the “New scale of monetary behavior” by A. Furnham and S. Grover (adapted by T. A. Nestik, M. A. Gagarina), “The scale of depression, anxiety and stress” (DASS-21) and “The scale of sensitivity to anxiety” (ASI-3), and demographic indicators are also taken into account. The results of the survey showed that the tendency to compulsive purchases was associated with the age and gender of the respondents, as well as with their level of income and degree of religiosity. An analysis of the links between compulsive purchases, depression, anxiety and stress showed that people tend to engage in “binge” shopping when they are upset, feel irrational fear, panic, and a sense of emptiness and meaninglessness in life. The propensity for impulsive shopping therapy was found to be closely related to a person's sensitivity to anxiety (somatic, cognitive and social). The methodological problem of adopting the “Scale of compulsive purchases” to the Russian sample has been solved.

Keywords: consumer behavior; compulsive purchases; depression; stress; anxiety; monetary behavior.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation under project No. 22 28 01935.

References

Audrin C., Cheval B., Chanal J. (2018) Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies toward Luxury Brands. *Death Studies*, vol. 42, no 2, pp. 115–122. Available at: <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008> (accessed 20 November 2023).

- Ballester-Arnal R., García-Barba M., Castro-Calvo J., Giménez-García C. Gil-Llario M. D. (2023) Pornography Consumption in People of Different Age Groups: an Analysis Based on Gender, Contents, and Consequences. *Sexuality Research and Social Policy*, vol. 20, pp. 766–779. Available at: <https://doi.org/10.1007/s13178-022-00720-z> (accessed 20 November 2023).
- Black D. W. (2001) Compulsive Buying Disorder. *CNS Drugs*, vol. 15, no 1, pp. 17–27. Available at: <https://doi.org/10.2165/00023210-200115010-00003> (accessed 2 November 2023).
- Black D. W., Shaw M., McCormick B., Bayless J. D., Allen J. (2012) Neuropsychological Performance, Impulsivity, ADHD Symptoms, and Novelty Seeking in Compulsive Buying Disorder. *Psychiatry Research*, vol. 200, no 2–3, pp. 581–587. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2012.06.003> (accessed 2 November 2023).
- Claes L., Müller A., Luyckx K. (2016) Compulsive Buying and Hoarding as Identity Substitutes: The Role of Materialistic Value Endorsement and Depression. *Comprehensive Psychiatry*, vol. 68, pp. 65–71. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2016.04.005> (accessed 2 November 2023).
- Deyneka O. (2016) Dysfunctional Economic Behaviour: Victims of Financial Debt (The Case of Microfinance Organisation Clients). *Psychology and Law in Europe: When West Meets East* (eds. P.-A. Granhag, R. Bull, A. Shaboltas, E. Dozortseva), Abingdon, UK: Taylor & Francis, pp. 125–136. Available at: <https://doi.org/10.1201/9781315317045> (accessed 29 September 2023).
- Deyneka O. S. (2000) *Ekonomicheskaya psikhologiya* [Economic Psychology], St. Petersburg: SPBU Publisher (in Russian).
- Deyneka O. S., Dumskaya D. A. (2022) Potrebitel'skie ustanovki rossiyan na phone ekonomicheskogo krizisa [Consumer attitudes of Russians against the background of the economic crisis]. *Ananyevskie chteniya – 2022. 60 let sotsial'noy psikhologii v SPbGU: ot istokov — k novym dostizheniyam i innovatsiyam: materialy mezhd. nauchnoy konph., 18–21 oktyabrya 2022 g.* [Ananyevsky Readings – 2022. 60 Years of Social Psychology at St. Petersburg State University: From the Origins to New Achievements and Innovations: Proceedings of the International Scientific Conference, October 18–21, 2022] (ed. A. V. Shaboltas), St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 779–780 (in Russian).
- Deleuze G., Guattari F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoriya (in Russian).
- Dittmar H. (2005) A New Look at “Compulsive Buying”: Self-Discrepancies and Materialistic Values as Predictors of Compulsive Buying Tendency. *Journal of Social and Clinical Psychology*, vol. 24, no 6, pp. 832–859. Available at: <https://doi.org/10.1521/jscp.2005.24.6.832> (accessed 2 November 2023).
- Edwards E. A. (1992) *The Measurement and Modeling of Compulsive Consumer Buying Behavior*. Published Dissertation, the University of Michigan; University Microfilms.
- Edwards E. A. (1993) Development of a New Scale for Measuring Compulsive Buying Behavior. *Financial Counseling and Planning*, vol. 4, pp. 67–84.
- Faber R. J., O'Guinn T. C. (1992) A Clinical Screener for Compulsive Buying. *Journal of Consumer Research*, vol. 19, no 3, pp. 459–469. Available at: <https://doi.org/10.1086/209315> (accessed 4 September 2023).

- Gavrilov K. A. (2021) Platforma Toloka kak istochnik respondentov dlya onlayn-oprosa: opyt otsenki kachestva dannykh [Toloka Platform as a Source of Respondents for an Online Survey: Experience in Evaluating Data Quality]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M) = Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)*, no 53, pp. 165–209. Available at: <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.5> (accessed 22 January 2022) (in Russian).
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. (1986) The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. *Public Self and Private Self* (ed. R. F. Baumeister), New York: Springer-Verlag, pp. 189–212.
- Growth in New Fan-Focused Technologies, Women's Sports Creates Exciting Opportunities for Global Sports? (2022, September). *Altman Solon. MEDIA. ANALYSIS: 2022 SPORTS SURVEY*. URL: <https://www.altmansolon.com/insights/growth-in-new-fan-focused-technologies-womens-sports-creates-exciting-opportunities-for-global-sports/> (accessed 2 January 2024).
- Harvanko A., Lust K., Odlaug B. L., Schreiber L., Derbyshire K., Christenson G., Grant J. E. (2013) Prevalence and Characteristics of Compulsive Buying in College Students. *Psychiatry Research*, vol. 210, no 3, pp. 1079–1085. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.08.048> (accessed 20 November 2023)
- Horváth C., Adıgüzel F. (2018) Shopping Enjoyment to the Extreme: Hedonic Shopping Motivations and Compulsive Buying in Developed and Emerging Markets. *Journal of Business Research*, vol. 86, pp. 300–310. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.07.013> (accessed 5 May 2021).
- Istratov V. A., Noakk N. V., Patosha O. I. (2014) Sklonnost' k superpotrebleniyu: eksperimental'noe issledovanie (individual'no-psikhologicheskii i ekonomicheskii aspekt) [Propensity to Overconsumption: An Experimental Study (Individual Psychological and Economic Aspects)]. *Modeli i metody innovatsionnoy ekonomiki: sbornik nauchnykh trudov* [Models and Methods of Innovative Economics: Collection of Scientific Papers] (eds. K. A. Bagrinovskogo, E. Yu. Hrustalyova), iss. 6, Moscow: CEMI RAN; MAON, pp. 84–96 (in Russian).
- Japutra A., Ekinci Y., Simkin L. (2019) Self-Congruence, Brand Attachment and Compulsive Buying. *Journal of Business Research*, vol. 99, pp. 456–463. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.08.024> (accessed 21 November 2023).
- Koran L. M., Faber R. J., Aboujaoude E., Large M. D., Serpe R. T. (2006) Estimated Prevalence of Compulsive Buying Behavior in the United States. *American Journal of Psychiatry*, vol. 163, no 10, pp. 1806–1812. Available at: <https://doi.org/10.1176/ajp.2006.163.10.1806> (accessed 24 June 2023).
- Kovaleva A., Sobol' M. (2023) Snachala 2023 g. rossiyanе kupili antidepressantov na 4,3 mlrd rubley [Since the beginning of 2023, Russians have bought 4.3 billion rubles worth of antidepressants]. *Vedomosti*. 2023. 14 iyulya. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/07/14/985397-antidepressantov-na-43> (accessed 1 June 2023).
- Kyrios M., Fassnacht D. B., Ali K., Maclean B., Moulding R. (2020) Predicting the Severity of Excessive Buying Using the Excessive Buying Rating Scale and Compulsive Buying Scale. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*, vol. 25, art. 100509. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jocrd.2020.100509> (accessed 24 June 2023).

- Lawrence L. M., Ciorciari J., Kyrios M. (2014) Relationships That Compulsive Buying Has with Addiction, Obsessive-Compulsiveness, Hoarding, and Depression. *Comprehensive Psychiatry*, vol. 55, no 5, pp. 1137–1145. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2014.03.005> (accessed 24 June 2023).
- Lejoyeux M., Weinstein A. (2010) Compulsive Buying. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, vol. 36, no 5, pp. 248–253. Available at: <https://doi.org/10.3109/00952990.2010.493590> (accessed 1 June 2023).
- Litinskaya D. G. (2016) Kompul'sivnost' k istorii ponyatiya [Compulsiveness to the history of the concept] *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*. [Bulletin of the Russian State University. The series “Psychology. Pedagogy. Education”], pp. 94–104.
- Lovibond P. F., Lovibond S. H. (1995) The Structure of Negative Emotional States: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour Research and Therapy*, vol. 33, no 3, pp. 335–343. Available at: [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U) (accessed 24 June 2023).
- Manolis C., Roberts J. A. (2008) Compulsive Buying: Does It Matter How It's Measured? *Journal of Economic Psychology*, vol. 29, no 4, pp. 555–576. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.10.005> (accessed 24 June 2023).
- Maraz A., Brink W., Demetrovics Z. (2015) Prevalence and Construct Validity of Compulsive Buying Disorder in Shopping Mall Visitors. *Psychiatry Research*, vol. 228, no 3, pp. 918–924. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.04.012> (accessed 6 April 2023).
- Mattos C. N., Kim H. S., Lacroix E., Requião M., Filomensky T. Z., Hodgins D. C., Tavares H. (2018) The Need to Consume: Hoarding as a Shared Psychological Feature of Compulsive Buying and Binge Eating. *Comprehensive Psychiatry*, vol. 85, pp. 67–71. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.06.010> (accessed 24 June 2023).
- McElroy S. L., Keck P. E., Jr., Pope H. G., Jr., Smith J. M., Strakowski S. M. (1994) Compulsive Buying: A Report of 20 Cases. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 55, no 6, pp. 242–248.
- Mueller A., Mitchell J. E., Crosby R. D., Gefeller O., Faber R. J., Martin A., Bleich S., Glaesmer H., Exner C., Zwaan M. de. (2010) Estimated Prevalence of Compulsive Buying in Germany and Its Association with Sociodemographic Characteristics and Depressive Symptoms. *Psychiatry Research*, vol. 180, no 2–3, pp. 137–142. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2009.12.001> (accessed 24 June 2023).
- Nestik T., Gagarina M. (2022) Validizatsiya russkoyazychnoy versii “Novoy shkaly monetarnogo povedeniya” A. Fernema, S. Grovera (SHMP) [Validation of the Russian-Language Version of the “New Scale of Monetary Behavior” by A. Fernham, S. Grover (SHMP)]. *Psychological Studies = Psichologicheskie issledovaniya*, vol. 15, no 2, pp. 85–86. Available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272> (accessed 1 January 2023) (in Russian).
- Nordau M. (2018) *Vyrozhdenie* [Degeneration], Moscow: Yurajt (in Russian).
- Olsen S. O., Khoi N. H., Tuu H. H. (2021) The “Well-Being” and “Ill-Being” of Online Impulsive and Compulsive Buying on Life Satisfaction: The Role of Self-Esteem and Harmony in Life. *Journal of Macromarketing*, vol. 42, no 1, pp. 28–145.

- Otero-Lopez J. M., Villardefrancos E. (2013) Compulsive Buying and the Five Factor Model of Personality: A Facet Analysis. *Personality and Individual Differences*, vol. 55, no 5, pp. 585–590. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.05.005> (accessed 22 January 2024).
- Ovrucky A. V. (2018) Impul'sivnoe potreblenie v psikhologii i ekonomike: differentsiatsiya podkhodov i ih integratsiya v ramkakh ekonomicheskoy psikhologii [Impulsive Consumption in Psychology and Economics: Differentiation of Approaches and Their Integration Within the Framework of Economic Psychology]. *Psychologist = Psiholog*, vol. 6, pp. 62–78 (in Russian).
- Podoshen J. S., Andrzejewski S. A., Hunt J. M. (2014) Materialism, Conspicuous Consumption, and American Hip-Hop Subculture. *Journal of International Consumer Marketing*, vol. 26, no 4, pp. 271–283. Available at: <https://doi.org/10.1080/08961530.2014.900469> (accessed 24 June 2023).
- Rebzuev B. G. (2012) Impul'sivnoe pokupatel'skoe povedenie v usloviyakh ogranichennosti kognitivnykh resursov [Impulsive Purchasing Behavior in Conditions of Limited Cognitive Resources]. *Psychological Journal = Psihologicheskij zhurnal*, vol. 33, no 2, pp. 88–100 (in Russian).
- Roberts J. A., Jones E. (2001) Money Attitudes, Credit Card Use, and Compulsive Buying among American College Students. *Journal of Consumer Affairs*, vol. 35, no 2, pp. 213–240. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2001.tb00111.x> (accessed 23 June 2023).
- Saltanova S. V. (2020) Zhit' i potrebyat'. Kak smyslovoy golod rukovodit pokupatelyami [To Live and Consume. How Semantic Hunger Guides Customers]. *IQ HSE.RU*. Available at: <https://iq.hse.ru/news/355977336.html> (accessed 14 June 2023) (in Russian).
- Sedikides C., Hart C. M. (2022) Narcissism and Conspicuous Consumption. *Current Opinion in Psychology*, vol. 46, art. 101322. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101322> (accessed 23 June 2023).
- Taylor S., Zvolensky M. J., Cox B. J., Deacon B., Heimberg R. G., Ledley D. R., Abramowitz J. S., Holaway R. M., Sandin B., Stewart S. H., Coles M., Eng W., Daly E. S., Arrindell W. A., Bouvard M., Cardenas S. J. (2007) Robust Dimension of Anxiety Sensitivity: Development and Initial Validation of the Anxiety Sensitivity Index-3. *Psychological Assessment*, vol. 19, no 2, pp. 176–188. Available at: <http://dx.doi.org/10.1037/1040-3590.19.2.176> (accessed 23 June 2023).
- Vazhnye navyki v periody stressa: illyustrirovannoe posobie* [Doing What Matters in Times of Stress: An Illustrated Guide]. (2020), Genève: WHO. Available at: <https://www.who.int/docs/default-source/mental-health/sh-2020-rus-3-web.pdf> (accessed 23 June 2023) (in Russian).
- Villardefrancos E., Otero-López J. M. (2016) Compulsive Buying in University Students: Its Prevalence and Relationships with Materialism, Psychological Distress Symptoms, and Subjective Well-Being. *Comprehensive Psychiatry*, vol. 65, pp. 128–135. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2015.11.007> (accessed 5 May 2023).
- Wang W., Ma T., Li J., Zhang M. (2020) The Pauper Wears Prada? How Debt Stress Promotes Luxury Consumption. *Journal of Retailing and Consumer Services*, vol. 56, September, art. 102144. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2020.102144> (accessed 22 December 2023).
- Williams A. D. (2012) Evaluation of the Mood Repair Hypothesis of Compulsive Buying. *Open Journal of Psychiatry*, vol. 2, no 2, pp. 83–90. Available at: <https://doi.org/10.4236/ojpsych.2012.22012> (accessed 1 December 2023).

Zhang C., Brook J. S., Leukefeld C. G., Rosa M. de la, Brook D. W. (2017) Compulsive Buying and Quality of Life: An Estimate of the Monetary Cost of Compulsive Buying Among Adults in Early Midlife. *Psychiatry Research*, vol. 252, pp. 208–214. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2017.03.007> (accessed 23 June 2023).

Zhu C., Su R., Zhang X., Liu Y. (2021) Relation Between Narcissism and Meaning in Life: The Role of Conspicuous Consumption. *Heliyon*, vol. 7, no 9, art. e07885. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07885> (accessed 23 June 2023).

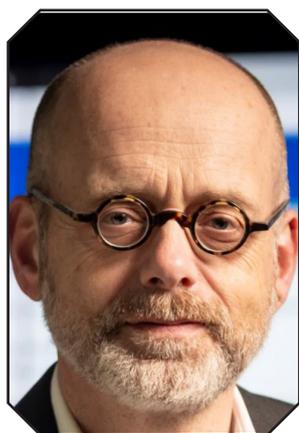
Received: July 27, 2023

Citation: Maksimenko A., Deyneka O., Yurina D., Charushina E., Boyarkin K. (2024) Svyaz' kompul'sivnykh pokupok s trevozhnost'yu i depressiey u rossiyan [Correlations of Compulsive Shopping with Anxiety and Depression in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 58–84. doi: 10.17323/1726-3247-2024-1-58-84 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Б. К. Шталь, Д. Шредер, Р. Родригес

Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем

ШТАЛЬ Бернд Карстен — профессор критических исследований технологий, Школа компьютерных наук, Ноттингемский университет. Адрес: Великобритания, NG7 2RD, г. Ноттингем, Университи-Парк.

Email: Bernd.Stahl@nottingham.ac.uk

Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

Источник: Шталь Б. К., Шредер Д., Родригес Р. (готовится к изданию). *Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем*. М.: Издательства Института Гайдара. Перев. с англ. Stahl B. C., Schroeder D., Rodrigues R. (2023) *Ethics of Artificial Intelligence. Case Studies for Addressing Ethical Challenges*, Cham, Switzerland: Springer.

Книга «Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем» опирается на работу, которой занимались авторы в рамках ряда различных исследовательских инициатив. Главным проектом, который свёл авторов вместе и продемонстрировал потребность в кейсах, описывающих этические проблемы ИИ и пути их решения, был финансируемый ЕС проект *Shaping the Ethical Dimensions of Smart Information System (SHERPA; 2018–2021)*. В данной книге представлены примеры этических проблем из реальной жизни в сочетании с комментариями и стратегиями их преодоления. Книга опирается на метод кейс-стади. Тематические исследования — один из лучших способов узнать об этических дилеммах и получить представление о различных сложностях и перспективах заинтересованных сторон.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу из книги «Этика искусственного интеллекта: введение», где авторы описывают постановку проблемы и объясняют, каким образом структурирована их книга.

Ключевые слова: искусственный интеллект; этика; этические проблемы; анализ кейсов; машинное обучение; метод виньеток.

Глава 1. Этика искусственного интеллекта: введение

Этические вызовы, которые бросает искусственный интеллект (ИИ), одна из главных тем XXI века. Принято считать, что потенциальные выгоды от использования ИИ велики и имеют широкую область применения — от операционных улучшений, таких как снижение числа человеческих ошибок (например, при постановке медицинских диагнозов) до роботизации опасных ситуаций (например, обеспечение безопасности ядерной электростанции после аварии). В то же время ИИ ставит множество этических проблем — от предвзятости в работе алгоритмов и цифрового разрыва до проблем здоровья и безопасности.

Сфера ИИ превратилась в широкомасштабный проект, в который вовлечены самые разные заинтересованные лица. Однако в этике ИИ нет ничего нового. Концепции ИИ почти 70 лет [McCarthy et al. 2006], и этическая озабоченность его развитием высказывалась уже с середины XX века [Wiener 1954; Dreyfus 1972; Weizenbaum 1977]. Сейчас эти дебаты активизировались благодаря более широкому интересу к применению и воздействию усовершенствованных алгоритмов, большей доступности вычислительных мощ-

ШРЕДЕР Дорис — профессор философии морали, директор Центра профессиональной этики, Школа здравоохранения, социальной работы и спорта, Университет Центрального Ланкашира. Адрес: Великобритания, PR1 2HE, Ланкашир, г. Престон

Email: dschroeder@uclan.ac.uk

РОДРИГЕС Ровена — руководитель отдела инноваций и исследований, Trilateral Research Ltd. Адрес: Великобритания, SW1X 7QA, г. Лондон, ул. Найтсбридж Грин, д. 1.

Email: rowena.rodrigues@trilateralresearch.com

ностей и растущему объёму данных, которые могут использоваться для анализа [Hall, Pesenti 2017].

Технические достижения благоприятствовали развитию определённых типов ИИ, в особенности машинного обучения [Alpaydin 2020; Faggella 2020], одной из популярных форм которого, в свою очередь, является глубокое обучение (см. экспликацию) [LeCun, Bengio, Hinton 2015]. Успех этих подходов к ИИ привёл к быстрому расширению сферы его применения, что нередко влекло за собой этически неоднозначные последствия (например, несправедливое или незаконное господство, дискриминация и вмешательство в политику).

Глубокое обучение

Глубокое обучение — один из подходов к машинному обучению, в последние годы приведший к значительным успехам в разработке ИИ [Bengio, Lecun, Hinton 2021]. Развитие глубокого обучения — результат использования искусственных нейросетей, пытающихся реплицировать или симулировать функции мозга. Естественный интеллект зарождается в параллельных сетях нейронов, которые обучаются, регулируя силу своих связей. Глубокое обучение пытается воспроизвести деятельность, напоминающую деятельность мозга, используя статистические параметры, чтобы определить, хорошо ли функционирует сеть. Глубокое обучение получило своё название от глубоких нейронных сетей, то есть сетей со множеством слоёв. Оно успешно применялось к целому ряду проблем — от распознавания образов до обработки естественной речи. Несмотря на свои успехи, глубокое обучение упирается в ряд ограничений [Cremer 2021]. Идут дебаты о том, как далеко ещё может продвинуться машинное обучение, основанное на таких подходах, как глубокое обучение, и не потребуются ли в будущем фундаментально иные принципы, например, внедрение моделей каузальности [Schölkopf et al. 2021].

С расширением сферы применения ИИ его этика выходит далеко за пределы академической науки. Так, в феврале 2020 г. в Риме был выпущен документ, призывающий к этичному развитию ИИ (см.: «Call for an AI Ethics»; <https://www.romecall.org/>), который связывает Ватикан со структурами ООН, занимающимися вопросами продовольствия и сельского хозяйства, с Microsoft, IBM и итальянским Министерством технологических инноваций и цифровизации. Ещё один пример: в июле 2021 г. ЮНЕСКО собрала 24 экспертов со всего мира и запустила международные онлайн-консультации по этике ИИ, чтобы облегчить диалог между всеми странами — членами этой организации. Большой интерес также проявляет пресса, хотя некоторые учёные считают, что вопросы этики ИИ в ней рассматриваются слишком поверхностно [Ouchchy, Coin, Dubljevic 2020].

Одна из больших проблем, с которыми могут столкнуться этика ИИ и те, кто ею занимаются, непрозрачность того, что происходит внутри ИИ. При том что хорошее понимание самой этой деятельности очень важно для рассмотрения этических вопросов.

В обязанности специалиста по этике ИИ не входит программирование самих систем, и едва ли от него можно ждать, что он с ним справится. Вместо этого он должен понимать, среди прочего, чем отличается обучение с учителем от обучения без учителя, что такое разметка данных, как получают согласие пользователя, то есть иметь представление о том, как проектируется, разрабатывается и используется система. Другими словами, специалист по этике ИИ должен понимать процесс настолько, насколько это нужно для того, чтобы отследить моменты, когда необходимо вмешаться и ответить на ключевые этические вопросы [Gambelin 2021].

Таким образом, ожидается, что специалисты по этике ИИ знакомы с технологией, хотя никто, включая самих разработчиков ИИ, по-настоящему не знает, каким образом самые передовые алгоритмы делают то, что они делают [Knight 2017].

Несмотря на этот непрозрачный характер работы ИИ в его современной форме, важно размышлять о том, какие этические вопросы могут возникнуть в ходе его развития и применения. И важно обсуждать эту тему. Подход, который мы здесь выбрали, заключается в изучении кейсов, поскольку реальный опыт этики ИИ предлагает примеры со множеством нюансов для рассмотрения, изучения и анализа [Brusseau 2021]. Данный подход даст нам возможность проиллюстрировать основные этические вызовы, связанные с ИИ, часто с отсылкой к правам человека [Franks 2017].

Анализ кейсов — хорошо зарекомендовавший себя метод углубления понимания теоретических концепций на примере ситуаций из реального мира [Escartín et al. 2015]. Он также позволяет привлечь студентов и расширить опыт обучения, а потому хорошо подходит для преподавания [Yin 2003].

По этой причине мы выбрали метод анализа кейсов. Основываясь на ряде источников с учётом их обновлений (в первую очередь — на работе: [Andreou, Laulhe Shaelou, Schroeder 2019]), мы отобрали наиболее значимые или релевантные этические вопросы, которые в настоящее время обсуждаются в контексте ИИ, и посвятили по отдельной главе каждому из них.

Главы имеют схожую структуру. Сначала мы приводим небольшие экспликации, или виньетки, моделирующие ситуации из реальной жизни и дающие общее представление о конкретном этическом вопросе. Затем представляем нарративную оценку этой виньетки и широкий контекст. В конце мы предлагаем пути решения этических вопросов, которые она затрагивает. Часто это делается в форме обзора инструментов, позволяющих бороться с той или иной этической опасностью. Например, кейс предвзятости в алгоритме, ведущей к дискриминации, будет сопровождаться объяснением цели и объёма оценки воздействия ИИ. Там, где подходящие инструменты отсутствуют, так как люди должны принять решение, основываясь на этических размышлениях (например, в случае с секс-роботами), мы даём резюме различных стратегий аргументации. В центре нашего внимания случаи из *реальной жизни*, большинство из которых нашли отражение в прессе или в научных журналах. Ниже приводится краткий обзор этих кейсов.

Несправедливая и незаконная дискриминация (Unfair and Illegal Discrimination, глава 2)

В первой виньетке-экспликации речь пойдёт об автоматизированном составлении короткого списка кандидатов на вакансию при помощи ИИ, обучавшегося на резюме соискателей за последние 10 лет. Несмотря на попытки решить проблему гендерного перекося на самом первом этапе, компания в итоге отказалась от этого метода, так как он был несовместим с её приверженностью разнообразию и равенству на рабочем месте.

Во второй виньетке описывается, как заключённый, хорошо проявивший себя в программе реабилитации, лишился возможности условно-досрочного освобождения, поскольку ИИ предсказал, что он

представляет опасность для общества. Выяснилось, что субъективное личное мнение тюремных охранников, возможно, имеющих расовые предрассудки, привело к необоснованно завышенной оценке опасности этого заключённого для общества.

Третья виньетка рассказывает об истории студента-инженера азиатского происхождения, чья фотография на паспорте не была принята государственными системами Новой Зеландии на том основании, что на ней у него якобы закрыты глаза. Это была ошибка в распознавании фотографии на паспорте, связанная с этническим происхождением, которую подобные системы совершали и в других местах, например, в Великобритании в случае с темнокожими женщинами.

Неприкосновенность частной жизни (Privacy, глава 3)

Первая виньетка посвящена китайской системе социального кредита, которая использует самые разные данные для подсчёта рейтинга благонадёжности граждан. Высокий рейтинг позволяет получить льготы, а низкий — привести к отказу в оказании услуг.

Вторая виньетка рассказывает о программе исследования генома человека, запущенной в Саудовской Аравии, которая, по прогнозам, должна привести к прорывам в медицине, но при этом вызывает обеспокоенность возможными нарушениями неприкосновенности частной жизни.

Надзорный капитализм (Surveillance Capitalism, глава 4)

Первая виньетка посвящена сбору фотографий, которые извлекаются из таких сервисов, как Instagram, LinkedIn и YouTube, без ведома пользователей и в нарушение соглашения с ними. По сообщениям, одна компания при помощи ИИ, специализирующегося на распознавании лиц, собрала 10 миллиардов изображений лиц людей со всего мира.

Вторая виньетка рассказывает об утечке данных у поставщика услуг по отслеживанию состояния здоровья, из-за чего в общий доступ попали данные 61 миллиона человек.

В третьей виньетке кратко излагается судебное дело, возбуждённое против Facebook за то, что компания ввела пользователей в заблуждение, своевременно и должным образом не объяснив им при активации учётной записи, что их данные будут собираться в коммерческих целях.

Манипуляция (Manipulation, глава 5)

В первой виньетке рассматривается скандал с компаниями Cambridge Analytica и Facebook, разразившийся из-за того, что были собраны 50 миллионов профилей пользователей, отправлены персонализированные сообщения владельцам учётных записей и вёлся широкий анализ поведения избирателей в преддверии американских президентских выборов 2016 г. и референдума о Брексите в том же году.

Вторая виньетка показывает, как научные исследования используются для того, чтобы навязывать коммерческие продукты потенциальным покупателям тогда, когда те с наибольшей лёгкостью поддаются внушению. Например, косметическая продукция предлагается в том случае, если адресаты рекламы чувствуют себя непривлекательными.

Право на жизнь, свободу и безопасность (Right to Life, Liberty and Security of Person, глава 6)

Первая виньетка посвящена нашумевшей аварии с беспилотным автомобилем Tesla, в которой погиб человек, находившийся в машине.

Во второй виньетке даётся обзор уязвимостей в безопасности систем умного дома, которые могут привести к атакам по принципу «человек посередине», то есть такому виду кибератак, в котором нарушение безопасности системы позволяет хакеру перехватывать конфиденциальную информацию.

В третьей виньетке речь идёт о состязательных атаках при постановке медицинских диагнозов, когда система ИИ может быть почти на 70% введена в заблуждение поддельными изображениями.

Достоинство (Dignity, глава 7)

Первая виньетка описывает кейс работника, чьё человеческое достоинство было унижено, когда его незаконно уволили и грубо выдворили из офиса компании. Решение об увольнении было принято, основываясь на непрозрачной рекомендации, данной автоматической системой.

Вторая виньетка посвящена секс-роботам и, в частности, вопросу о том, оскорбляют ли они достоинство женщин и девочек.

В том же ключе в третьей виньетке рассматривается вопрос о том, являются ли роботы-сиделки оскорблением достоинства пожилых людей.

ИИ для добра и цели ООН в области устойчивого развития (AI for Good and the UN's Sustainable Development Goals, глава 8)

Первая виньетка этой главы рассказывает о том, как сезонное предсказание климата в условиях ограниченных ресурсов привело к отказам в кредитовании неимущим фермерам в Зимбабве и Бразилии и к досрочному увольнению работников рыболовной промышленности в Перу.

Вторая виньетка посвящена исследовательской команде из богатой страны, которой потребовались большие объёмы данных мобильных телефонов пользователей из Сьерра-Леоне, Гвинеи и Либерии, чтобы отслеживать передвижения населения во время эпидемии Эболы. Комментаторы утверждают, что вместо того, чтобы тратить время на переговоры по этому вопросу, государственные структуры, страдающие от нехватки кадров, должны были заниматься разрешением нарастающего кризиса с эпидемией Эболы.

Это книга об анализе кейсов, связанных с этикой ИИ, а не философская книга по этике. Тем не менее следует ясно указать на то, что мы понимаем под термином «этика». Мы опираемся на сложившуюся традицию этических дискуссий и ключевых позиций, таких, в частности, как оценка долга этического агента [Kant 1788; 1797], оценка последствий действий [Bentham 1789; Mill 1861], оценка характера агента [Aristotle 2000] и выявление потенциальной предвзятости в собственной позиции, например, с использованием этики заботы [Held 2005]. В нескольких главах мы отдаём предпочтение позиции Канта, но признаём и используем и другие взгляды. Мы отдаём себе отчёт в том, что существует множество этических традиций, помимо упомянутых здесь доминирующих европейских, и приветствуем дебаты о том, как они способны помочь лучше понять разные аспекты этики и технологии. Таким образом, мы используем термин «этика» как плюралистический.

Такой подход открыт для интерпретаций с точки зрения главных этических теорий, а также разных теоретических позиций, включая недавние попытки разработать этические теории, в большей степени нацеленные на новые технологии, такие как «раскрывающая этика» (*disclosive ethics*) [Brey 2000], компьютерная этика [Vunum 2001], информационная этика [Floridi 1999] и этика процветания человека [Stahl 2021].

Наша плюралистическая интерпретация этики ИИ согласуется с большей частью литературы по этой теме. Преобладающий подход к этике ИИ — разработка руководящих принципов [Jobin, Ienca, Vayena 2019], основывающаяся по большей части на этических принципах среднего уровня, как правило, выводимых из принципов биомедицинской этики [Childress, Beauchamp 1979]. Работа группы экспертов высокого уровня по ИИ при ЕС имела большое значение, так как оказала сильное влияние на дискуссии в Европе, где мы находимся физически и откуда получаем финансирование для нашей работы. Однако подход к этике ИИ, основанный на руководящих этических принципах, был подвергнут серьезной критике [Mittelstadt 2019; Rességuier, Rodrigues 2020]. Главный тезис оппонентов состоит в том, что такой подход далёк от практики применения ИИ и не объясняет, как этика может внедряться в практику. Наш подход, основанный на анализе кейсов, нацелен на то, чтобы преодолеть эту критику, усилить этическую рефлексию и продемонстрировать возможные практические меры.

Мы приглашаем критически настроенного читателя присоединиться к нам в путешествии по кейсам этики ИИ. Мы также просим его не ограничиваться в своих размышлениях представленными в книге кейсами и задавать фундаментальные вопросы, например, о том, типичны ли обсуждаемые здесь проблемы или они касаются исключительно ИИ, и можно ли ждать их разрешения.

ИИ — пример современной и динамически развивающейся технологии, поэтому важен вопрос о том, можем ли мы продолжать размышлять об этике ИИ и научиться чему-то, что можно применить к будущим поколениям технологий, чтобы обеспечить человечеству выгоды от технологического прогресса и развития, найти способы обойти их недостатки.

Литература

- AI HLEG. 2019. *Ethics Guidelines for Trustworthy AI*. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Brussels: European Commission. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=60419
- Alpaydin E. 2020. *Introduction to Machine Learning*. Cambridge: The MIT Press.
- Andreou A., Laila Shaelou S., Schroeder D. 2019. *DI.5 Current Human Rights Frameworks*. De Montfort University. Online Resource. URL: <https://doi.org/10.21253/DMU.8181827.v3>
- Aristotle. 2000. *Nicomachean Ethics* (trans. R. Crisp). Cambridge: Cambridge University Press. См. также рус. перев.: Аристотель. 1983. Никомахова этика. В сб.: *Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 4. М.: Мысль; 53–293.
- Bengio Y., Lecun Y., Hinton G. 2021. Deep Learning for AI. *Communications of the ACM*. 64 (7): 58–65. URL: <https://doi.org/10.1145/3448250>
- Bentham J. 1789. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Mineola: Dover Publications. См. также рус. перев.: Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.

- Brey P. 2000. Disclosive Computer Ethics. *ACM SIGCAS Computers and Society*. 30 (4): 10–16. URL: <https://doi.org/10.1145/572260.572264>
- Brusseu J. 2021. Using Edge Cases to Disentangle Fairness and Solidarity in AI Ethics. *AI Ethics*. 2: 441–447. URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00090-z>
- Bynum T. W. 2001. Computer Ethics: Its Birth and Its Future. *Ethics and Information Technology*. 3: 109–112. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1011893925319>
- Childress J. F., Beauchamp T. L. 1979. *Principles of Biomedical Ethics*. New York: Oxford University Press.
- Cremer C. Z. 2021. Deep Limitations? Examining Expert Disagreement over Deep Learning. *Progress in Artificial Intelligence*. 10: 449–464. URL: <https://doi.org/10.1007/s13748-021-00239-1>
- Dreyfus H. L. 1972. *What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper & Row. См. также рус. перев.: Дрейфус Х. 1978. *Чего не могут вычислительные машины*. М.: Прогресс.
- Escartín J. et al. 2015. The Impact of Writing Case Studies: Benefits for Students' Success and Well-Being. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 196: 47–51. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.009>
- Faggella D. 2020. *Everyday Examples of Artificial Intelligence and Machine Learning*. Boston: Emerj. URL: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/everyday-examples-of-ai/>
- Floridi L. 1999. Information Ethics: On The Philosophical Foundation of Computer Ethics. *Ethics and Information Technology*. 1: 33–52. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1010018611096>
- Franks B. 2017. The Dilemma of Unexplainable Artificial Intelligence. *Datafloq*. 25 July. URL: <https://datafloq.com/read/dilemma-unexplainable-artificial-intelligence/>
- Gambelin O. 2021. Brave: What It Means To Be an AI Ethicist. *AI Ethics*. 1: 87–91. URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00020-5>
- Hall W., Pesenti J. 2017. *Growing the Artificial Intelligence Industry in the UK*. Department for Digital, Culture, Media & Sport and Department for Business, Energy & Industrial Strategy, London References 7. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a824465e5274a2e87dc2079/Growing_the_artificial_intelligence_industry_in_the_UK.pdf
- Held V. 2005. *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*. New York: Oxford University Press.
- Jobin A., Ienca M., Vayena E. 2019. The Global Landscape of AI Ethics Guidelines. *Nat Mach Intell*. 1: 389–399. URL: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>
- Kant I. 1788. *Kritik der praktischen Vernunft*. Ditzingen: Reclam. См. также рус. перев.: Кант И. 1994. Критика практического разума. В изд.: Кант И. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 4. М.: Чоро; 373–565.
- Kant I. 1797. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Ditzingen: Reclam. См. также рус. перев.: Кант И. 1994. Основоположения метафизики нравов. В изд.: Кант И. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 4. М.: Чоро; 153–246.

- Knight W. 2017. The Dark Secret at the Heart of AI. *MIT Technology Review*, 11 April. URL: <https://www.technologyreview.com/2017/04/11/5113/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai/>
- LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. 2015. Deep Learning. *Nature*. 521: 436–444. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14539>
- McCarthy J. et al. 2006. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. *AI Magazine*. 27 (4): 12–14. URL: <https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.1904>
- Mill J. S. 1861. *Utilitarianism*. 2nd revised edn. Indianapolis: Hackett Publishing Co. См. также рус. перев.: Милль Дж. С. 2013. *Утилитаризм*. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.
- Mittelstadt B. 2019. Principles Alone Cannot Guarantee Ethical AI. *Nature Machine Intelligence*. 1: 501–507. URL: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0114-4>
- Ouchchy L., Coin A., Dubljević V. 2020. AI in the Headlines: The Portrayal of the Ethical Issues of Artificial Intelligence in the Media. *AI & Society*. 35: 927–936. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00965-5>
- Rességuier A., Rodrigues R. 2020. AI Ethics Should Not Remain Toothless! A Call to Bring Back the Teeth of Ethics. *Big Data & Society* 7 (2): 2053951720942541. URL: <https://doi.org/10.1177/2053951720942541>
- Schölkopf B. et al. 2021. Toward Causal Representation Learning. *Proceedings of the IEEE*. 109 (5): 612–634. doi: 10.1109/JPROC.2021.3058954
- Stahl B. C. 2021. *Artificial Intelligence for a Better Future: An Ecosystem Perspective on the Ethics of AI and Emerging Digital Technologies*. Cham: Springer. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-69978-9>
- UNESCO. 2021. *AI Ethics: Another Step Closer to the Adoption of UNESCO's Recommendation*. Press Release, 2 July. Paris: UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/news/ai-ethics-another-step-closer-adoption-unescos-recommendation-0>
- Weizenbaum J. 1977. *Computer Power and Human Reason: From Judgement to Calculation*. New York: W. H. Freeman & Co Ltd. См. также рус. перев.: Вейценбаум Дж. 1982. *Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям*. М.: Радио и связь.
- Wiener N. 1954. *The Human Use of Human Beings*. New York: Doubleday. См. также рус. перев.: Винер Н. 2001. Человеческое использование человеческих существ. В кн.: Винер Н. *Человек управляющий*. СПб.: Питер; 3–196.
- Yin R. K. 2003. *Applications of Case Study Research*. 2nd edn. Thousand Oaks: Sage Publications.

NEW TRANSLATIONS

Bernd Carsten Stahl, Doris Schroeder, Rowena Rodrigues

Ethics of Artificial Intelligence: Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges (excerpt)

STAHL, Bernd Carsten — Professor of Critical Research in Technology at the School of Computer Science of the University of Nottingham. Address: University Park, Nottingham. NG7 2RD, UK.

Email: Bernd.Stahl@nottingham.ac.uk

SCHROEDER, Doris — Professor of Moral Philosophy, Director of the Centre for Professional Ethics School of Health, Social Work and Sport of the University of Central Lancashire. Address: Preston, Lancashire, PR1 2 HE, UK.

Email: dschroeder@uclan.ac.uk

RODRIGUES, Rowena — Head of Innovation and Research, Trilateral Research. Address: 1 Knightsbridge Grn, London SW1X 7QA.

Email: rowena.rodrigues@trilateralresearch.com

Abstract

Ethics of Artificial Intelligence: Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges is based on the work that Prof. B. C. Stahl, Prof. D. Schroeder and R. Rodrigues were engaged in within the framework in a number of different projects. The main project that brought the authors together and demonstrated the need for case studies addressing ethical AI problems and ways to solve them was the EU-funded *Shaping the Ethical Dimensions of Smart Information System* (SHERPA; 2018–2021). This book provides real-life examples of ethical issues, along with discussions and coping strategies. The book is based on the case study method. Case studies are one of the best ways to learn about ethical dilemmas and gain insights into the various complexities and perspectives of stakeholders.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the first chapter of the book “Ethics of Artificial Intelligence: An Introduction”, where the authors present their problem statement and outline the structure of their book.

Keywords: artificial intelligence; ethics of technology; computer ethics; information ethics; case studies; machine learning; responsible research and innovation.

References

AI HLEG. (2019) *Ethics Guidelines for Trustworthy AI. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence*, Brussels: European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=60419 (accessed 25 September 2020).

Alpaydin E. (2020) *Introduction to Machine Learning*, Cambridge: The MIT Press.

Andreou A., Lulhe Shaelou S., Schroeder D. (2019) *DI.5 Current Human Rights Frameworks*. De Montfort University. Online Resource. Available at: <https://doi.org/10.21253/DMU.8181827.v3> (accessed 25 September 2020).

Aristotle. (2000) *Nicomachean Ethics* (trans. R. Crisp), Cambridge: Cambridge University Press.

Bengio Y., Lecun Y., Hinton G. (2021) Deep Learning for AI. *Communications of the ACM*, vol. 64, no 7, pp. 58–65. Available at: <https://doi.org/10.1145/3448250> (accessed 18 January 2024).

- Bentham J. (1789) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Mineola: Dover Publications.
- Brey P. (2000) Disclosive Computer Ethics. *ACM SIGCAS Computers and Society*, vol. 30, no 4, pp. 10–16. Available at: <https://doi.org/10.1145/572260.572264> (accessed 18 January 2024).
- Brusseau J. (2021) Using Edge Cases to Disentangle Fairness and Solidarity in AI Ethics. *AI Ethics*, no 2, pp. 441–447. Available at: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00090-z> (accessed 18 January 2024).
- Bynum T. W. (2001) Computer Ethics: Its Birth and Its Future. *Ethics and Information Technology*, vol. 3, pp. 109–112. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1011893925319> (accessed 18 January 2024).
- Childress J. F., Beauchamp T. L. (1979) *Principles of Biomedical Ethics*, New York: Oxford University Press.
- Cremer C. Z. (2021) Deep Limitations? Examining Expert Disagreement over Deep Learning. *Progress in Artificial Intelligence*, vol. 10, pp. 449–464. Available at: <https://doi.org/10.1007/s13748-021-00239-1> (accessed 18 January 2024).
- Dreyfus H. L. (1972) *What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason*, New York: Harper & Row.
- Escartín J., Saldaña O., Martín-Peña J., Varela-Rey A., Jiménez Y., Vidal T., Rodríguez-Carballeira Á. (2015) The Impact of Writing Case Studies: Benefits for Students' Success and Well-Being. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, vol. 196, pp. 47–51. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.009> (accessed 18 January 2024).
- Faggella D. (2020) *Everyday Examples of Artificial Intelligence and Machine Learning*, Boston: Emerj. Available at: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/everyday-examples-of-ai/> (accessed 23 September 2020).
- Floridi L. (1999) Information Ethics: On The Philosophical Foundation of Computer Ethics. *Ethics and Information Technology*, vol. 1, pp. 33–52. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1010018611096> (accessed 18 January 2024).
- Franks B. (2017) The Dilemma of unexplainable artificial intelligence. *Datafloq*, 25 July. Available at: <https://datafloq.com/read/dilemma-unexplainable-artificial-intelligence/> (accessed 18 May 2022).
- Gambelin O (2021) Brave: What It Means To Be an AI Ethicist. *AI Ethics*, vol. 1, pp. 87–91. Available at: <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00020-5> (accessed 18 January 2024).
- Hall W., Pesenti J. (2017) *Growing the Artificial Intelligence Industry in the UK*. Department for Digital, Culture, Media & Sport and Department for Business, Energy & Industrial Strategy, London References, no 7. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a824465e5274a2e87dc2079/Growing_the_artificial_intelligence_industry_in_the_UK.pdf (accessed 25 September 2020).
- Held V. (2005) *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*, New York: Oxford University Press.
- Jobin A., Ienca M., Vayena E. (2019) The Global Landscape of AI Ethics Guidelines. *Nature Machine Intelligence*, no 1, pp. 389–399. Available at: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2> (accessed 18 January 2024).
- Kant I. (1788) *Kritik der praktischen Vernunft*, Ditzingen: Reclam.

- Kant I. (1797) *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, Ditzingen: Reclam.
- Knight W. (2017) The Dark Secret at the Heart of AI. *MIT Technology Review*, 11 April. Available at: <https://www.technologyreview.com/2017/04/11/5113/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai/> (accessed 18 May 2022).
- LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. (2015) Deep Learning. *Nature*, no 521, pp. 436–444. Available at: <https://doi.org/10.1038/nature14539> (accessed 18 January 2024).
- McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. (2006) A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. August 31, 1955. *AI Magazine*, vol. 27, no 4, pp. 12–14. Available at: <https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.1904> (accessed 18 January 2024).
- Mill J. S. (1861) *Utilitarianism*, 2nd revised edn., Indianapolis: Hackett Publishing Co.
- Mittelstadt B. (2019) Principles Alone Cannot Guarantee Ethical AI. *Nature Machine Intelligence*, no. , pp. 501–507. Available at: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0114-4> (accessed 18 January 2024).
- Ouchchy L., Coin A., Dubljević V. (2020) AI in the Headlines: The Portrayal of the Ethical Issues of Artificial Intelligence in the Media. *AI & Society*, vol. 35, pp. 927–936. Available at: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00965-5> (accessed 18 January 2024).
- Rességuier A., Rodrigues R (2020) AI Ethics Should Not Remain Toothless! A Call to Bring Back the Teeth of Ethics. *Big Data & Society*, vol. 7, no 2, art. 2053951720942541. Available at: <https://doi.org/10.1177/2053951720942541> (accessed 18 January 2024).
- Schölkopf B., Locatello F., Bauer S., Ke N. R., Kalchbrenner N., Goyal A., Bengio Y. (2021) Toward Causal Representation Learning. *Proceedings of the IEEE*, vol. 109, no 5, pp. 612–634. doi: 10.1109/JPROC.2021.3058954
- Stahl B. C. (2021) *Artificial Intelligence for a Better Future: An Ecosystem Perspective on the Ethics of AI and Emerging Digital Technologies*, Cham: Springer. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-69978-9> (accessed 18 January 2024).
- UNESCO. (2021) *AI Ethics: Another Step Closer to the Adoption of UNESCO's Recommendation*. Press Release, 2 July, Paris: UNESCO. Available at: <https://en.unesco.org/news/ai-ethics-another-step-closer-adoption-unescos-recommendation-0> (accessed 18 May 2022).
- Weizenbaum J. (1977) *Computer Power and Human Reason: From Judgement to Calculation*, New York: W. H. Freeman & Co Ltd..
- Wiener N. (1954) *The Human Use of Human Beings*, New York: Doubleday.
- Yin R. K. (2003) *Applications of Case Study Research*, 2nd edn., Thousand Oaks: Sage Publications.

Received: January 9, 2024

Citation: Stahl B. C., Schroeder D., Rodrigues R. (2024) Etika iskusstvennogo intellekta: keysy i variant resheniya eticheskikh problem [Ethics of Artificial Intelligence. Case Studies for Addressing Ethical Challenges (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 85–95. doi 10.17323/1726-3247-2024-1-85-95 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

А. В. Гетман, К. А. Адамович

Региональные различия в доступе российских учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг.: эффекты периода COVID-19¹

ГЕТМАН Александра Витальевна — стажёр-исследователь, Международная лаборатория оценки практик и инноваций в образовании, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, Потаповский пер., д. 16/10.

Email: av.getman@hse.ru

Дистанционное обучение является одной из самых обсуждаемых образовательных технологий в мире. В то время как одни исследователи предполагают, что дистанционное образование способствует сокращению социально-экономического неравенства, другие показывают его последствия в виде роста сегрегации. Однако в период пандемии COVID-19 переход на такую форму обучения оказался практически единственной альтернативой традиционному образованию, несмотря на все споры об эффективности и последствиях.

Цель данной работы — анализ региональных различий в доступе учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг., выполненный в парадигме географии возможностей Н. Хиллмана. При помощи квазиэкспериментального метода прерванных временных рядов оценивалась динамика различий в охвате учащихся дистанционным обучением в 2016–2022 гг. на базе данных региональной статистической отчётности. Затем с помощью метода корреляции Пирсона анализировалась связь доступа учащихся к дистанционному обучению с социально-экономическими и демографическими характеристиками регионов. Далее оценивались фиксированные эффекты периода пандемии на доступ учащихся к дистанционному обучению в школах в разных регионах.

Полученные результаты позволяют перенести концепцию географии возможностей в российский контекст и подтвердить тезис Н. Хиллмана о существовании «образовательных пустынь», где образовательные возможности учащихся во многом объясняются менее благополучным контекстом. Пандемия COVID-19 послужила катализатором для роста существующих различий. Так, на момент локдауна в 2020 г. готовность школ к переходу на дистанционное обучение сильно варьировалась в зависимости от субъекта РФ. В наиболее выгодном положении оказались «образовательные оазисы», то есть регионы, где в период пандемии рост доступа учащихся к дистанционному обучению был максимальным. В то же время некоторый рост данного показателя в «образовательных пустынях» оказался недостаточным для сокращения неравенства. Таким образом, применение концепции географии возможностей в российском контексте подсвечивает перспективы децентрализованной системы для снижения социального неравенства.

¹ Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

АДАМОВИЧ Ксения Александровна — научный сотрудник, Международная лаборатория оценки практик и инноваций в образовании, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, Потаповский пер., д. 16/10.

Email: kadamovich@hse.ru

Ключевые слова: дистанционное обучение; география возможностей; «образовательные оазисы»; региональные различия; цифровое неравенство; социально-экономическая сегрегация; COVID-19.

Введение

Сегодня дистанционное обучение является одной из самых обсуждаемых образовательных технологий в мире [OECD 2022]. Одна из ключевых целей распространения дистанционного обучения заключалась в предоставлении всеобщего равного доступа к качественному образованию и, как следствие, в сокращении неравенства. Использование данной технологии рассматривалось как средство преодоления классовых, гендерных, расовых, географических различий и обеспечения условий для получения образования учащимися из незащищённых слоёв общества. В частности, программы дистанционного обучения зачастую применялись для включения в учебный процесс групп населения с ограниченным доступом к образованию, а именно жителей сельской местности, учащихся с инвалидностью, детей мигрантов и др. [Campbell, Storo 1996]. Кроме того, в литературе было описано несколько кейсов (см., например: [Parrano 2013]), когда обучение в MOOK (Массовые открытые онлайн-курсы) позволило студентам из наименее экономически развитых регионов подготовиться к поступлению в ведущие международные университеты и получить возможности для дальнейшего профессионального развития.

В то же время есть исследования, показывающие, что дистанционное обучение, напротив, усугубляет проблему неравенства, поскольку определённые группы учащихся имеют ограниченные возможности для участия в учебном процессе с применением онлайн-технологий [Hansen, Reich 2015; Бекова, Терентьев, Малошонок 2020]. Феномен неравномерного распределения доступа к Интернету и различий в использовании цифровых ресурсов получил название «цифровое неравенство» (*digital inequality*). Его выделяют в качестве фактора, усиливающего социально-экономическую сегрегацию [DiMaggio, Hargittai 2001]. Это связано с тем, что доступ к Интернету и ИКТ-ресурсам зависит от ряда демографических и социально-экономических характеристик — пола, этнической принадлежности, дохода, уровня образования, места проживания и типа населённого пункта [Witte, Mannon 2010]. В частности, наиболее очевидные различия были выявлены в группах, отличающихся по уровню дохода и типу населённого пункта [Naan 2004]. В ряде работ на примере США было показано, что городские жители чаще имеют возможность пользоваться Интернетом и цифровыми технологиями, чем обитатели сельской местности [Hindman 2000; Gregg 2010]. Кроме того, в России доступ к качественному и устойчивому подключению варьируется от региона к региону: существующие различия выражаются в доступной скорости Интернета, стоимости трафика и способности нести расходы за подключение к сети [Мерцалова, Заир-Бек, Анчиков 2020]. Показатели доступа к ИКТ-ресурсам также варьировались в субъектах РФ с разным уровнем урбанизированности. В некоторых регионах, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, преобладают небольшие населённые пункты с достаточно слабо развитой цифровой инфраструктурой.

турой. Проживающие на этих территориях школьники столкнулись с наибольшими трудностями при переходе на дистанционное обучение [Kosaretsky et al. 2022].

В период пандемии вопрос о цифровом неравенстве и последствиях перехода на дистанционное обучение стал ещё более актуальным, поскольку такой формат обучения оказался вынужденной и зачастую единственной альтернативой традиционному образованию. В ряде исследований было выявлено, что учащиеся из наименее защищённых социальных групп столкнулись с большим количеством вызовов при переходе на дистанционный формат образования. Например, ученики из сельской местности испытывали трудности в обучении из-за ограниченного доступа к Интернету и техническим устройствам, столкновения с незнакомой академической средой, низкого уровня цифровой грамотности и отсутствия дома пространства, подходящего для занятий [Srinivasan, Jishnu, Shamala 2021].

В период COVID-19 достаточно ярко проявилась субъектность российских регионов как акторов образовательной политики. Решения и меры относительно организации обучения в условиях пандемии принимались в большей степени децентрализованно. Основные региональные различия были связаны с уровнем методической и технической поддержки, оказываемой учителям и учащимся, а также с решениями о формате занятий, продолжительности каникул, датах окончания учебного года и методах итоговой аттестации. На российских данных было показано, что готовность школ к массовому переходу на дистанционное обучение варьировалась в зависимости от субъекта РФ и во многом объяснялась уровнем социально-экономического благополучия конкретного субъекта. В частности, школы, находящиеся в более развитых регионах, имели возможность использовать высокоскоростной Интернет для организации синхронных занятий [Мерцалова, Заир-Бек, Анчиков 2020]. Кроме того, регионы обладали неодинаковым потенциалом в вопросе предоставления учащимся доступа к техническим устройствам: в некоторых субъектах (например, в Дагестане, Тыве и др.) наблюдался низкий уровень обеспеченности домохозяйств компьютерами, а школ — ноутбуками [Мерцалова, Заир-Бек, Анчиков 2020]. Ученики из многодетных и малообеспеченных семей зачастую не имели доступа к персональному компьютеру и, соответственно, возможности заниматься дистанционно.

На фоне существующих различий в образовательных возможностях остаётся актуальной и проблема социально-демографической и экономической дифференциации регионов. В частности, она выражается в различиях в среднедушевых доходах, уровне безработицы, степени урбанизированности [Заварина, Озерова 2009; Зубаревич, Сафронов 2013; Зубаревич 2014; 2017; Заир-Бек et al. 2018; Чернышов, Усманов 2020].

Таким образом, феномен дистанционного обучения получил неоднозначные оценки в академической литературе: с одной стороны, данная технология обучения расширяет образовательные возможности учащихся из неблагополучных социальных групп; с другой стороны, доступом к ней преимущественно обладают представители привилегированных слоёв общества. Несмотря на большой интерес к теме, на сегодняшний день остаются определённые пробелы в существующих исследованиях. В частности, место проживания является одним из ключевых факторов, определяющих образовательные возможности учащихся [Roscigno, Tomaskovic-Devey, Crowley 2006; Chetty et al. 2014; Hillman 2016; Богданов, Малик 2020; Константиновский et al. 2006], однако региональный разрез слабо представлен в общем массиве работ. Кроме того, в существующих исследованиях, изучающих различия в доступе к дистанционному обучению на уровне регионов, по большей части используются срезовые данные, которые не позволяют оценить динамику указанного показателя. Наконец, в работах, посвящённых цифровому неравенству и его связи с географическим фактором, не было предпринято попыток анализа и интерпретации данного феномена с опорой на теоретическую рамку.

Цель настоящей работы — анализ региональных различий в доступе учащихся к дистанционному обучению в период 2016–2022 гг. через призму географии возможностей [Hillman 2016]. На основе теоретической концепции Н. Хиллмана в рамках данной работы была выдвинута следующая гипотеза: в России существуют цифровые «образовательные пустыни», где учащиеся получают низкий доступ к дистанционному обучению и цифровым ресурсам. Мы предполагаем, что такие пустыни в основном представляют собой регионы с низким уровнем финансирования и урбанизированности. Мы рассматриваем доступность программ дистанционного обучения как институциональные образовательные возможности для учащихся, которые они могут использовать в случае необходимости. Иными словами, оценивается предложение дистанционных программ со стороны государства, которое может регулироваться мерами образовательной политики.

В рамках нашей работы мы стараемся ответить на следующие исследовательские вопросы:

- Какова динамика региональных различий в охвате учащихся программами дистанционного обучения в школах в 2016–2022 учебных годах?
- Как связана доля учащихся, перешедших на дистанционный формат обучения, с социально-демографическими и экономическими характеристиками региона?
- Каковы эффекты, произведённые пандемией COVID-19 на доступ школьников к дистанционному обучению в регионах с различным уровнем среднедушевых доходов?

Новизна настоящей работы состоит в анализе феномена цифрового неравенства в динамике с акцентом на периоде пандемии COVID-19. Кроме того, теоретическая новизна исследования заключается в переносе рамки географии возможностей на российский контекст и её адаптации. В работе используются квазиэкспериментальные методы, которые позволяют говорить об эффектах, произведённых периодом пандемии на динамику цифрового неравенства, в причинно-следственном ключе.

Теоретическая рамка

В исследованиях с пространственной призмой география рассматривается в качестве ключевого аспекта, обуславливающего доступ к образованию и образовательный выбор учащихся [Hillman 2016]. В то же время данный тезис представляет собой точку зрения, отличную от положений традиционных теорий о факторах, определяющих образовательные возможности учеников. Согласно данным парадигмам, основной предпосылкой возникновения неравного доступа к образованию является ситуация финансовой и информационной асимметрии [Page, Scott-Clayton 2016]. С точки зрения пространственной призмы, вне зависимости от степени информированности человека его образовательный выбор ограничен местной средой [Hillman 2016]. В свою очередь, в исследованиях было показано, что низкий доступ к образовательным возможностям, обусловленный территориальными характеристиками, является одним из ключевых барьеров для восходящей мобильности [Rothwell, Massey 2015]. Подобная тенденция может выступать в качестве фактора, усугубляющего существующую социально-экономическую, а также этническую сегрегацию [Massey, Rothwell, Domina 2009], поскольку именно образование позволяет человеку приобрести нужные для работы и самореализации навыки, являясь одним из ключевых социальных лифтов.

Пространственная призма изучения неравенства нашла отражение в работах не только географов и урбанистов (см., например: [Harvey 2010; Soja 2010]), но и многих исследователей образования и социологов (см. в том числе: [Turley 2009; Chetty et al. 2014; Hillman 2016]). В данном исследовании в качестве теоретической рамки была выбрана концепция географии возможностей, идеи которой разви-

ваются в работах Николаса Хиллмана. Согласно Н. Хиллману, место проживания учащихся во многом определяет их образовательные возможности [Hillman 2016]. Как показывают другие эмпирические исследования, дети из менее благополучных регионов имеют меньшие шансы на доступ к качественному обучению и, соответственно, восходящую социальную мобильность, чем их сверстники из более благополучных регионов [Rothwell, Massey 2015]. Подобная тенденция объясняется неравномерным распределением ресурсов по территориальным единицам страны, которое выражается в том числе в избытке образовательных учреждений в одних регионах и их полном отсутствии в других. В частности, наличие подобных пространственных различий было показано на примере США в работах географов Эдварда Соджа и Дэвида Харви [Harvey 2010; Soja 2010].

Н. Хиллман на примере инфраструктуры колледжей в США описывает неравенство доступа к образованию в терминах «пустынь» и «оазисов» [Hillman 2016]. «Образовательные пустыни» представляют собой территории, где в пределах пригородного сообщения нет колледжей или их количество минимально. Напротив, населённые пункты, жители которых располагают широкими возможностями выбора учебного заведения поблизости, можно охарактеризовать как «образовательные оазисы» [Hillman 2016].

Проделанный Н. Хиллманом анализ демонстрирует, что «образовательные пустыни» формируются не случайным образом: они систематически распределяются на территориях, где большую долю населения составляют люди с более низким социально-экономическим статусом, а также представители расовых и этнических меньшинств. Как правило, такие «пустыни» находятся не в мегаполисах, а в населённых пунктах среднего размера, располагающихся в сельской местности [Hillman, Weichman 2016]. Кроме того, в других исследованиях было выявлено, что регионы, которые попадают под определение «образовательная пустыня», характеризуются высоким уровнем безработицы, бедности, неразвитой инфраструктурой [Soja 2010].

Как показывают эмпирические исследования, жители «образовательных пустынь» не склонны выбирать учебные учреждения, которые находятся далеко от дома, или менять регион проживания для получения доступа к более качественному образованию [Black, Cortes, Lincove 2015]. Такие факторы, как семья, прочные социальные связи, работа и др. формируют предпочтения учащихся и обуславливают их образовательные выборы [Perez, McDonough 2008; Yuun, Меесе, Irvin 2012]. Именно поэтому учащиеся из так называемых пустынь более вероятно столкнутся с проблемой неравных возможностей, поскольку именно представители наименее благополучных социальных групп в большей степени зависят от географии и места своего проживания [Hillman 2016]. Таким образом, образовательные возможности учащихся из «образовательных пустынь» оказываются ограниченными не только их собственными возможностями и предпочтениями, но и инфраструктурными барьерами образовательной среды.

Дизайн исследования и методы

Описание данных

В рамках настоящей статьи в качестве единицы анализа выступает регион. В исследовании Н. Хиллмана (2016) используется показатель коммутирующих зон, рассчитанный в более ранней работе (см.: [Tolbert, Sizer 1996]). Коммутирующая зона представляет собой группу сельских, пригородных и городских районов, имеющих высокую степень экономической и социальной интеграции, а также находящихся в пределах географической близости [Tolbert, Sizer 1996]. В данном случае регион может выступать в качестве аналога коммутирующей зоны, поскольку характерные особенности обеих единиц схожи. В частности, в российской академической литературе регион определяется как социальная, экономическая и территориальная общность, обладающая целостной общественной системой и наци-

онально-культурной спецификой [Черкашин 1991]. Перечисленные черты, а именно географическая и социально-экономическая общность, соответствуют аспектам коммутирующих зон, представленных в определении, на которое опирается Н. Хиллман. Кроме того, в период пандемии значительная часть мер относительно формата обучения, материально-технической и методологической поддержки учащихся и школ принимались на уровне регионов².

Эмпирической базой настоящего исследования стали данные Министерства просвещения по субъектам Российской Федерации, собранные из форм статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» и № ОО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации». Данные были собраны в динамике в 2016–2017 — 2021–2022 учебных годах. Общая выборка составила 510 наблюдений для 85 регионов за шесть лет. Сведения об образовательных организациях были дополнены данными о социально-экономических и демографических характеристиках российских регионов, выбранными из статистического сборника Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели».

Переменные

В основе анализа ключевого исследования Н. Хиллмана «География возможностей: кейс образовательных пустынь» («Geography of College Opportunity: The Case of Education Deserts») лежат следующие классы показателей [Hillman 2016]:

- количество колледжей в регионе: двух- и четырёхлетних, государственных и частных;
- национальный состав населения: количество белого, латиноамериканского, азиатско-американского, афроамериканского населения;
- социально-экономические показатели: медианный доход домохозяйств; процент населения без высшего образования; уровень детской бедности;
- показатели рынка труда: доля населения, занятая на производстве; уровень безработицы;
- географические характеристики регионов: доля населения, живущего в пригороде; доля сельского населения.

В соответствии с теоретической рамкой исследования в данной работе для анализа цифрового неравенства на региональном уровне используются следующие переменные (см. табл. 1):

- охват школьными программами дистанционного обучения;
- социально-экономические показатели: среднедушевые денежные доходы населения; доля населения с высшим образованием (в %);

² Приказ Министерства просвещения РФ от 17 марта 2020 г. № 104 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, образовательные программы среднего профессионального образования, соответствующего дополнительного профессионального образования и дополнительные общеобразовательные программы, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» (см. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73679183/>).

- показатели рынка труда: уровень зарегистрированной безработицы (в %);
- демографические показатели: доля городского населения (в %)³.

Охват школьными программами дистанционного обучения рассчитывался как частное от деления общего числа учащихся, находящихся на дистанционном обучении, на общее число учеников в школе. Данный показатель охватывает все уровни школьного образования: программы начального, основного и среднего общего образования. Указанная переменная используется в качестве индикатора доступа к дистанционному обучению. В то же время Н. Хиллман включает в анализ количество двух- и четырёх-летних колледжей для оценки доступа к образованию в регионе. В рамках настоящей работы мы в большей степени фокусируемся на образовательных возможностях, а не на образовательном выборе, поскольку выбор дальнейшей траектории обучения в определённой степени обусловлен доступом к ресурсам. Кроме того, в исследовании мы не анализируем особенности использования учащимися программ дистанционного обучения и доступ к ИКТ-ресурсам на уровне семьи, поскольку такие показатели могут в значительной степени варьироваться даже в рамках одного класса и среднерегиональные оценки будут в слабой степени информативны.

Для оценки социально-экономических и демографических различий между регионами были включены показатели дохода, рынка труда, уровня образования населения, а также уровня урбанизированности региона. *Среднедушевые денежные доходы населения*⁴ были скорректированы на индекс потребительских цен. В нашем анализе данная переменная соответствует показателю медианного дохода домохозяйств в исследовании Н. Хиллмана. Условия на рынке труда оцениваются через измерение *уровня зарегистрированной безработицы*⁵. В качестве индикатора уровня образования в регионах выступает *доля населения с высшим образованием*. Для оценки уровня урбанизированности региона в анализ был включён показатель *доли городского населения*.

Таблица 1

Описательная статистика по переменным, включённым в анализ

Переменные	Общее среднее	Общее статистическое отклонение	Статистическое отклонение по регионам	Статистическое отклонение по годам	Общий минимум	Общий максимум	Количество регионов	Количество лет
Охват программами дистанционного обучения	6,17	14,33	10,32	9,99	0,00	98,82	85	6
Среднедушевые денежные доходы	28 609,66	12 498,15	12 194,59	2992,75	12 275,86	87 871,43	85	6

³ Учитывая ограничения доступа к данным, мы использовали данные по социально-экономическим и демографическим индикаторам с лагом в один год, поскольку динамика этих показателей не такая существенная.

⁴ Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц) исчисляются делением годового объёма денежных доходов на 12 и на среднегодовую численность населения.

⁵ Уровень безработицы — это отношение численности безработных определённой возрастной группы к численности рабочей силы (занятых и безработных) соответствующей возрастной группы, рассчитанное в процентах.

Таблица 1. Окончание

Переменные	Общее среднее	Общее статистическое отклонение	Статистическое отклонение по регионам	Статистическое отклонение по годам	Общий минимум	Общий максимум	Количество регионов	Количество лет
Доля людей с высшим образованием (в %)	32,01	5,24	4,88	1,95	21,9	51,6	85	6
Уровень зарегистрированной безработицы (в %)	1,88	2,21	1,67	1,45	0,2	19,2	85	6
Доля городского населения (в %)	70,53	13,12	13,16	0,81	29	100	85	6

Приведённые в таблице 1 показатели имеют долгую историю изучения и были предметом внимания ряда работ, специализирующихся на межрегиональных сравнениях (см., например: [Зубаревич, Сафронов 2014; Заир-Бек et al. 2018; Бондаренко, Губарев 2020]). В то же время приведённые исследования имеют некоторые ограничения. В частности, существующие работы носят отрывочный характер. В рамках этих исследований анализируются отдельные показатели, а не их совокупность. Кроме того, используемые данные не дают возможности оценить динамику указанных показателей и сфокусироваться на их изменениях в период пандемии. Наконец, в существующих исследованиях, изучающих данные индикаторы, не затрагивается проблема цифрового неравенства и не предпринимается попытка анализа его предикторов.

Методы анализа данных

В соответствии с поставленными исследовательскими вопросами анализ имел три основных этапа. Исходя из задач, анализ проводился на трёх подгруппах для операционализации экономического статуса. Данные группы были сформированы на базе среднедушевого дохода населения: первая группа представлена регионами нижнего квартиля по данному показателю («регионы с низким экономическим статусом»), вторую группу составили регионы второго и третьего квартилей («регионы со средним экономическим статусом»), в третью группу вошли регионы верхнего квартиля («регионы с высоким экономическим статусом»). Референтной группой в анализе являлась вторая — «регионы со средним экономическим статусом».

На первом этапе оценивалась динамика региональных различий в охвате учащихся программами дистанционного обучения в школах в 2016–2017 — 2021–2022 учебных годах. Для оценки различий между регионами на данном этапе использовался квазиэкспериментальный метод прерванных временных рядов (*Interrupted Time Series*), который позволяет проследить динамику показателя доступа к программам дистанционного обучения за весь наблюдаемый период, а также увидеть изменения трендов до и после начала пандемии [Shadish, Cook, Campbell 2002].

На втором этапе с помощью метода корреляции Пирсона анализировалась связь охвата учащихся программами дистанционного обучения с социально-экономическими и демографическими характеристиками регионов. В частности, рассматривались показатели доходов и образования населения, уро-

вень безработицы, доля городского населения. В этой части анализ проводился на всех данных без деления на подгруппы.

На третьем этапе оценивались фиксированные эффекты пандемии [Angrist, Pischke 2009] на доступ учащихся к программам дистанционного обучения в школах. В работе оценивается модель, где зависимой переменной выступает охват школьными программами дистанционного обучения. В качестве предикторов доступа к дистанционному обучению используются такие показатели, как доля людей с высшим образованием, уровень зарегистрированной безработицы, доля городского населения⁶. Также мы добавили в модель интеракцию года и экономического статуса региона для оценки гетерогенности эффектов периода пандемии⁷.

Квазиэкспериментальная методология, использованная в работе, позволяет говорить о каузальности в эффектах периода пандемии на доступ к дистанционному обучению в регионах с разными уровнями дохода населения. Однако одним из ограничений исследования является отсутствие фокуса на внутрирегиональной дифференциации, которая может быть ярко выражена в определённых субъектах РФ. Кроме того, важное ограничение работы заключается в специфике эмпирической базы, которая представляет собой официальные данные статистической отчётности [Зубаревич 2012]. Такие данные могут содержать определённые смещения, однако их масштабы пока не поддаются сколь-либо адекватной оценке.

В то же время, несмотря на ограничения, результаты настоящей работы могут быть интересны исследователям пространственного и цифрового неравенства, а также управленцам в сфере образования, поскольку данные из указанных источников служат базой для принятия решений образовательной политики.

Результаты

Динамика региональных различий в доступе к дистанционному обучению

Результаты анализа прерванных временных рядов, который был проделан на первом этапе исследования, показывают, что рост охвата учащихся дистанционным обучением в период пандемии проходил неравномерно (см. рис. 1). Так, в регионах со средним социально-экономическим статусом (второй и третий квартили по среднедушевому доходу) данный показатель в 2020–2021 гг. вырос почти на 10% по сравнению с периодом до пандемии. В регионах с более низким социально-экономическим статусом этот прирост оказался ниже (менее 5%) и статистически незначимым. И, напротив, в наиболее экономически благополучных регионах (верхний квартиль по уровню среднедушевого дохода) прирост в охвате учащихся дистанционным обучением оказался наибольшим и превысил 15%, то есть превысил аналогичный прирост в регионах с низким социально-экономическим статусом почти втрое.

⁶ В ходе анализа предикторы в модель добавлялись поэтапно. Из соображений краткости в тексте приводится только итоговая модель с одновременным включением всех указанных предикторов как показавшая наилучшие значения информационного критерия Акаике (AIC) и Байесовского информационного критерия (BIC).

⁷ Как и в работе Н. Хиллмана, мы проверили гипотезу о связи национального состава населения с доступом к образованию (в нашем случае, к дистанционному). Учитывая специфику российского контекста, в анализ фиксированных эффектов была включена булева переменная, принимающая значение 1, если регион является национальной республикой, и 0, если регион не является национальной республикой. Однако данный предиктор оказался статистически незначимым, поэтому в целях краткости эта часть анализа не была включена в основной текст работы.

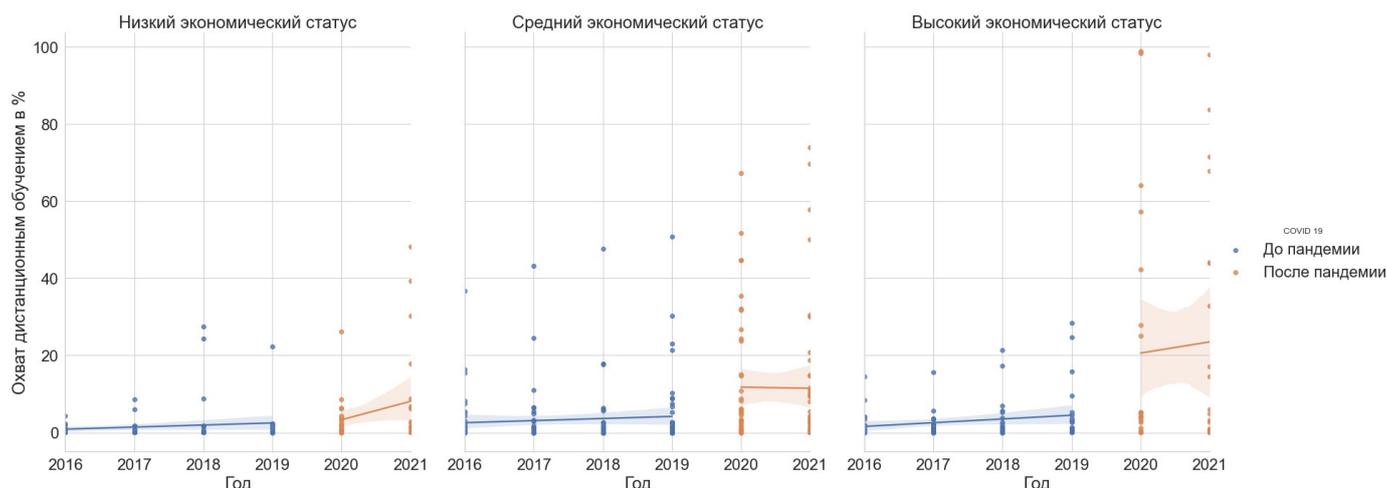

Рис. 1. Динамика охвата учащихся дистанционным обучением до и после пандемии COVID-19 в регионах с разным социально-экономическим статусом (анализ прерванных временных рядов)

Таким образом, несмотря на общий стимул, который коронакризис дал к развитию дистанционного обучения, последствия периода пандемии для образовательных возможностей учащихся оказались различными. В наиболее выигрышном положении с точки зрения доступа к дистанционному обучению оказались более экономически развитые регионы, в то время как в менее благополучных субъектах РФ динамика этого индикатора гораздо менее выражена. Это подтверждает теорию Н. Хиллмана о существовании «образовательных пустынь» и позволяет предположить существование аналогичных «пустынь» и «оазисов» в российских реалиях.

Связь доступа к дистанционному обучению с социально-экономическими и демографическими характеристиками регионов

Согласно результатам корреляционного анализа, наибольший доступ учащихся к программам дистанционного обучения в школах наблюдается в регионах с более высоким уровнем экономического развития и урбанизированности (см. табл. 2). В частности, переменная охвата учеников дистанционными образовательными программами достаточно сильно и положительно коррелирует со среднедушевыми денежными доходами и долей городского населения в регионе. В то же время не было выявлено связи доступа к дистанционному обучению с долей населения с высшим образованием, а также с уровнем зарегистрированной безработицы.

В свою очередь, переменные, отражающие социально-экономические и демографические характеристики регионов, в значительной степени коррелируют между собой. Исключение составляют доля людей с высшим образованием и уровень зарегистрированной безработицы: связи между указанными переменными выявлено не было.

Таблица 2

Связь доступа к программам дистанционного обучения в школах с социально-экономическими и демографическими характеристиками регионов (метод корреляции Пирсона)

Переменные	Доступ к программам дистанционного обучения (в %)	Среднедушевые денежные доходы (в тыс. рублей)	Доля людей с высшим образованием (в %)	Уровень зарегистрированной безработицы (в %)	Доля городского населения (в %)
Доступ к программам дистанционного обучения	–	0,26***	0,07	0,00	0,18***
Среднедушевые денежные доходы	0,26***	–	0,35***	– 0,13***	0,47***
Доля людей с высшим образованием	0,07	0,35***	–	0,06	0,15***
Уровень зарегистрированной безработицы	0,00	– 0,13***	0,06	–	– 0,38***
Доля городского населения	0,18***	0,47***	0,15***	– 0,38***	–

Примечание: Уровень значимости коэффициентов обозначен астерисками: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таким образом, на российских данных подтверждается тезис Н. Хиллмана о том, что образовательные возможности учащихся могут быть опосредованы социально-экономическими и демографическими характеристиками местности. Учитывая масштабы межрегиональных различий в России, подобная взаимосвязь ресурсов и доступа к образованию может способствовать углублению социального неравенства.

Эффекты, произведённые пандемией на доступ к дистанционному обучению

Были выявлены статистически значимые эффекты пандемии для 2020–2021 и 2021–2022 учебных годов на охват программами дистанционного обучения (см. табл. 3). В эти два учебных года данный показатель в целом вырос практически в 3,5 раза. Вместе с тем, анализ интеракции года и экономического статуса региона показал статистически значимые различия в эффектах периода пандемии на охват школьников программами дистанционного обучения в зависимости от уровня экономического развития. В частности, в регионах с высоким экономическим статусом прирост доли учащихся на дистанционном обучении в 2020–2021 — 2021–2022 учебные годы оказался выше, чем в контрольной группе. В регионах с низким экономическим статусом различия с контрольной группой оказались незначимы. Кроме того, значимый положительный эффект на охват программами дистанционного обучения наблюдается для доли городского населения.

Таблица 3

Оценка фиксированных эффектов периода пандемии COVID-19 на охват учащихся российских школ дистанционным обучением в 2016–2017 — 2021–2022 учебных годах

Референтные категории: учебный год — 2016–2017; экономический статус — средний	Зависимая переменная: охват программами дистанционного обучения (в скобках указана стандартная ошибка)
Учебный год: 2017–2018	0,08 (2,84)
Учебный год: 2018–2019	– 0,13 (2,83)
Учебный год: 2019–2020	1,75 (2,85)
Учебный год: 2020–2021	7,24** (2,85)
Учебный год: 2021–2022	8,96*** (2,96)
Низкий экономический статус	– 1,24 (3,47)
Высокий экономический статус	– 1,67 (3,45)
Доля людей с высшим образованием	– 0,01 (0,12)
Уровень зарегистрированной безработицы	– 0,20 (0,35)
Доля городского населения	0,13** (0,05)
Учебный год: 2017–2018; низкий экономический статус	0,27 (4,87)
Учебный год: 2018–2019; низкий экономический статус	2,78 (4,90)
Учебный год: 2019–2020; низкий экономический статус	– 0,86 (4,87)
Учебный год: 2020–2021; низкий экономический статус	– 4,53 (4,91)
Учебный год: 2021–2022; низкий экономический статус	– 0,75 (4,92)
Учебный год: 2017–2018; высокий экономический статус	– 0,28 (4,83)
Учебный год: 2018–2019; высокий экономический статус	1,18 (4,82)
Учебный год: 2019–2020; высокий экономический статус	0,80 (4,83)
Учебный год: 2020–2021; высокий экономический статус	11,09** (4,84)
Учебный год: 2021–2022; высокий экономический статус	12,62*** (4,88)
Константа	– 5,85 (5,33)
Наблюдения	509
R^2	0,19
Скорректированный R^2	0,15
Остаточная ст. ошибка	12,95 ($df = 488$)
F -статистика	5,64*** ($df = 20; 488$)

Примечание: Уровень значимости коэффициентов обозначен астерисками: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таким образом, мы подтверждаем результаты, полученные на первом этапе исследования. В период пандемии обозначился рост доступа к дистанционному образованию в более социально-экономически развитых регионах. В то же время охват учеников программами дистанционного обучения в регионах с более низким экономическим статусом значимо не изменился. Иными словами, сложившиеся региональные различия способствовали обострению цифрового неравенства учащихся в кризисный период пандемии COVID-19.

Обсуждение результатов

В рамках настоящей работы нам удалось перенести концепцию географии возможностей в российский контекст и подтвердить тезис Н. Хиллмана о существовании так называемых образовательных

пустынь и оазисов. Несмотря на то что данная работа не фокусировалась на внутрирегиональных различиях, её результаты могут быть значимыми для образовательной политики. Проведённый анализ показывает, что образовательные возможности учащихся (доступ к программам дистанционного обучения) во многом объясняется региональным контекстом. Значимый результат настоящего исследования — выявление специфики российской географии возможностей. В отличие от США для России характерна другая структура «пространственного неравенства»: это возникновение не «образовательных пустынь», а «оазисов», которые формируются на территориях с высоким уровнем экономического благополучия и урбанизированности. Таким образом, в выигрышном положении оказываются учащиеся, проживающие в городах и экономически развитых регионах. Они получают больший доступ к цифровым ресурсам и, соответственно, к образовательным возможностям.

В свою очередь, период пандемии послужил катализатором для усиления существующих региональных различий. Полученные результаты показывают, что на момент начала распространения коронавируса в 2020 г. готовность школ к переходу на дистанционное обучение сильно варьировалась в зависимости от субъекта РФ. Даже в периоды локдаунов оставались регионы, где доля обучающихся на дистанционном обучении была минимальной — менее 0,1%.

В наиболее выгодном положении оказались образовательные оазисы. В период пандемии для них был характерен наибольший рост доступа к дистанционному обучению. В то же время динамика данного показателя в условных образовательных пустынях значительно менее выражена. Таким образом, распространение пандемии существенно усилило различия в доступе к цифровым технологиям обучения между «образовательными пустынями» и «оазисами».

Представленное исследование вносит региональную перспективу в обсуждение дистанционного образования и цифрового неравенства в целом. Несмотря на то что проделанная работа охватывает лишь один из аспектов системы российского образования, её результаты могут иметь практическое применение в области образовательной политики. Проведённый анализ подчёркивает важность учёта социально-экономических и демографических характеристик субъекта при принятии управленческих решений, поскольку учащимся из менее развитых регионов требуется больше образовательных возможностей, чтобы компенсировать существующие ресурсные недостатки. Настоящее исследование выявило, что для сокращения неравенства имеющихся темпов роста регионов недостаточно: как показывает опыт пандемии, «образовательные пустыни» демонстрируют определённое увеличение доступа к дистанционному обучению, но при этом не догоняют «оазисы». Таким образом, концепция географии возможностей подсвечивает перспективы децентрализованной системы для снижения социального неравенства. В частности, настоящее исследование показывает необходимость обеспечения внутрирегиональной вариативности в принятии решений образовательной политики, а именно гибкости и адаптации под локальные нужды и специфику, которые могут быть обеспечены за счёт перераспределения полномочий и ответственности с федерального на более низкие уровни.

Литература

- Бекова С. К., Терентьев Е. А., Малошонок Н. Г. 2021. Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов. *Вопросы образования*. 1: 74–92. doi: [10.17323/1814-9545-2021-1-74-92](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-74-92)
- Богданов М. Б., Малик В. М. 2020. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодёжи России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3 (157): 392–421.

- Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. 2020. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 17 (5 [113]): 56–68. doi: 10.21686/2413-2829-2020-5-56-68
- Заварина Е. С., Озерова К. А. 2009. Межрегиональное неравенство субъектов Российской Федерации по уровню среднедушевых денежных доходов населения. *Актуальные проблемы социально-экономического развития России*. 4: 47–51.
- Заир-Бек С. И. et al. 2018. Межрегиональная дифференциация развития школьного образования. *Факты образования*. 4 (19): 1–28.
- Зубаревич Н. В. 2012. «Лукавые цифры» на карте Родины. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 4 (454): 74–85.
- Зубаревич Н. В. 2014. Региональное развитие и региональная политика в России. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 4 (478): 7–27.
- Зубаревич Н. В. 2017. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики. *Мир новой экономики*. 2: 46–57.
- Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. 2013. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? *Общественные науки и современность*. 6: 15–26.
- Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. 2014. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран. *Региональные исследования*. 4: 100–110.
- Константиновский Д. Л. et al. 2006. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения. *Вопросы образования*. 2: 186–203.
- Мерцалова Т. А., Заир-Бек С. И., Анчиков К. М. 2020. Региональные системы общего образования в условиях массового перехода на дистанционное обучение. *Информационно-аналитические материалы Мониторинга экономики образования по результатам статистических и социологических обследований*. 5: 1–11.
- Регионы России. Социально-экономические показатели*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
- Черкашин Г. В. 1991. *Региональные проблемы социальной политики*. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Чернышов М. М., Усманов Д. И. 2020. Оценка влияния последствий пандемии коронавируса COVID-19 на социально-экономическое неравенство населения России. *Проблемы рыночной экономики*. 3: 31–48. doi: 10.33051/2500-2325-2020-3-31-48
- Angrist J. D., Pischke J. S. 2009. *Mostly Harmless Econometrics: An Empiricist's Companion*. Princeton: Princeton University Press. doi: 10.1515/9781400829828
- Ba H., Tally W., Tsikalas K. 2002. Investigating Children's Emerging Digital Literacies. *The Journal of Technology, Learning and Assessment*. 1 (4): 1–49.

- Black S. E., Cortes K. E., Lincove J. A. 2015. Academic Undermatching of High-Achieving Minority Students: Evidence from Race-Neutral and Holistic Admissions Policies. *American Economic Review*. 105 (5): 604–610. doi: [10.1257/aer.p20151114](https://doi.org/10.1257/aer.p20151114)
- Byun S. Y., Meece J. L., Irvin M. J. 2012. Rural-Nonrural Disparities in Postsecondary Educational Attainment Revisited. *American Educational Research Journal*. 49 (3): 412–437. doi: [10.3102/0002831211416344](https://doi.org/10.3102/0002831211416344)
- Campbell P. B., Storo J. 1996. Reducing the Distance: Equity Issues in Distance Learning in Public Education. *Journal of Science Education and Technology*. 5 (4): 285–295. doi: [10.1007/bf01677125](https://doi.org/10.1007/bf01677125)
- Chetty R. et al. 2014. Where is the Land of Opportunity? The Geography of Intergenerational Mobility in the United States. *The Quarterly Journal of Economics*. 129 (4): 1553–1623. doi: [10.3386/w19843](https://doi.org/10.3386/w19843)
- Dijk J. van, Hacker K. 2003. The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon. *The Information Society*. 19 (4): 315–326. doi: [10.1080/01972240309487](https://doi.org/10.1080/01972240309487)
- DiMaggio P., Hargittai E. 2001. From the ‘Digital Divide’ to ‘Digital Inequality’: Studying Internet Use as Penetration Increases. *Working Paper Series*. No 15. Princeton: Center for Arts and Cultural Policy Studies, Woodrow Wilson School, Princeton University. doi: [10.1080/10720530125913](https://doi.org/10.1080/10720530125913)
- Gregg M. 2010. Available in Selected Metros Only: Rural Melancholy and the Promise of Online Connectivity. *Cultural Studies Review*. 16 (1): 155–169. doi: [10.5130/csr.v16i1.1450](https://doi.org/10.5130/csr.v16i1.1450)
- Haan J. de. 2004. A Multifaceted Dynamic Model of the Digital Divide. *IT & Society*. 1 (7): 66–88.
- Hansen J. D., Reich J. 2015. Democratizing Education? Examining Access and Usage Patterns in Massive Open Online Courses. *Science*. 350 (6265): 1245–1248. doi: [10.1126/science.aab3782](https://doi.org/10.1126/science.aab3782)
- Hargittai E., Hinnant A. 2008. Digital Inequality: Differences in Young Adults’ Use of the Internet. *Communication Research*. 35 (5): 602–621. doi: [10.1177/0093650208321782](https://doi.org/10.1177/0093650208321782)
- Harvey D. 2010. *Social Justice and the City*. Vol. 1. Georgia: University of Georgia Press.
- Hillman N. W. 2016. Geography of College Opportunity: The Case of Education Deserts. *American Educational Research Journal*. 53 (4): 987–1021. doi: [10.3102/0002831216653204](https://doi.org/10.3102/0002831216653204)
- Hillman N., Weichman T. 2016. *Education Deserts: The Continued Significance of “Place” in the Twenty-First Century*. Washington, DC: American Council on Education Center for Policy Research and Strategy.
- Hindman D. B. 2000. The Rural-Urban Digital Divide. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 77 (3): 549–560. doi: [10.1177/107769900007700306](https://doi.org/10.1177/107769900007700306)
- Kizilcec R. F., Davis G. M., Cohen G. L. 2017. Towards Equal Opportunities in MOOCs: Affirmation Reduces Gender & Social-Class Achievement Gaps in China. In: *Proceedings of the Fourth (2017) ACM Conference On Learning@ Scale*. Cambridge, Massachusetts, USA, April 20–21, 2017. New York: Association for Computing Machinery. URL: <https://dl.acm.org/doi/proceedings/10.1145/3051457>
- Kosaretsky S. et al. 2022. General Education in Russia During COVID-19: Readiness, Policy Response, and Lessons Learned. In: Reimers F. M. (ed.) *Primary and Secondary Education During Covid-19*:

Disruptions to Educational Opportunity During a Pandemic. Cham, Switzerland: Springer; 227–261. doi: [10.1007/978-3-030-81500-4_9](https://doi.org/10.1007/978-3-030-81500-4_9)

Massey D. S., Rothwell J., Domina T. 2009. The Changing Bases of Segregation in the United States. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 626 (1): 74–90. doi: [10.1177/0002716209343558](https://doi.org/10.1177/0002716209343558)

OECD. 2022. *Trends Shaping Education 2022*. Paris: OECD Publishing.

Page L. C., Scott-Clayton J. 2016. Improving College Access in the United States: Barriers and Policy Responses. *Economics of Education Review*. 51: 4–22. doi: [10.1016/j.econedurev.2016.02.009](https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2016.02.009)

Pappano L. 2013. The Boy Genius of Ulan Bator. *New York Times*. 13 September.

Perez P. A., McDonough P. M. 2008. Understanding Latina and Latino College Choice: A Social Capital and Chain Migration Analysis. *Journal of Hispanic Higher Education*. 7 (3): 249–265. doi: [10.1177/1538192708317620](https://doi.org/10.1177/1538192708317620)

Roscigno V. J., Tomaskovic-Devey D., Crowley M. 2006. Education and the Inequalities of Place. *Social Forces*. 84 (4): 2121–2145. doi: [10.1353/sof.2006.0108](https://doi.org/10.1353/sof.2006.0108)

Rothwell J. T., Massey D. S. 2015. Geographic Effects on Intergenerational Income Mobility. *Economic Geography*. 91 (1): 83–106. doi: [10.1111/ecge.12072](https://doi.org/10.1111/ecge.12072)

Shadish W. R., Cook T. D., Campbell D. T. 2002. *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference*. Boston: Houghton, Mifflin and Company.

Soja E. W. 2010. *Seeking Spatial Justice*. Vol. 16. Minnesota: University of Minnesota Press. doi: [10.5749/minnesota/9780816666676.001.0001](https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816666676.001.0001)

Srinivasan M., Jishnu D., Shamala R. 2021. COVID-19 and Online Education: Digital Inequality and Other Dilemmas of Rural Students in Accessing Online Education During the Pandemic. *World of Media Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 4: 34–54. doi: [10.30547/worldofmedia.4.2021.2](https://doi.org/10.30547/worldofmedia.4.2021.2)

Tolbert C. M., Sizer M. 1996. US Commuting Zones and Labor Market Areas: A 1990 Update. *Staff Reports 278812*. Washington, DC: United States Department of Agriculture; Economic Research Service.

Turley R. N. L. 2009. College Proximity: Mapping Access to Opportunity. *Sociology of Education*. 82 (2): 126–146. doi: [10.1177/003804070908200202](https://doi.org/10.1177/003804070908200202)

Witte J. C., Mannon S. E. 2010. *The Internet and Social Inequalities*. New York: Routledge. doi: [10.4324/9780203861639](https://doi.org/10.4324/9780203861639)

Zillien N., Hargittai E. 2009. Digital Distinction: Status-Specific Types of Internet Usage. *Social Science Quarterly*. 90 (2): 274–291. doi: [10.1111/j.1540-6237.2009.00617.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2009.00617.x)

BEYOND BORDERS

Aleksandra Getman, Kseniia Adamovich

Regional Differences in the Access of Russian School Students to Distance Learning in 2016–2022

GETMAN, Aleksandra V. —

Junior Research Fellow, International Laboratory for Evaluation of Practices and Innovations in Education, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: av.getman@hse.ru

ADAMOVICH, Kseniia A. —

Research Fellow, International Laboratory for Evaluation of Practices and Innovations in Education, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Email: kadamovich@hse.ru

Abstract

Distance learning is one of the most discussed educational technologies in the world. While some researchers suggest that distance education contributes to reducing socio-economic inequality, other works show its consequences in the form of increased segregation. However, during the COVID-19 pandemic, the transition to this form of education turned out to be an alternative to traditional education, despite all the disputes about its effectiveness and consequences.

The aim of this study is to analyze the regional differences in students' access to distance learning in 2016–2022, carried out in the paradigm of N. Hillman's Geography of Opportunities. Using the quasi-experimental method of interrupted time series, the dynamics of differences in the coverage of students with distance learning in 2016–2022 were estimated on the basis of regional statistical reporting forms. Then, using the Pearson correlation method, the relationship of students' access to distance learning with socio-economic and demographic characteristics of the regions was analyzed. Further, the fixed effects of the pandemic period on students' access to distance learning in schools in different regions were evaluated.

The obtained results allow us to apply the concept of the geography of opportunities to the Russian context and confirm N. Hillman's thesis about the existence of educational «deserts», where the educational opportunities of students are largely explained by a less prosperous context. The COVID-19 pandemic has served as a catalyst for the growth of existing differences. At the time of the lockdown in 2020, the readiness of schools to switch to distance learning varied greatly depending on the subject of the Russian Federation. In the most advantageous position were the regions described as educational “oases,” where the growth of students' access to distance learning was maximal during the pandemic. At the same time, some growth of this indicator in the regions that we describe as educational “deserts” was insufficient to reduce inequality. Thus, the application of the concept of the geography of opportunities to the Russian context highlights the potential of a decentralized system to reduce social inequality.

Keywords: distance learning; Geography of opportunity; educational oases; regional differences; digital inequality; socio-economic segregation; COVID-19.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Angrist J. D., Pischke J. S. (2009) *Mostly Harmless Econometrics: An Empiricist's Companion*, Princeton: Princeton University Press. Doi: [10.1515/9781400829828](https://doi.org/10.1515/9781400829828)
- Ba H., Tally W., Tsikalas K. (2002) Investigating Children's Emerging Digital Literacies. *The Journal of Technology, Learning and Assessment*, vol. 1, no 4, pp. 1–49.
- Bekova S. K., Terent'yev Ye. A., Maloshonok N. G. (2021) Obrazovatel'noe neravenstvo v usloviyakh pandemii COVID-19: svyaz' sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sem'i i opyta distantsionnogo obucheniya studentov [Educational Inequality and COVID-19 Pandemic: Relationship between the Family Socio-Economic Status and Student Experience of Remote Learning]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 74–92. doi: [10.17323/1814-9545-2021-1-74-92](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-74-92) (in Russian).
- Black S. E., Cortes K. E., Lincove J. A. (2015) Academic Undermatching of High-Achieving Minority Students: Evidence from Race-Neutral and Holistic Admissions Policies. *American Economic Review*, vol. 105, no 5, pp. 604–10. doi: [10.1257/aer.p20151114](https://doi.org/10.1257/aer.p20151114)
- Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Kak sochetayutsya sotsialnoye, territorialnoye i gendernoye neravenstva v obrazovatel'nykh trayektoriyakh molodezhi Rossii? [Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, vol. 3, no 157, pp. 392–421 (in Russian).
- Bondarenko N. E., Gubarev R. V. (2020) Problema regionalnogo neravenstva v socia'no-ekonomicheskom razvitiy Rossiskoy Phederatsii [The Problem Of Regional Inequality in the Socio-Economic Development of the Russian Federation]. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics = Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, vol. 17, no 5 (113), pp. 56–68. doi: [10.21686/2413-2829-2020-5-56-68](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-56-68) (in Russian).
- Byun S. Y., Meece J. L., Irvin M. J. (2012) Rural-Nonrural Disparities in Postsecondary Educational Attainment Revisited. *American Educational Research Journal*, vol. 49, no 3, pp. 412–437. doi: [10.3102/0002831211416344](https://doi.org/10.3102/0002831211416344)
- Campbell P. B., Storo J. (1996) Reducing the Distance: Equity Issues in Distance Learning in Public Education. *Journal of Science Education and Technology*, vol. 5, no 4, pp. 285–295. doi: [10.1007/bf01677125](https://doi.org/10.1007/bf01677125)
- Cherkashin G. V. (1991) *Regionalnyeyinnesoy sotsialnoy politiki* [Regional Problems of Social Policy], Sverdlovsk: Ural University Publishing House (in Russian).
- Chernyshov M. M., Usmanov D. I. (2020) Otsenka vliyaniya posledstviy pandemii koronavirusa COVID-19 na sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo naseleniya Rossii [Assessment of the Impact of the Consequences of the COVID-19 Coronavirus Pandemic on the Socio-Economic Inequality of the Russian Population]. *Problems of Market Economy = Problemy rynochnoj ekonomiki*, no 3, pp. 31–48. doi: [10.33051/2500-2325-2020-3-31-48](https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-3-31-48) (in Russian).
- Chetty R., Hendren N., Kline P., Saez E. (2014) Where is the Land of Opportunity? The Geography of Inter-generational Mobility in the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 129, no 4, pp. 1553–1623. doi: [10.3386/w19843](https://doi.org/10.3386/w19843)

- Dijk J. van, Hacker K. (2003) The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon. *The Information Society*, vol. 19, no 4, pp. 315–326. doi: [10.1080/01972240309487](https://doi.org/10.1080/01972240309487)
- DiMaggio P., Hargittai E. (2001) From the ‘Digital Divide’ to ‘Digital Inequality’: Studying Internet Use as Penetration Increases. *Working Paper Series*, no 15, Princeton: Center for Arts and Cultural Policy Studies, Woodrow Wilson School, Princeton University. doi: [10.1080/10720530125913](https://doi.org/10.1080/10720530125913)
- Gregg M. (2010) Available in Selected Metros Only: Rural Melancholy and the Promise of Online Connectivity. *Cultural Studies Review*, vol. 16, no 1, pp. 155–169. doi: [10.5130/csr.v16i1.1450](https://doi.org/10.5130/csr.v16i1.1450)
- Haan J. de. (2004) A Multifaceted Dynamic Model of the Digital Divide. *IT & Society*, vol. 1, no 7, pp. 66–88.
- Hansen J. D., Reich J. (2015) Democratizing Education? Examining Access and Usage Patterns in Massive Open Online Courses. *Science*, vol. 350, no 6265, pp. 1245–1248. doi: [10.1126/science.aab3782](https://doi.org/10.1126/science.aab3782)
- Hargittai E., Hinnant A. (2008) Digital Inequality: Differences in Young Adult” Use of the Internet. *Communication Research*, vol. 35, no 5, pp. 602–621. doi: [10.1177/0093650208321782](https://doi.org/10.1177/0093650208321782)
- Harvey D. (2010) *Social Justice and the City*, vol. 1, Georgia: University of Georgia Press.
- Hillman N. W. (2016) Geography of College Opportunity: The Case of Education Deserts. *American Educational Research Journal*, vol. 53, no 4, pp. 987–1021. doi: [10.3102/0002831216653204](https://doi.org/10.3102/0002831216653204)
- Hillman N., Weichman T. (2016) *Education Deserts: The Continued Significance of “Plac” in the Twenty-First Century*, Washington, DC: American Council on Education Center for Policy Research and Strategy.
- Hindman D. B. (2000) The Rural-Urban Digital Divide. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 77, no 3, pp. 549–560. doi: [10.1177/107769900007700306](https://doi.org/10.1177/107769900007700306)
- Kizilcec R. F., Davis G. M., Cohen G. L. (2017) Towards Equal Opportunities in MOOCs: Affirmation Reduces Gender & Social-Class Achievement Gaps in China. *Proceedings of the Fourth (2017) ACM Conference on Learning@ Scale*. Cambridge, Massachusetts, USA, April 20–21, 2017, New York: Association for Computing Machinery. Available at: <https://dl.acm.org/doi/proceedings/10.1145/3051457> (accessed 16 January 2024).
- Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Ya. M. (2006) Dostupnost kachestvennogo obshchego obrazovaniya v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Accessibility of High-Quality General Education in Russia: Opportunities and Limitations]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 2, pp. 186–203 (in Russian).
- Kosaretsky S., Zair-Bek S., Kersha Y., Zvyagintsev R. (2022) General Education in Russia During COVID-19: Readiness, Policy Response, and Lessons Learned. *Primary and Secondary Education During Covid-19: Disruptions to Educational Opportunity During a Pandemic* (ed. F. M. Reimers), Cham, Switzerland: Springer, pp. 227–261. doi: [10.1007/978-3-030-81500-4_9](https://doi.org/10.1007/978-3-030-81500-4_9)
- Massey D. S., Rothwell J., Domina T. (2009) The Changing Bases of Segregation in the United States. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 626, no 1, pp. 74–90. doi: [10.1177/0002716209343558](https://doi.org/10.1177/0002716209343558)

- Mertsalova T. A., Zair-Bek S. I., Anchikov K. M. (2020) Regionalnyye sistemy obshchego obrazovaniya v usloviyakh massovogo perekhoda na distantsionnoye obucheniye. Informatsionno-analiticheskiye materialy [Regional General Education Systems During Mass Transition to Distance Learning]. *Monitoring of Education Markets and Organizations = Monitoringa ekonomiki obrazovaniya po rezulatom statisticheskikh i sotsiologicheskikh obsledovaniy*, no 5, pp. 1–11 (in Russian).
- OECD. (2022) *Trends Shaping Education 2022*, Paris: OECD Publishing.
- Page L. C., Scott-Clayton J. (2016) Improving College Access in the United States: Barriers and Policy Responses. *Economics of Education Review*, no 51, pp. 4–22. doi: [10.1016/j.econedurev.2016.02.009](https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2016.02.009)
- Pappano L. (2013) The Boy Genius of Ulan Bator. *New York Times*, 13 September.
- Perez P. A., McDonough P. M. (2008) Understanding Latina and Latino College Choice: A Social Capital and Chain Migration Analysis. *Journal of Hispanic higher education*, vol. 7, no 3, pp. 249–265. doi: [10.1177/1538192708317620](https://doi.org/10.1177/1538192708317620)
- Regions of Russia. Socio-economic indicators* [Electronic resource]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 16 January 2024) (in Russian).
- Roscigno V. J., Tomaskovic-Devey D., Crowley M. (2006) Education and the Inequalities of Place. *Social Forces*, vol. 84, no 4, pp. 2121–2145. doi: [10.1353/sof.2006.0108](https://doi.org/10.1353/sof.2006.0108)
- Rothwell J. T., Massey D. S. (2015) Geographic Effects on Intergenerational Income Mobility. *Economic Geography*, vol. 91, no 1, pp. 83–106. doi: [10.1111/ecge.12072](https://doi.org/10.1111/ecge.12072)
- Shadish W. R., Cook T. D., Campbell D. T. (2002) *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference*, Boston: Houghton, Mifflin and Company.
- Soja E. W. (2010) *Seeking Spatial Justice*, vol. 16, Minnesota: University of Minnesota Press. doi: [10.5749/indiana/9780816666676.001.0001](https://doi.org/10.5749/indiana/9780816666676.001.0001)
- Srinivasan M., Jishnu D., Shamala R. (2021) COVID-19 and Online Education: Digital Inequality and Other Dilemmas of Rural Students in Accessing Online Education During the Pandemic. *World of Media Journal of Russian Media and Journalism Studies*, no 4, pp. 34–54. doi: [10.30547/worldofmedia.4.2021.2](https://doi.org/10.30547/worldofmedia.4.2021.2)
- Tolbert C. M., Sizer M. (1996) US Commuting Zones and Labor Market Areas: A 1990 Update. <рекомендованное цитирование: *Staff Reports 278812*, Washington, DC: United States Department of Agriculture; Economic Research Service.
- Turley R. N. L. (2009) College Proximity: Mapping Access to Opportunity. *Sociology of Education*, vol. 82, no 2, pp. 126–146. doi: [10.1177/003804070908200202](https://doi.org/10.1177/003804070908200202)
- Witte J. C., Mannon S. E. (2010) *The Internet and Social Inequalities*, New York: Routledge. doi: [10.4324/9780203861639](https://doi.org/10.4324/9780203861639)
- Zair-Bek S. I., Zinyukhina E. V., Kosaretsky S. G., Mertsalova T. A. (2018) Mezhhregionalnaya differentsiatsiya razvitiya shkolnogo obrazovaniya [Interregional Differentiation of School Education Development]. *Educational Issues = Fakty obrazovaniya*, vol. 4, no 19, pp. 1–28 (in Russian).

- Zavarina E. S., Ozerova K. A. (2009) Mezhhregionalnoe neravenstvo subyektov Rossiyskoy Phederatsii po urovnyu srednedushevykh denezhnykh dokhodov naseleniya [Interregional Inequality of the Subjects of the Russian Federation in Terms of the Average per Capita Monetary Income of the Population]. *Actual Problems of Socio-Economic Development of Russia = Aktual'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii*, no 4, pp. 47–51 (in Russian).
- Zillien N., Hargittai E. (2009) Digital Distinction: Status-Specific Types of Internet Usage. *Social Science Quarterly*, vol. 90, no 2, pp. 274–291. doi: [10.1111/j.1540-6237.2009.00617.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2009.00617.x)
- Zubarevich N. V. (2012) “Lukavye tsifry” na karte Rodiny [“Crafty Figures” on the Map of the Motherland]. *All-Russian Economic Journal ECO = Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO*, vol. 4, no 454, pp. 74–85 (in Russian).
- Zubarevich N. V. (2014) Regionalnoe razvitie i regionalnaya politika v Rossii [Regional Development and Regional Policy in Russia]. *All-Russian Economic Journal ECO = Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO*, vol. 4, no 478, pp. 7–27 (in Russian).
- Zubarevich N. V. (2017) Razvitie rossiyskogo prostranstva: baryery i vozmozhnosti regional'noy politiki [Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities of Regional Policy]. *The World of the New Economy = Mir novoj ekonomiki*, no 2, pp. 46–57 (in Russian).
- Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2013) Neravenstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i gorodov Rossii 2000-kh godov: rost ili snizhenie? [Inequality of Socio-Economic Development of Regions and Cities of Russia in the 2000s: Growth or Decline?]. *Social Sciences and Modernity = Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 15–26 (in Russian).
- Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2014) Territorialnoe neravenstvo dokhodov naseleniya Rossii i drugikh krupnykh postsovetkikh stran [Territorial Income Inequality of the Population of Russia and Other Large Post-Soviet Countries]. *Regional Studies = Regional'nye issledovaniya*, no 4, pp. 100–110 (in Russian).

Received: January 11, 2023

Citation: Getman A., Adamovich K. (2024) Regionalnye razlichiya v dostupe rossiyskikh uchashhikhsya k distantsionnomu obucheniyu v 2016–2022 gg.: efekty perioda COVID-19 [Regional Differences in the Access of Russian School Students to Distance Learning in 2016–2022]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 96–116. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-96-116](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-96-116) (in Russian).

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

В. А. Потапова

Пересборка экономической социологии: методологические следы акторно-сетевой теории

ПОТАПОВА Вера Александровна — студентка образовательной программы «Медиакоммуникации»; учебный ассистент, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Хитровский пер., д. 2/8, стр. 5.

Email: vapotapova@edu.hse.ru

Акторно-сетевая теория (АСТ), возникшая как методология в области исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS), даёт новый теоретический импульс и другим областям социальной науки в XXI веке. Её значительное влияние прослеживается в современной экономической социологии, а также в социальных исследованиях города, инноваций, культуры и искусства. В первой части данной статьи, чтобы проследить генезис идей акторно-сетевой теории, рассматриваются основные положения книги французского социолога Бруно Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию»¹. В ней Латур предлагает авторскую стратегию реформирования методологии социальной науки и противопоставляет общепринятую критическую социологию, подстраивающую социальные взаимодействия под известные теории и понятия, новому подходу социологии ассоциаций — более приближенному к акторам и прослеживающему их самостоятельную работу по сборке ассоциаций (ассамбляжей). Следуя структуре книги, автор данной статьи описывает неопределённости, стоящие перед социологом, а затем шаги по их преодолению, которые в совокупности образуют теоретический подход АСТ. Статья также содержит обзор актуальных работ в области экономической социологии, которые так или иначе наследуют этой методологии; в ней анализируются идеи Мишеля Каллона о перформативном эффекте экономической науки и его продуктивная концепция «рыночных устройств» («market devices»). Затем описывается вклад АСТ в исследования роли материальных условий функционирования рынков, которые реализуются Дональдом Маккензи, Фабианом Муньесой и другими в рамках зарождающихся направлений социальных исследований финансов (Social Studies of Finance, SSF) и социологии оценивания (Sociology of Valuation).

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; Бруно Латур; Мишель Каллон; исследования науки и технологий; рыночные устройства; социология оценивания; социальные исследования финансов.

Введение

Акторно-сетевая теория, или АСТ (Actor-Network Theory, ANT), возникла в конце 1970-х гг. как подход в рамках исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS). Местом рождения АСТ можно счи-

¹ См.: [Latour 2005; Латур 2013b; 2014].

тать Центр социологии инноваций Высшей горной школы Парижа, где работали Бруно Латур, его коллега Мишель Каллон и британский социолог Джон Ло.

Идеи этой теории были впервые высказаны Латуром в работе, написанной в соавторстве со Стивом Вулгаром, «Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов» [Latour, Woolgar 1979]. При помощи метода антропологического наблюдения авторы описывали повседневную деятельность учёных в биологической лаборатории. Это исследование вызвало резонанс, так как противоречило основным традициям социологии науки. Во-первых, исследовалось локальное проявление научной жизни, а не профессиональное сообщество учёных как социальная группа, как было принято в институционализме Роберта Мёртона. Во-вторых, классическая социология традиционно фокусировалась на спорных моментах и ошибочных выводах как дисфункциях системы, в то время как Латур и Вулгар сделали предметом анализа все, даже самые рутинные, процессы производства знания в лаборатории. До «Лабораторной жизни» схожая идея была высказана Дэвидом Блуром как принцип симметрии «сильной программы» [Блур 2002] и легла в основу социологии научного знания Эдинбургской школы (Sociology of Scientific Knowledge, SSK), возникшей незадолго до STS, в 1960-е гг. Однако Латур расходится с ревизионистской программой Дэвида Блура, фокусируясь не на контенте научного знания, а на процессе его получения. Также Блур настаивает на укоренённости научного знания в социальном, в то время как Латур отрицает социальное как особый тип связи и вместо него описывает «гетерогенные сети», которые связывают людей и не людей (*non-humans*)². Дэвид Блур, в свою очередь, не раз критиковал релятивистский подход Латура и его игнорирование институционализированного консенсуса по поводу истинного и ложного научного знания [Блур 2017], на что Латур отвечал карикатурными описаниями принципов «сильной программы» [Латур 2017]. Для того чтобы не ассоциироваться с социальным конструкционизмом SSK, в переиздании «Лабораторной жизни» авторы даже убрали из заглавия слово «социальное» [Latour, Woolgar 1987]. Подобная провокационная риторика АСТ вызывала значительную академическую критику со стороны этих и других направлений социологии науки (см. подробнее: [Zammito 2004: 151–232; Жэнгра 2017: 84–107]).

Позиционируя свою книгу как введение в акторно-сетевую теорию, Латур намекает на амбициозные цели, которые ставит перед собой «Пересборка социального». Её отличие от предыдущих работ состоит в том, что критическая оптика АСТ распространяется с социологии науки на социологию вообще. Акторно-сетевая теория была для Латура не просто одним из подходов, но радикальной программой, пересматривающей и релятивизирующей всю социальную науку подобно тому, как теория относительности Эйнштейна стала революционной в области физики [Латур 2014: 26]. Многими исследователями такая амбициозность считалась неоправданной, однако после смерти Латура (9 октября 2022 г.) появилось множество воспоминаний о нём известных учёных, считающих себя его последователями или, как минимум, признающих значимость его исследований. Люк Болтански, например, говорит об «эффekte Латура», то есть о том влиянии, которое его личность и ранние работы оказывали на начинающих исследователей, заставляя подвергнуть сомнению популярную в то время критическую социологию в традиции Пьера Бурдьё [Boltanski 2023: 1247–1248]. Теперь, в 2023 г., на временной дистанции почти в 20 лет, можно судить о последствиях резонанса, который методологическая программа акторно-сетевой теории, описанная в «Пересборке социального», вызвала в академическом поле.

Следуя конвенциональному определению Джона Ло, акторно-сетевая теория — это набор концептуальных инструментов, отражающих то, как значение каждого объекта или субъекта формируется в его *отношении* к другим [Law 2017: 41–42]. Историк науки Ив Жэнгра называет АСТ «единым языком описания для разнообразных микросоциологических исследований» [Жэнгра 2017: 99]. Подобная универсальность позволила создателям АСТ развивать академическую карьеру в разных направлениях.

² В русском переводе — «не-человеки» [Латур 2014].

Так, Бруно Латур внёс вклад в изучение антропологии науки [Латур 2006; 2013a], философии модусов существования [Latour 2018], экологического права [Латур 2018] и политического смысла климатических изменений [Латур 2019]. Джон Ло развивал АСТ как «материальную семиотику» в Ланкастерской школе [Law 2008]. А Мишель Каллон перенёс методологию «социологии перевода» из STS [Каллон 2017] в исследование экономических сетей взаимодействий, что положило начало влиянию АСТ на экономическую социологию.

Наравне с создателями используют акторно-сетевую теорию и другие исследователи, расширяя возможные области её применения. Так, в сборнике, посвящённом современному развитию STS [Felt et al. 2017], выделяются следующие междисциплинарные взаимодействия:

- исследования города: АСТ позволяет рассматривать пространство города как ассамбляж технологий, науки, природы, людей и вещей [Blok, Farías 2017];
- исследования инноваций: АСТ предлагает постоянно обновляющийся язык описания зарождающихся технологий (например, нанотехнологий и геоинженерии) [Stilgoe, Guston 2017];
- разные направления социологии искусства. Так, АСТ используется в социологии музыки, позиционируя музыкальную композицию как постоянно пересобираемый продукт (процесс), который представляет сеть взаимодействий композитора, инструмента, деятельности по её воспроизведению музыкантом или любителем и т. д. [Hennion 2015]. Ещё один пример — исследования кинематографа (например, для описания метафильмов, то есть фильмов, которые обращают внимание зрителя на собственную материальную форму, образуя с ним социотехническую ассоциацию [Carter 2018]);
- исследования культуры: отказ от привилегированной субъектно-объектной оптики сделало АСТ распространённым подходом в феминистских [Харауэй 2022] и постколониальных [Law, Lin 2017] исследованиях.

После краткого обзора применений акторно-сетевой теории, доказывающих актуальность и продуктивность подхода, можно, наконец, перейти к её основным теоретическим положениям. Следуя логике «Пересборки социального», вначале мы обозначим различие между двумя векторами социальных наук — социологии социального и социологии ассоциаций, объяснив, почему автор призывает отойти от традиции первого направления и какие преимущества видит во втором. Становится ясно, что основное несоответствие этих подходов — в их способах определения понятия «общество». Далее опишем, как Латур переопределяет базовые понятия социальных наук: цели, задачи, предмет исследования и, наконец, саму идею понятия «общество». Мы назовём источники неопределённости, которые усложняют социологам поиск социального и рискуют увести их в две крайности — узкие исследования локальных взаимодействий или обобщения на уровне глобального контекста. Затем опишем предлагаемые в книге шаги по преодолению этих неопределённостей, которые в совокупности образуют методологию акторно-сетевой теории.

В той части данной статьи, которая посвящена развитию акторно-сетевой теории в экономической социологии, наибольшее внимание уделяется работам Мишеля Каллона, давшим начало «перформативному» и «прагматическому» поворотам в исследованиях рынков. Затем рассмотрим актуальные подходы, использующие методологию АСТ, такие как социальные исследования финансов (Social Studies of Finance, SSF), социология оценивания (Valuation Studies), а также «рыночные устройства» как теоретический инструмент.

Социология с чистого листа: «существовать значит различаться»

«Путешествие с АСТ, боюсь сказать, окажется мучительно медленным. Движение будут постоянно останавливать, препятствовать ему, прерывать и уводить в сторону <...>» — такими строками из книги можно описать опыт её прочтения [Латур 2014: 41]. Стиль письма Латура наполнен метафоричными, нарочито усложнёнными формулировками, историческими сравнениями, лирическими отступлениями и художественными приёмами. Это порождает несоответствие между целью автора (призвать социологов к изменению собственного метода и предложить работающую альтернативу) и средством её достижения (сложный, петляющий язык с фразами наподобие «Фантом становится вампиром, а Левиафан превращается в бегемота» [Латур 2014: 228]). Текст воспринимается скорее как художественное произведение, чем практическое руководство к действию, хотя Латур стремится позиционировать его именно так: «Методологические трактаты могут мечтать об ином мире: у книги об АСТ, написанной муравьями для других муравьёв, только одна цель — помочь прокладывать узкие ходы в этой пыльной земной юдоли» [Латур 2014: 174]. Две основные части книги разделяет диалог-интерлюдия между неназванными Студентом и Профессором. Его видимая вымысленность не только не способствует прояснению теории в «живом» диалоге, но, наоборот, будто отдаляет её от реальности. Обозначив узнаваемую специфику языка Латура, можно перейти к изложению содержания книги, такому же нестандартному, как её форма.

Бруно Латур начинает с разделения двух подходов к изучению социального. Первый он называет критической социологией или социологией социального. Второй — социологией ассоциацией или ассоциологией. Первый подход повсеместно применяется в современных социальных науках, но воспринимается Латуром как ошибочный, а второй лежит в основе акторно-сетевой теории, призванной вернуть социологию к изначальной цели — исследованию социального.

Критическая социология, или социология социального, берёт за точку отсчёта понятия «социальное» или «общество», которые воспринимает как само собой разумеющиеся, существующие независимо от деятельности акторов или даже «над» ними. При такой оптике «быть социальным» означает обладать определёнными социальными аспектами, находиться в социальном контексте. Одно понимание социального используется для объяснения всех схожих ситуаций: «И вы начнёте принимать то, что уже соединено вместе, за особый тип производства: социальное объясняет социальное» [Латур 2014: 224]. Критическая социология разрабатывает чёткие, консенсусные понятия («класс», «тоталитаризм», «структура» и т. д.), которыми измеряет действия акторов. Так, сами акторы оказываются пассивными, манипулируемыми под воздействием этих концепций, а не создающими их.

Социология ассоциаций имеет конечной целью объяснить, что значит «быть социальным», то есть то, что критическая социология принимает как универсальную данность. Сами по себе акторы (люди и не люди) не являются социальными. Социальны *ассоциации* между ними — те связи, которые они выстраивают друг с другом в процессе ежедневного взаимодействия. Новые ассоциации возникают в процессе приспособления к инновациям, которые каждый раз переворачивают условия существования и репродуцируют «разногласия», поэтому для Латура они (и другие материальные вещи) обладают агентностью наравне с людьми.

Критическая социология выстраивает неизменные связи, подводит разные ситуации под гомогенную теорию, социология ассоциаций замечает различия в каждом новом случае, какие новые ассоциации возникают и какие инновации им способствуют. По этой причине акторно-сетевой теории интересны не стабилизированные группы, а процессы группообразования и различия, проявляющиеся в них и благодаря им. Исследователь в рамках социологии ассоциаций всегда начинает, не зная, из чего состоит социальное, в то время как критическая социология пытается подстроить конкретный акт под уже известные категории социального.

Латур называет пять источников неопределённости, которые усложняют путь по следу социального для исследователя и не остаются незамеченными критической социологией:

- необходимость проследить процесс группообразования, а не принимать группу как результат;
- необходимость учитывать многообразие уникальных сил, влияющих на действие актора;
- необходимость учитывать активную роль не людей (технологий и вещей) в производстве ассоциаций;
- необходимость отделять наблюдаемые факты от предыдущего опыта исследователя, чтобы избежать дискуссионных выводов;
- необходимость воплотить выводы исследования в текстовой форме (в отчётах).

Латур представляет подробный и последовательный анализ этих и других несовершенств традиционной социологии. Обнуляя все предыдущие социологические изыскания или переиначивая их историю, вспоминая забытые теории (например, Габриэля Тарда [Латур 2014: 27]), учёный предлагает полную смену целей, задач и предметов исследования социальных наук.

Цель социальной науки, по Латуру, в том, чтобы уловить эмпирические следы социального, которые оставляют акторы в процессе решения разногласий. Ассоциации становятся заметными только при возникновении новых, при релятивистском анализе их изменений относительно друг друга. Иными словами, необходимо отталкиваться от каждого уникального взаимодействия, постоянно «следовать за акторами», каждый раз заново наблюдая процесс выстраивания ассоциаций. Именно поэтому для Латура невозможно создание единой социологической теории: чем она универсальнее, тем меньше различий она учитывает и тем меньшей свободой наделяется актор в конструировании своего социального. Таким образом, согласно Латуру, социология — не самостоятельная научная дисциплина, а целиком зависящая от акторов. Они вкладываются в изменения социального и делают возможным труд социолога.

Социология как «наука о жизни сообща» должна решать следующие задачи [Латур 2014: 224–225]:

- задокументировать возможные способы решения разногласий, изобретённые акторами;
- объяснить выбор того или иного способа стабилизации разногласия;
- определить наиболее верные способы собирания коллектива, придав политическую значимость исследованию.

Социологи в процессе исследования постоянно смешивают задачи, выполняя их не по порядку или пытаясь решить все сразу. Если меняются местами первая и вторая, стало быть, ограничивается число социальных объединений. Если же третья задача становится первичной, значит, исследователь подменяет построение коллектива самими акторами собственным пониманием того, что их держит вместе и что способствует модернизации общества. При этом с правильностью поставленных социологией задач Латур соглашается, чем подтверждает стремление вернуть науку в её естественное русло.

Основная идея «Пересборки социального» заключается в том, чтобы восстановить верный порядок решения этих задач. Первая часть книги посвящена решению первой задачи. Вторая часть решает

вторую задачу и говорит, о том, как улаживаются разногласия в коллективе с помощью труда самих акторов, и как сделать более заметными эмпирические следы этих усилий. О третьей задаче — политическом потенциале ассоциологии — речь идет в заключении.

Шаги по следу социального

Если в первой части Латур ставит социологию социального перед собственными недостатками, противоречиями, неопределённостями, которые усложняют, ограничивают и мешают пониманию социального, то во второй его задача — выявить инструменты, с помощью которых эти неопределённости можно стабилизировать.

В попытке преодолеть обозначенные неопределённости социологи уходят в две крайности — в исследование локальных взаимодействий или анализ глобального контекста. Для Латура оба подхода являются упрощённым пониманием социального и приводят к ошибочным выводам.

Микросоциология, то есть исследование конкретных локальных сцен коммуникации, не способна показать сети взаимодействия, которые неизбежно образует повседневность. *Макросоциология*, ориентированная на социальные институты и общности, наоборот, уходит от конкретики, выстраивая универсальные структуры — слишком абстрактные и неэффективные для анализа реального мира. Первый полюс — этнометодология Гарольда Гарфинкеля; второй — структурный функционализм Толкотта Парсонса. Сопровождая пессимистичные размышления шутками в духе «На каждого структуралиста рождается свой интеракционист» [Латур 2014: 236], Латур обозначает кризис одновременно всех направлений современной социологии из-за подобного невнимательного отношения к масштабу социального.

Традиционно, чтобы решить противостояние между микро- и макрополюсами, социологи создавали третье измерение. Третье измерение — это область *теоретического* социального, в котором должны были найти отражение все объяснения социальных взаимодействий (контекст, структуры, фреймы). Такой подход ускорял путь поиска социальных связей, но приводил к чрезмерному обобщению и заставлял социолога делать выводы за акторов, которые всегда существуют в плоском измерении: «Надо ходить пешком и решительно не соглашаться пользоваться каким-нибудь более быстрым средством передвижения» [Латур 2014: 240].

Плоское социальное взаимодействие организовано так, что акторы постоянно меняют масштабы, но делают это последовательно, линейно. Задача социолога — менять масштабы вслед за акторами, переходить с микро- на макроуровень и обратно, прослеживая логику, по которой это совершают акторы. «Наше решение — принять всерьёз *невозможность* оставаться на одной из двух позиций продолжительное время» [Латур 2014: 239]. Нужно определять масштаб не до начала исследования, а во время, и каждый раз заново.

При этом АСТ — не компромисс между макро- и микроуровнями, а переорганизация топографии социального пространства. Необходимо перерисовать карту социологии так, чтобы выстраивание связей между акторами фиксировалось линейно и образовывало сети.

Первым шагом к этому является исключение возможности создания третьего измерения, переход к глобальному контексту. Для этого Латур изобретает *зажимы*, удерживающие социолога на одном уровне с деятельностью акторов.

Зажим первого типа Латур называет *олигоптикумом*. Если паноптикум Фуко способен видеть всё, но из одной точки, на расстоянии, олигоптикумы, наоборот, направляют внимание только на один объект,

но рассматривают его в деталях, со всех сторон. Для такого зажима достаточно задать вопрос: «Где на самом деле производятся структурные эффекты?» [Латур 2014: 245]. Так, исследователь должен определить материальные (географические, вещественные) условия производства социального. «Ни о каком месте нельзя сказать, что оно больше любого другого, но о некоторых местах можно сказать, что они выигрывают от гораздо более надёжных связей с гораздо большим числом мест, чем другие» [Латур 2014: 247]. В 1998 г. Латур продемонстрировал этот подход своим проектом «Париж — незримый город», в котором на фотографиях Эмиля Эрмана запечатлена материальная обыденность Парижа: продукты профессиональной деятельности техников, инженеров, социальных служб, сил полиции, водопроводчиков [Latour, Hermant 1998]. Для Латура увидеть город значило не охватить его целиком, а приблизиться к множеству практик его повседневного использования. Так, в логике олигоптикума образуется сеть взаимодействия людей и вещей, способная дать полное представление о городском социальном [Климанова 2015].

Второй тип зажима Латур называет *панорамой*, отсылая к технологии фото- и кинопроекции XX века. Панорамы представляли собой помещение с круглой стеной, медленно вращающейся вокруг сидящей в центре публики, на которую проецировалось 360-градусное изображение исторических событий, пейзажей, городских ландшафтов. Для Латура определяющими являются две характеристики панорамы: (1) она позволяет увидеть явление во всём объёме; (2) она не позволяет увидеть ничего, так как является только проекцией или изображением. Панорама — зажим, заставляющий рассматривать претендующие на универсальность социальные теории как одного из многих акторов. Обычно они спекулируют масштабами, подгоняя разнообразие социальных взаимодействий под одну идею. Так, Латур высказывает недовольство по поводу всей западной интеллектуальной истории, упоминая феноменологию духа Гегеля, коммунистический манифест К. Маркса, а также концепции конфликта цивилизаций С. Хаттингтона, конца истории Ф. Фукуямы и общества риска У. Бека. Однако вместо того, чтобы отказаться от них, Латур предлагает рассматривать их как панорамы. Каждую такую теорию нужно использовать не как объяснение социального порядка, описание существующего мира, а как нарратив (фильм). Необходимо задавать вопросы: «В какой комнате? В какой панораме? Какими средствами? Каким режиссёром? Сколько стоит?» [Латур 2014: 265]. Так, предыдущие социологические разработки воспринимаются не в качестве методологии, но как ещё один предмет исследования и актор, вступающий в сети. Это приводит к идее перформативности науки, которая будет раскрыта ниже на примере экономической науки.

В качестве второго шага переорганизации топографии социального пространства необходимо перераспределить локальное так, чтобы симметрично отразить предыдущий процесс локализации глобального. Необходимо проследить источники элементов, формирующих конкретное локальное взаимодействие, ответив на вопрос: «Как производится само локальное?». Так, можно описать контекст социального, не решая за акторов, а наблюдая за тем, как проявляются следы глобального в их интеракции. Локальное взаимодействие никогда не является (1) изотопическим (не происходит только в данном месте), (2) синхронным (не происходит только в данное время), (3) синоптическим (параллельно действуют разные агенты), (4) гомогенным (состоит из акторов разного материального качества), (5) изобаричным (подвержено непредвиденным изменениям) [Латур 2014: 279–281]. Именно такая объёмность взаимодействия является площадкой для изучения социолога.

Третьим шагом должно быть соединение выводов, полученных в результате двух предыдущих шагов. При этом необходимо обращать внимание на пустоты между локальным и глобальным, которые акторы заполняют в процессе взаимодействия. Именно способ соединения и передвижения между масштабами, изначально не связанными между собой, и составляет процесс выстраивания ассоциаций, определяемых как социальное (предмет исследования социолога).

«Общество» и «Природа»: фикции?

Латур показывает, что неуловимым социальное сделало само существование идеи общества. Понятие «общество» традиционно смешивает два процесса — сборку коллектива и сборку политического тела.

Собирание коллектива происходит в результате равноценного вклада акторов в решение разногласий. Политическое тело (метафора, заимствованная у Фуко, который, в свою очередь, ссылается на теорию двух тел короля Э. Канторовича [Фуко 2018: 39]), напротив, очевидно воображаемая, сконструированная отдельной группой акторов идея с целью контролировать власть, заставить многих подчиняться одному. Тем не менее, чем больше говорят об обществе как политическом теле, тем больше оно воспринимается как уже сформировавшийся, само собой разумеющийся и предзаданный организм и лишает акторов возможности самостоятельно установить крепкие социальные связи. Политическая идея «готового» общества — «способ завуалировать стоящую задачу построения, изобразив, будто она уже полностью решена: общество здесь, у нас над головами» [Латур 2014: 234].

При этом идея общества выступает пресуппозицией во многих социальных исследованиях. Например, по мнению Латура, теории пропаганды Г. Лассуэлла и общественного мнения У. Липпмана лишают акторов агентности [Липпман 2004; Лассуэлл 2021], предполагая, что обычный человек не способен свободно ориентироваться в окружающем мире. Он живёт соответственно в своей «картине мира», ограниченной медиа и политическими системами, и систематически воспроизводит себя как малую часть политического. Согласно Латуре, такие структуры не могли бы функционировать без труда акторов по выстраиванию ассоциаций внутри них, а значит, эти и другие социальные теории не имеют должной доказательности.

Иными словами, с идеей общества Латур делает то же, что в STS сделали с идеей природы [Латур 2013а: 159–162]. Природа — такая же сборка, как и общество, и, по Латуре, конструируется в стенах естественно-научных лабораторий, то есть непосредственно связана с конкретными технологиями и обстоятельствами. «Общество» и «Природа» («Nature») — два собирательных понятия (коллектора), придуманных в XVII веке с возникновением национальных государств и существующих в постоянном антагонизме, чтобы упростить задачу политического манипулирования их гомогенными характеристиками [Латур 2014: 155].

Траектории АСТ: экономическая социология

Одной из следующих работ Латура после «Пересборки социального» стала совместная с В. Лепинэ книга «Наука страстного интереса: введение в экономическую антропологию Габриэля Тарда» [Latour, Lépinay 2009], которая начинается с фантазии о том, как изменилась бы социальная реальность, если бы влияние «Капитала» Карла Маркса досталось «Экономической психологии» Габриэля Тарда. Так, он иллюстрирует перформативный эффект, который оказывает развитие экономической науки на практику экономических отношений. Более того, Латур, считая Тарда основоположником акторно-сетевой теории [Латур 2014: 27–30], говорит о её эвристичности в экономико-социологических исследованиях. Критикуя подход своего современника Эмиля Дюркгейма, Тард предлагал проследить локальные связи, образующие общество, а не исходить из идеи общества, основываясь на количественных методах.

Идея предсуществующего общества прослеживается в новой экономической социологии, где доминирует парадигма укоренённости экономических отношений в социальной иерархичной структуре [Граветтер 2002]. Акторно-сетевая теория позиционируется как альтернатива этому подходу: «Что, если на самом деле нет никакой божественности, управляющей экономикой?» [Latour, Lépinay 2009: 5].

Социолог Дэвид Старк обратил внимание на продуктивность смены оптики, которую произвёл акторно-сетевой подход в STS [Старк 2001]. «Самой интересной» тенденцией в социальных науках, по его мнению, является перенаправление внимания с сетевого анализа организаций и институтов на локальные взаимодействия «человека с вещами, человека с идеями, это также связи идей с вещами», то есть речь идёт о более сложной структуре связей, несводимой к отношениями между людьми [Старк 2001: 9]. Следуя примеру STS в переходе от мертоновского институционализма к практикам контруирования научного знания, в книге «Смысл диссонанса: оценки ценности в хозяйственной жизни» Старк предлагает переход экономической социологии «от изучения институтов, в которых укоренена экономическая деятельность, к анализу самих практик оценивания и расчёта, совершаемых акторами в процессе работы» [Старк 2009: 65]. Первым шагом в этом направлении, по мнению Старка, стала совместная работа социолога Люка Болтански и экономиста Лорена Тевено «Критика и обоснование справедливости», опубликованная на языке оригинала в 1991 г. [Boltanski, Thévenot 1991; Болтански, Тевено 2013].

В их концепции рынка объект (товар или услуга) имеет активную функцию, так как способствует установлению связи между людьми, заинтересовывая их и вызывая желание приобретения. Совокупность желаний покупателей конструирует культурное определение блага, выражающееся в цене. Цена образуется в результате постоянного пересмотра путём «испытаний» (сделок, дел) с целью прийти к общему согласию [Болтански, Тевено 2013: 314–317]. Это также компромисс между группами с конфликтующими интересами: «Согласие должно достигаться в действии, в испытаниях действительностью, подразумевающих использование объектов, при помощи которых люди соизмеряют друг друга и определяют свои относительные достоинства» [Болтански, Тевено 2013: 48]. Модель рынка, таким образом, релятивизируется, представляя множество «миров», процесс создания которых и должен стать предметом исследования социологов.

Болтански и Тевено открыто признавали влияние Бруно Латура и Мишеля Каллона на свою теорию [Болтански, Тевено 2013: 50]. В следующей работе, написанной Болтански в соавторстве с Эв Кьяпелло «Новый дух капитализма» [Болтански, Кьяпелло 2011], развивается концепция капитализма как сетевого мира, что, однако, отдаляет её авторов от латурианства. Для них структура сети, в которой отсутствует центр, представляет собой новую форму капиталистического угнетения [Болтански, Кьяпелло 2011: 204]. Чтобы отделиться от подобного определения, Латур подчёркивает, что в слове *network* (сеть) важна именно часть *work*, то есть непрекращающаяся работа по развёртыванию сетей и выстраиванию связей, никогда не образующая фиксированную структуру [Латур 2014: 199–200]. Важно провести границу между АСТ и другими подходами, использующими метафорику сетей, такими как теория постиндустриального «сетевого общества» Мануэля Кастельса в исследованиях медиа [Кастельс 2000], метод сетевого анализа или концепция сети взаимодействий субъекта в экономической социологии Марка Грановеттера [Грановеттер 2009].

Болтански и Тевено приходят в своей теории к схожим с АСТ выводам, но не используют методологию АСТ напрямую. Впервые сочетание подхода АСТ и экономической социологии появляется в сборнике 1998 г. «Законы рынков» под редакцией Мишеля Каллона [Callon 1998] и означает прежде всего «перформативный поворот» в экономической социологии, который связан с переоценкой роли экономической науки в практике рыночных отношений. Как учёные-биологи не просто описывают, но создают природу (как показывает известный пример Латура с Луи Пастером), так и социологи непосредственно влияют на социальное. Согласно Каллону, экономическая реальность исходит из науки (знаний) об экономике в её разных проявлениях — от академических исследователей до маркетологов и бухгалтеров, которые не просто наблюдают за работой рынка, но конструируют и ограничивают его [Callon 1998: 23–25].

Как только актор встраивается в сеть рыночных взаимодействий, он приобретает калькулятивность — способность прогнозировать последствия от тех или иных действий на основании общих представлений об экономическом мире. Их решения фреймируются, с одной стороны, уникальным набором базовых экономических знаний, с другой, практическим опытом рыночных взаимодействий [Callon 1998: 3–9]. Например, такой подход даёт новую интерпретацию идее *homo economicus* (человек экономический). Под этим понятием подразумевается не историческая реальность и не человеческая природа, но сконструированная идентичность, которой актор наделяется при определённой конфигурации обстоятельств. Обратить внимание на *homo economicus* означает исследовать последствия, которые осведомлённость об этой концепции привносит в фактическое устройство рынка [Юдин³ 2008].

В своей последней на данный момент книге [2021], основанной на статье 2016 г., Мишель Каллон использует эту концепцию в основе способа концептуализации рынка как «рынок-устройство» (*market-agencement model*) [Callon 2016; 2021]. Ему противопоставляется традиционный «интерфейс-рынок» (*interface market model*). Каллон называет модель, при которой взаимодействие строится между покупателем и продавцом. При этом товары, которыми они обмениваются, воспринимаются как пассивные объекты, чья роль — быть поводом для сделок. Так появляются модели спроса–предложения, конкурентной среды и т. д. Однако данный подход не может объяснить, как эти процессы взаимосвязаны и перерастают в систематическое и бесконечное воспроизводство коммерческих операций [Callon 2021: 46–76].

«Рынок-устройство», напротив, представляет собой гетерогенный ассамбляж, который выходит за пределы бинарных отношений продавца–покупателя. В отличие от теории рынка, предложенного Болтански и Тевено, у Каллона акторами являются не товары, но упомянутые «рыночные ассоциации», включающие товары, алгоритмы, оборудование, технические устройства, что позволяет выйти из дихотомии «агентность — структура». Каллон полагает, что продукт должен восприниматься как *процесс*, потому что он находится в постоянном изменении, проходя через стадии дизайна, производства, ценообразования, технологических инноваций и т. д. [Callon 2021: 54]. Вокруг уникального товара организуется «двусторонняя сделка» (*bilateral transaction*) — с одним конкретным продавцом, одним конкретным товаром, одним конкретным покупателем. При этом никакая двусторонняя сделка не идентична другой, что стимулирует конкуренцию за каждую в отдельности. Если для модели интерфейс-рынка монополия — это отсутствие конкуренции, то в теории Каллона она — как ситуация однородности условий сделок — самая выраженная форма конкуренции, требующая наиболее интенсивной инновационности и сингуляризации товара [Callon 2021: 50]. Инновационность понимается как постоянная актуализация товара с целью поддержания интереса и активного участия покупателя в коммерческих операциях. Так, товары приобретают агентность, а модель агентного устройства оказывается более адаптированной для объяснения современных изменений рынка в эпоху диджитализации благ и платформенной экономики.

Помимо «перформативного поворота», акторно-сетевая теория связана с «прагматическим поворотом», придающим агентность материальным акторам рынка. Эти два направления получили продуктивное продолжение в исследованиях других социологов. Можно отметить две программные работы, в которых эти положения получили продуктивное продолжение, задав траектории взаимодействия АСТ и экономической социологии: сборники «Создают ли экономисты рынки?» [MacKenzie, Muniesa, Siu 2008] и «Рыночные устройства» [Callon, Millo, Muniesa 2007].

Сборник «Создают ли экономисты рынки?» исследует дискурсивное формирование рынков через понятие «перформативность» на примере разных кейсов — рынков продажи углерода, обмена ценными бумагами, аукционов ТВ-частот и т. д. В этом сборнике получает развитие новая область социаль-

³ Признан иностранным агентом.

ных исследований финансов (Social Studies of Finance, SSF). О социальных исследованиях финансов журнал «Экономическая социология» писал на примере исследования Кора Чалишкана глобального рынка хлопка [Конрой 2015]. Один из редакторов сборника — Дональд Маккензи в книге, положившей начало SSF, определяет эту область как исследование «техничности финансовых рынков», обозначая укоренённость финансовых отношений не только в культурных, политических и персональных контекстах, которые традиционно интересуют экономических социологов, но и в технологическом [MacKenzie 2006: 25]. SSF анализируют то, как материальные условия направляют финансовую деятельность акторов, для чего и необходим вокабуляр АСТ [Pinch, Swedberg 2008].

Распространившись на волне финансового кризиса, SSF становятся всё более актуальным направлением экономической социологии, позволяя улавливать трансформации рынка под воздействием технологических инноваций. Так, свежее исследование Маккензи посвящено технологии высокочастотного трейдинга (High Frequency Trading, HFT) на рынках ценных бумаг, которая сокращает время торговли до наносекунд и порождает гонку алгоритмов за новыми стратегиями управления глобальными финансами [MacKenzie 2023]. Также вместе с Кореем Чалишканом и Шарлоттой Роммерскирхен Маккензи анализирует роль алгоритма *header bidding*, то есть автоматизированного аукциона, децентрализующего рынок онлайн-рекламы в противовес монополистическим алгоритмам Google [MacKenzie, Çalişkan, Rommerskirchen 2023]. На этих примерах ярко видна агентность новых технологий, меняющая социальные практики взаимодействия на экономических рынках.

В своей статье сборника «Создают ли экономисты рынки?» Мишель Каллон обсуждает термин *agencement* — труднопереводимое французское слово, которое означает «устройства (*arrangements*), наделённые способностью действовать разными способами в зависимости от их конфигурации» [MacKenzie, Muniesa, Siu 2008: 320]. Он заимствует из STS понятие «социотехнические устройства» (*sociotechnical agencements*), которое становится пресуппозицией SSF. Самым простым примером социотехнического устройства является человек, оснащённый финансовым калькулятором, который действует иначе и более рационально, чем человек без него [MacKenzie 2009: 23]. Перформативность социотехнических устройств обусловлена их агентностью в производстве и перепроизводстве значений, отвечая на изменения экономической науки, а именно экономических формул. Согласно Каллону, реальность трансформируется под воздействием формул, а не наоборот. Финансовый кризис — это кризис формулы. Выход из кризиса возможен через изменение формулы, а оно, в свою очередь, реализуется через изменение конфигураций социотехнических ассоциаций: «Можно сказать, что формула стала истинной, но предпочтительнее сказать, что мир, который она предполагает, стал актуальным» [MacKenzie, Muniesa, Siu 2008: 320–321]. Процесс актуализации формулы представляет собой конструирование экономической реальности путём постепенной взаимной настройки социотехнических устройств и формул.

В качестве инструмента анализа термин «социотехнические устройства», взятый из АСТ, преобразовывается в экономической социологии в понятие «рыночные устройства». В одноименном сборнике 2007 г. авторы определяют их как «материальные и дискурсивные ассамбляжи, которые участвуют в конструировании рынков» [Callon, Millo, Muniesa 2007: 2]. К 2021 г., как утверждает голландский социолог Олаф Вельтус, количество упоминаний рыночных устройств в академических статьях на Google Scholar превысило 2000, что демонстрирует мощный теоретический импульс, который оказал этот язык описания рынков на новые экономико-социологические исследования, образовав субдисциплину [Velthuis 2021].

Дэвид Старк, предсказавший ещё в 2001 г. потенциал АСТ [Старк 2001], в интервью 2010 г. отмечал, что концепция рыночных устройств может получить развитие в сочетании с другими экономико-социологическими подходами [Старк 2010: 11–12]. Например, для анализа темных пулов ликвидности,

использующих автоматизированные компьютерные системы для скрытой торговли, Маккензи предлагает совмещение теоретических оптик акторно-сетевой теории и теории полей Пьера Бурдьё, развитой Нилом Флигстином [MacKenzie 2019]. Сам Флигстин критикует Каллона за генерализацию концепции перформативности: по его мнению, наука является не более чем одним из факторов, оказывающих влияние на экономические отношения, так как невозможно приравнять осведомлённость о финансовых инструментах к их использованию. В реальности реализации знаний в действии часто мешают доминирующие игроки поля [Флигстин 2010: 9]. Тем не менее такое методологическое сочетание позволяет воспринимать акторов как гетерогенные социотехнические ассоциации и в то же время показать их структурную зависимость от других акторов, таких как государство и право.

Понятие «рыночные устройства» получает специфичную форму оценочных устройств (*valuation devices*) в новой области экономической социологии, адаптировавшей стратегию АСТ, — в социологии оценивания (*Sociology of Valuation*). В противовес понятию «ценность» как константной характеристики товара (*value*) оценивание понимается как совокупность процессов и практик установления цены в формулах, документах, бизнес-планах, обсуждениях на конференциях и т. д. [Doganova 2019: 258–259]. Так, становится возможным описать существование рынка в его повседневной динамике, когда цена «устанавливается, оценивается, обсуждается, провоцируется, поддерживается, конструируется и (или) оспаривается» [Doganova et al. 2014: 87]. Сейчас социология оценивания в основном развивается на площадке журнала «*Valuation Studies*», в котором публикуются её основные представители — Лилиана Доганова, Фабиан Муньеса и др.

Таким образом, методология акторно-сетевой теории распространилась за пределами STS, став концептуальным инструментом экономической социологии и, в частности, исследований финансов. Учитывая множественность трансформаций акторно-сетевой теории, книга «Пересборка социального» существенна прежде всего критикой консервативности социологии социального. Релятивистский подход АСТ необходим в ускоряющемся мире, чтобы наиболее приближённо к реальности оценивать социальные изменения. Невозможно объяснить современное социальное, на которое неизбежно повлияли уникальные технологические, общественные, политические трансформации, через концепции, созданные в совершенно других исторических обстоятельствах. Пожалуй, в этом главный научный вклад данной работы Латура: она поставила под сомнение самые базовые принципы социологии, заставив исследователей критически пересмотреть то, что ранее казалось само собой разумеющимся, причём в самых разных областях социальной науки.

Литература

Блур Д. 2002. Сильная программа в социологии знания. *Логос*. 5/6: 162–185.

Блур Д. 2017. Анти-Латур. *Логос*. 27 (1): 85–134.

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.

Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение.

Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-3/26593518.html>

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей. *Экономическая социология*. 10 (4): 31–50. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-4/26591138.html>

- Жэнгра И. 2017. *Социология науки*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Каллон М. 2017. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё. *Логос*. 27 (2): 49–94.
- Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Климанова А. 2015. Париж — незримый город: опыт аналитической рецензии. *Логос*. 25 (5): 217–221.
- Конрой Н. В. 2015. Где находится глобальный рынок? Рецензия на книгу: Çalışkan K. 2010. *Market Threads: How Cotton Farmers and Traders Create a Global Commodity*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 230 p. *Экономическая социология*. 16 (5): 102–110. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2015-16-5/167101783.html>
- Лассуэлл Г. 2021. *Техника пропаганды в мировой войне*. М.: ИНИОН РАН.
- Латур Б. 2006. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. 2013а. *Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. 2013b. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию. *Экономическая социология*. 14 (2): 73–87. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2013/04/05/1294839705/ecsoc_t14_n2.pdf#page=73
- Латур Б. 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом ВШЭ (Серия «Социальная теория»).
- Латур Б. 2017. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура. *Логос*. 27 (1): 135–160.
- Латур Б. 2018. *Политики природы. Как привить наукам демократию*. М.: Ad Marginem Press.
- Латур Б. 2019. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Липпман У. 2004. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Старк Д. 2001. Интервью. *Экономическая социология*. 2 (5): 6–14. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5/26591287.html>
- Старк Д. 2009. Гетерархия: организация диссонанса. *Экономическая социология*. 10 (1): 57–89. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1/26592321.html>
- Старк Д. 2010. Интервью с Дэвидом Старком: «Одним из самых увлекательных процессов является соединение американского сетевого анализа и французской акторно-сетевой теории». *Экономическая социология*. 11 (5): 8–18. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-5/26595831.html>
- Флигстин Н. 2010. Интервью с Нилом Флигстином: «Многие исследователи начали активно интересоваться происхождением рынков...». *Экономическая социология*. 11 (1): 7–16. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595668.html>

- Фуко М. 2018. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem Press.
- Харауэй Д. 2022. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимущество частичной перспективы. *Логос*. 32 (1): 237–271.
- Юдин Г. Б.* 2008. Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 11 (4): 47–58.
- Blok A., Fariás I. 2017. STS in the City. In: Felt U. et al. (eds). *The Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edn. Cambridge: The MIT Press; 555–582.
- Boltanski L. 2023. Bruno Latour, When We Were Young. *Socio-Economic Review*. 21 (2): 1247–1255.
- Boltanski L., Thévenot L. 1991. *De La Justification. Les Economies de la Grandeur*. Paris: Gallimard.
- Callon M. 1998. Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics. In: Callon M. (ed.) *The Laws of the Markets*. Oxford: Blackwell; 1–57.
- Callon M. 2016. Revisiting Marketization: From Interface-Markets to Market-Agements. *Consumption Markets & Culture*. 19 (1): 17–37.
- Callon M. 2021. *Markets in the Making: Rethinking Competition, Goods, and Innovation*. New York: Zone Books.
- Callon M., Millo Y., Muniesa F. (eds) 2007. *Market Devices*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Carter C. 2018. *Metafilm: Materialist Rhetoric and Reflexive Cinema*. Columbus: Ohio State University Press.
- Doganova L. 2019. What is the Value of ANT Research into Economic Valuation Devices? In: Blok A., Fariás I., Roberts C. (eds) *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*. New York; London: Routledge; 256–263.
- Doganova L. et al. 2014. Valuation Studies and the Critique of Valuation. *Valuation Studies*. 2 (2): 87–96.
- Felt U. et al. (eds). 2017. *The Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edn. Cambridge: The MIT Press.
- Hennion A. 2015. *The Passion for Music: A Sociology of Mediation*. Adlershot: Ashgate.
- Latour B. 2005. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York: Oxford University Press.
- Latour B. 2018. *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B., Hermant E. 1998. *Paris Ville Invisible*. Le Plessis-Robinson: Institut Synthélabo pour le Progrès de la Connaissance.

* Признан иностранным агентом.

- Latour B., Lépinay V. A. 2009. *The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde's Economic Anthropology*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Latour B., Woolgar S. 1979. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. Los Angeles: Sage Publications.
- Latour B., Woolgar S. 1987. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. 2nd edn. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Law J. 2008. Actor Network Theory and Material Semiotics. In: Turner B. (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. London: Wiley-Blackwell; 141–158.
- Law J. 2017. STS as Method. In: Felt U. et al. (eds). 2017. *The Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edn. Cambridge: The MIT Press; 31–58.
- Law J., Lin W. 2017. Provincializing STS: Postcoloniality, Symmetry, and Method. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*. 11 (2): 211–227.
- MacKenzie D. 2006. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge: The MIT Press.
- MacKenzie D. 2009. *Material Markets: How Economic Agents Are Constructed*. Oxford: Oxford University Press.
- MacKenzie D. 2019. Market Devices and Structural Dependency: The Origins and Development of 'Dark Pools'. *Finance and Society*. 5 (1): 1–19.
- MacKenzie D. 2023. *Trading at the Speed of Light: How Ultrafast Algorithms Are Transforming Financial Markets*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- MacKenzie D., Çalışkan K., Rommerskirchen C. 2023. The Longest Second: Header Bidding and the Material Politics of Online Advertising. *Economy and Society*. 52 (3): 554–578.
- MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds) 2008. *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pinch T., Swedberg R. 2008. *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies*. Cambridge: The MIT Press.
- Stilgoe J., Guston D. H. 2017. Responsible Research and Innovation. In: Felt U. et al. (eds) *The Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edn. Cambridge: The MIT Press; 853–880.
- Velthuis O. 2021. Market Devices. In: Bowen J. R. (eds) *Pragmatic Inquiry: Critical Concepts for Social Sciences*. New York; London: Routledge; 80–93.
- Zammito J. H. 2004. *A Nice Derangement of Epistemes: Post-positivism in the Study of Science from Quine to Latour*. Chicago; London: University of Chicago Press.

DEBUT STUDIES

Vera Potapova

Reassembling Economic Sociology: Methodological Traces of Actor-Network Theory

POTAPOVA, Vera — Bachelor in Media Communications; Research Assistant, Faculty of Creative Industries, HSE University. Address: 2/8, Hitrovskiy per., 109028, Moscow, Russian Federation.

Email: vapotapova@edu.hse.ru

Abstract

Actor-network theory (ANT), originating as a methodology within Science and Technology Studies (STS), has provided a new theoretical impetus to other fields of social sciences in the 21st century. It has significantly influenced contemporary economic sociology, as well as urban studies, sociology of art and culture. In the first part of the article, the author traces the genesis of the ideas of actor-network theory developed by the French sociologist Bruno Latour as described in his *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. In contrast to conventional critical sociology which adjusts social interactions under overarching theory, the

sociology of associations closely examines actors' autonomous contributions to organising human and non-human assemblages. Following the structure of the book, the author describes the uncertainties faced by the sociologist and the subsequent steps to overcome them which altogether form the methodological approach of actor-network theory. The second part of the article provides an overview of contemporary works in the field of economic sociology that incorporate the theoretical insights of ANT's. It includes Michel Callon's perspective on the performative effect of economics as well as his heuristic concept of 'market devices.' Consequently, the article discusses ANT's impact on the research of markets material conditions developed by economic sociologists Donald MacKenzie, Fabian Muniesa and others within the emerging domains of Social Studies of Finance and Sociology of Valuation.

Keywords: actor-network theory; Bruno Latour; Michel Callon; science and technology studies; market devices; social studies of finance; sociology of valuation.

References

- Blok A., Fariás I. (2017) STS in the City. *The Handbook of Science and Technology Studies* (eds. U. Felt, R. Fouche, C. A. Miller, L. Smith-Doerr), 4th edn, Cambridge: The MIT Press, pp. 555–582.
- Bloor D. (2002) Sil'naya programma v sotsiologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos*, no 5/6, pp. 162–185 (in Russian).
- Bloor D. (2017) Anti-Latur [Anti-Latour]. *Logos*, vol. 27, no 1, pp. 85–134 (in Russian).
- Boltanski L. (2023) Bruno Latour, When We Were Young. *Socio-Economic Review*, vol. 21, no 2, pp. 1247–1255.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism], Moscow: New Literary Review Publishing House (in Russian).
- Boltanski L., Thévenot L. (1991) *De La Justification. Les Economies de la Grandeur* [On Justification. The Economics of Worth], Paris: Gallimard (in French).

- Boltanski L., Thévenot L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Ocherki sostiologii gradov* [Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds], Moscow: New Literary Review Publishing House (in Russian).
- Callon M. (1998) Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics. *The Laws of the Markets* (ed. M. Callon), Oxford: Blackwell, pp. 1–57.
- Callon M. (2016) Revisiting Marketization: From Interface-Markets to Market-Agements. *Consumption Markets & Culture*, vol. 19, no 1, pp. 17–37.
- Callon M. (2017) Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: priruchenie morskikh grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Briyo [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Briec Bay]. *Logos*, vol. 27, no 2, pp. 49–94 (in Russian).
- Callon M. (2021) *Markets in the Making: Rethinking Competition, Goods, and Innovation*, New York: Zone Books.
- Callon M., Millo Y., Muniesa F. (eds.) (2007) *Market Devices*, Oxford: Blackwell Publishing.
- Carter C. (2018) *Metafilm: Materialist Rhetoric and Reflexive Cinema*, Columbus: Ohio State University Press.
- Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Conroy N. (2015) Gde nakhoditsya global'nyy rynek? Retsenziya na knigu: Çalışkan K. 2010. Market Threads: How Cotton Farmers and Traders Create a Global Commodity. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 230 p. [Where the Global Market Is. Book Review: Çalışkan K. (2010) Market Threads: How Cotton Farmers and Traders Create a Global Commodity, Princeton: Oxford: Princeton University Press. 230 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 5, pp. 102–110. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2015-16-5/167101783.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Doganova L. (2019) What is the Value of ANT Research Into Economic Valuation Devices? *The Routledge Companion to Actor-Network Theory* (eds. A. Blok, I. Fariás C. Roberts), New York; London: Routledge, pp. 256–263.
- Doganova L., Giraudeau M., Helgesson C.-F., Kjellberg H., Lee F., Mallard A., Mennicken A., Muniesa F., Sjögren E., Zuiderent-Jerak T. (2014) Valuation Studies and the Critique of Valuation. *Valuation Studies*, vol. 2, no 2, pp. 87–96.
- Felt U., Fouche R., Miller C. A., Smith-Doerr L. (eds) (2017) *The Handbook of Science and Technology Studies*, 4th edn., Cambridge: The MIT Press.
- Fligstein N. (2010) Interv'yu s Nilom Fligstinom: «Mnogie issledovateli nachali aktivno interesovat'sya proiskhozhdeniem rynkov...» [Interview with Professor Neil Fligstein: «Researchers Have Got Interested in Origination of Markets»]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 1, pp. 7–16. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595668.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).

- Foucault M. (2018) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Gingras I. (2017) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of Science], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoe deystvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenyonosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-3/26593518.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Granovetter M. (2009) Sila slabykh svyazey [The Strength of Weak Ties]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 31–50. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-4/26591138.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Haraway D. (2022) Situativnye znaniya: vopros o nauke v pheminizme i preimushchestvo chastichnoy perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos*, vol. 32, no 2, pp. 237–271 (in Russian).
- Hennion A. (2015) *The Passion for Music: A Sociology of Mediation*, Adlershot: Ashgate.
- Klimanova A. (2015) Parizh — nezrimyy gorod: opyt analiticheskoy retsenzii [Paris: The Invisible City. An Analytical Review]. *Logos*, vol. 25, no 5, pp. 217–221 (in Russian).
- Lasswell H. (2021) *Tekhnika propagandy v mirovoy voyne* [Propaganda Technique in the World War], Moscow, INION RAN (in Russian).
- Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays on Symmetric Anthropology], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Latour B. (2013a) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Latour B. (2013b) Peresobiraya sotsial'noe. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 2, pp. 73–87. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2013/04/05/1294839705/ecsoc_t14_n2.pdf#page=73 (accessed 29 December 2023) (in Russian).
- Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Latour B. (2017) Devidu Bluru... i ne tol'ko: otvet na “Anti-Latur” Devida Blura [For David Bloor... and Beyond: A Reply to David Bloor's ‘Anti-Latour’]. *Logos*, vol. 27, no 1, pp. 135–160 (in Russian).
- Latour B. (2018a) *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2018b) *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

- Latour B. (2019) *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientatsii* [Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Latour B., Hermant E. (1998) *Paris Ville Invisible*, Le Plessis-Robinson: Institut Synthélabo pour le Progrès de la Connaissance.
- Latour B., Lépinay V. A. (2009) *The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde's Economic Anthropology*, Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Latour B., Woolgar S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*, Los Angeles: Sage Publications.
- Latour B., Woolgar S. (1987) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, 2nd edn., Princeton: Princeton University Press.
- Law J. (2008) Actor Network Theory and Material Semiotics. *The New Blackwell Companion to Social Theory* (ed. B. Turner), London: Wiley-Blackwell, pp. 141–158.
- Law J. (2017) STS as Method. *The Handbook of Science and Technology Studies* (eds. U. Felt, R. Fouche, C. A. Miller, L. Smith-Doerr), 4th edn., Cambridge, MA: The MIT Press, pp. 31–58.
- Law J., Lin W. (2017) Provincializing STS: Postcoloniality, Symmetry, and Method. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*, vol. 11, no 2, pp. 211–227.
- Lippmann W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion], Moscow, Institute of Public Opinion Foundation = Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» (in Russian).
- MacKenzie D. (2006) *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- MacKenzie D. (2009) *Material Markets: How Economic Agents Are Constructed*, Oxford: Oxford University Press.
- MacKenzie D. (2019) Market Devices and Structural Dependency: The Origins and Development of 'Dark Pools'. *Finance and Society*, vol. 5, no 1, pp. 1–19.
- MacKenzie D. (2023) *Trading at the Speed of Light: How Ultrafast Algorithms Are Transforming Financial Markets*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- MacKenzie D., Çalışkan K., Rommerskirchen C. (2023) The Longest Second: Header Bidding and the Material Politics of Online Advertising. *Economy and Society*, vol. 52, no 3, pp. 554–578.
- MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds) (2008) *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pinch T., Swedberg R. (2008) *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies*, Cambridge, MA: The MIT Press.

- Stark D. (2001) Interv'yu [Interview]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 2, no 5, pp. 6–14. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5/26591287.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Stark D. (2009) Geterarhiya: organizaciya dissonansa [Heterarchy: The Organization of Dissonance]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 1, pp. 57–89. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1/26592321.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Stark D. (2010) Interv'yu s Devidom Starkom: «Odnim iz samykh uvlekatel'nykh protsessov yavlyaetsya soedinenie amerikanskogo setevogo analiza i phrantsuzskoy aktorno-setevoy teorii» [Interview with David Stark: «One of the Most Exciting Developments is Where American Social Network Analysis meets French Actor Network Theory»]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 5, pp. 8–18. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-5/26595831.html> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Stilgoe J., Guston D. H. (2017) Responsible Research and Innovation. *The Handbook of Science and Technology Studies* (eds. U. Felt, R. Fouche, C. A. Miller, L. Smith-Doerr), 4th edn., Cambridge, MA: The MIT Press, pp. 853–880.
- Velthuis O. (2021) Market Devices. *Pragmatic Inquiry: Critical Concepts for Social Sciences* (eds. J. R. Bowen, N. Dodier, J. W. Duyvendak, A. Hardon), New York; London: Routledge, pp. 80–93.
- Yudin G.* (2008) Performativnost' v deystvii: ekonomika kachestv M. Kallona kak paradigma sotsiologicheskogo analiza rynkov [Performativity in Action: Michel Callon's Economy of Qualities as a Research Paradigm for Sociological Analysis of Markets]. *Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 11, no 4, pp. 47–58 (in Russian).
- Zammito J. H. (2004) *A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour*, Chicago; London: University of Chicago Press.

Received: July 24, 2023

Citation: Potapova V. Peresborka ekonomicheskoy sotsiologii: metodologicheskie sledy aktorno-setevoy teorii [Reassembling Economic Sociology: Methodological Traces of Actor-Network Theory]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 117–136. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-117-136](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-117-136)

* Признан иностранным агентом.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

П. П. Лисицын, А. В. Резаев, А. М. Степанов

Поиски равновесного состояния в миграционной теории¹

ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: fox_sociology@mail.ru

В настоящей статье авторы предлагают рассмотреть, как принципы неоклассического подхода, превращённые в метатеоретические основания, меняли исследования миграции. Также предпринята попытка дать оценку степени влияния этих изменений на теорию и практику миграционных исследований. Анализ трудов учёных, часто характеризуемых как представителей «экономического» и «неоклассического» направлений, призван проверить распространённый в критических работах по миграции тезис, согласно которому теориям миграции присущи фрагментарность и противоречивость. В частности, в статье рассматривается, действительно ли переход от классического подхода в исследованиях миграции заложил основу для непреодолимых противоречий между миграционными теориями далёкого прошлого (конец XIX и начало XX веков), недавнего времени (середина и конец XX века), а также настоящего (XXI век).

Представленный анализ включает работы А. Льюиса, Д. Харриса и М. Тодаро, В. Зелинского, М. Пиоре, О. Старка и Д. Блума. Ключевыми вопросами обзора станут следующие: существует ли связь между работами настоящих авторов и их предшественников; какой вклад внесли анализируемые исследования в современное восприятие миграции; что послужило двигателем миграционных исследований этого периода, характеризуемого большинством критиков в качестве прорывного (и действительно ли он является таковым). Авторов обзора интересует, отличает ли что-то так называемый экономический этап исследований миграции, работы представителей которого представлены в анализе, от других исторических этапов исследования миграции. Кроме того, настоящий анализ предлагает оценку актуальности результатов исследований миграции конца XX века для сегодняшнего дня.

Ключевые слова: теория миграции; миграционные исследования; неоклассическая экономика; новая экономика миграции; демографические исследования; данные; методы исследования; метатеория.

Введение: постановка проблемы

Миграция сопровождает человечество на всём протяжении его существования, однако история её изучения не так стара, как могла бы быть. Появившись как инструмент расширения ареала обитания первых людей, миграция стала спутником любой трансформации в общественных отношениях,

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00467 (<https://rscf.ru/project/24-28-00467/>).

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — профессор, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, руководитель Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: rezaev@hotmail.com

СТЕПАНОВ Александр Михайлович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: 9160001@inbox.ru

начиная с возникновения примитивных типов хозяйственной деятельности и заканчивая сложными системами современных транснациональных корпораций. Её история — это история войн и торговли, развития науки и образования, искусства и культуры, распространения губительных эпидемий и спасительных религий. Сопутствуя общественным процессам, миграция воспринималась одновременно и как следствие модернизации [Zelinsky 1971: 222], и как её причина [Lewis 1956]. Известны даже попытки представить всю человеческую историю как этапы физической мобильности, где первый — это «вселенная до современных традиционных сообществ» («The universe of premodern, traditional communities») [Zelinsky 1971: 234], а последний — период равновесного состояния, «соответствующий оптимальной экономической отдаче» («An optimum economic return») [Zelinsky 1971: 245].

Первая попытка научного осмысления миграции появляется только в 1885 г. [Ravenstein 1885], что существенно позже времени возникновения в конце XVIII и начале XIX веков первых исследований капитала и богатства [Смит 2007], конкуренции и прибыли [Ricardo 1815] и прочих общественных процессов, связанных с модернизацией. Ранние исследования (во многом инициированные уникальными изменениями, произошедшими вследствие Промышленной революции XVIII века) оставляли без внимания миграционные процессы, как, с одной стороны, понятные и универсальные (то есть существовавшие и до Промышленной революции), а с другой, требующие доступа к большим объёмам разрозненных данных, который в значительной степени был ограничен.

При этом миграционные исследования (а их история укладывается всего в 140 лет) подвергаются существенной критике, в основе которой лежат тяжёлые обвинения в противоречивости и фрагментарности выделяемых результатов.

Во многом такое восприятие противоречий восходит к метатеоретическим изменениям. Развитию миграционных теорий в разные периоды времени сопутствовали новые повороты в общественных науках, напрямую не связанные с миграционными процессами. Тем не менее они задавали общее направление исследовательской моде [Kwa 2011]. Эту моду можно было бы, вслед за Д. К. Гэлбрейтом, назвать общепринятой мудростью [Galbraith 1958], ориентируясь на А. Грамши — здравым смыслом [Gramsci 1971], а используя терминологию Т. Парсонса — метатеорией [Parsons 1979]. Между этими определениями существует множество различий, однако для настоящего текста важна их общая черта: все они описывают «что-то настолько очевидное, что с этим даже не нужно спорить» [Castles 2009: 2]. Однако эта бесспорность всегда ограничена во времени [Yurchak 2006].

Подходящие примеры легко можно найти и в общественном, и в научном пространстве. Для научного пространства примерами могут служить доминирующие в разное время принципы человеческого поведения, часто предполагавшие диаметрально противоположные суждения. Кардиналь-

ное изменение в восприятии принципов, положенных в том числе в основу исследований миграции, приводило, в свою очередь, к противоречиям уже внутри миграционных теорий.

Сегодня можно выделить ряд подобных метатеоретических поворотов, существенно менявших исследовательские представления о миграции. К ним можно отнести (но не ограничиваться ими) следующие: изменения, произошедшие (и происходящие до сих пор) в оценке места человека в социальной структуре [Connell 1997; Heath 2020]; смену принципов методологического национализма на аналитические принципы глобальности [Wimmer, Glick Shiller 2002: 301; Glick Shiller 2023]; изменения в восприятии современности [Portes 1973: 252] и др. К числу таких поворотов также относится переход от классического подхода к неоклассическому.

Ко второй половине XX века неоклассическая теория выходит за рамки экономической дисциплины. Превратившись в метатеоретическое основание для большого круга учёных, она предлагает замену принципам классической экономики, господствовавшим два предыдущих столетия. Неоклассики скорректировали общие представления о равновесном состоянии социальных систем как основе общественного блага, переосмыслили роль государственного регулятора в его достижении, предложили принцип предельной полезности и ввели допущения к постулатам невмешательства (*laissez-faire*).

В результате этих изменений миграция перестала рассматриваться как автономный феномен. Исследователи начали видеть в ней комплексный процесс, зависящий от общего состояния системы капиталистической экономики. Этот поворот в восприятии миграции научным сообществом заложил фундамент для критики фрагментарности [Arango 2010], а иногда и противоречивости миграционных теорий разных периодов.

В настоящей статье предлагается рассмотреть, как принципы неоклассического подхода, превращённые в метатеоретические основания, меняли исследования миграции. Сфокусировав свой анализ на работах исследователей, часто характеризующихся как представителей экономического или неоклассического направления, попытаемся проверить, действительно ли смена классического подхода на неоклассический в изучении миграции заложила основу для непреодолимых противоречий между миграционными исследованиями и теориями далёкого прошлого (конец XIX и начало XX веков), недавнего времени (середина — конец XX века) и настоящего (XXI век).

В анализ были включены работы А. Льюиса, Д. Харриса и М. Тодаро, В. Зелинского, М. Пиоре, О. Старка и Д. Блума, а в качестве ключевых вопросов выделены следующие:

- Существует ли связь между работами упомянутых авторов и их предшественниками?
- Какой вклад внесли анализируемые исследования в современное восприятие миграции?
- Что послужило двигателем миграционных исследований второй половины XX века, характеризующихся большинством в качестве прорывных (и действительно ли они являются таковыми)?
- Отличает ли что-то так называемый экономический этап исследований миграции (работы представителей которого и включены в анализ) от других исторических этапов ее исследования?

Основа критического анализа миграционных теорий

Современных авторов, анализирующих миграционные теории, объединяет два критических тезиса. Представленные в двух наиболее цитируемых текстах, посвящённых критическому анализу мигра-

ционных теорий [Massey et al. 1993; Arango 2010], неоднократно повторенные (см.: [Адедиран 2015; Абылкаликов, Винник 2012] и др.), а в некоторых случаях и дополненные [Portes 2010], они создали общее ощущение противоречивости и несопоставимости различных миграционных данных и миграционных теорий, вплоть до сегодняшнего дня существенно мешающее фундаментальному и прикладному анализу миграционных процессов.

Первый тезис заключается в том, что «теоретизирования о миграции не являются цепочкой последовательных открытий <...> а представляют собой не связанные между собой утверждения» [Arango 2010: 283]. Это замечание о присущей теориям фрагментарности основывается на восприятии значимых миграционных исследований как узкодисциплинарных. Типичным в этом контексте выглядит утверждение Р. Кинга и Р. Скелдона, которые, характеризуя попытки анализа миграционных процессов, писали: «Изучение миграции всегда было разделено по дисциплинам между демографами, географами и экономистами <...> и это деление вызывает фрагментарность ее восприятия» [King, Skeldon 2010: 1631].

Второй критический тезис заключается в том, что начальный период изучения миграции, насчитывающий около 80 лет (1895–1960-е гг.) не добавляет знаний о миграции (из-за попыток построить всеобъемлющую теорию [Pryor 1981: 128]), но, как лаконично сформулировал Дж. Аранго, «в настоящее время представляет исторический интерес» [Arango 2010: 283].

Для нашего анализа необходимо пристальнее взглянуть на эти два тезиса Во-первых, начальный период исследования миграции, выделенный Дж. Аранго, отличается от последовавших за ним этапов не столько осуждаемая сегодня верность принципам социальной физики и попытка глобальных обобщений (сохранившаяся до сих пор), сколько редкое для современности восприятие миграции как самостоятельного и автономного феномена. Попытки осмысления миграции, начавшиеся с работ Э. Равенштайна [Ravenstein 1876] и обобщенные в труде Э. Ли [Lee 1966], восходили к базовому вопросу У. Фарра² о существовании каких-либо закономерностей в миграционных процессах [Ravenstein 1885] и в качестве цели преследовали поиск этих внутренних закономерностей. Позже изучение миграции, начавшееся с работ нобелевского лауреата А. Льюиса [Lewis 1956] и включавшее исследования М. Тодаро и Дж. Харриса [Harris, Todaro 1970], В. Зелинского [Zelinsky 1971] и М. Пиоре [Piore 1979], О. Старка и Д. Блума [Stark, Bloom 1985], представляли миграцию, основываясь на популярных в то время принципах неоклассической экономики, уже не автономным, а комплексным процессом, зависимым от общего состояния глобальной системы либеральной (капиталистической) экономики. Это комплексное восприятие миграции превалирует в исследованиях и сегодня, что сближает современных авторов с авторами второй половины XX века и отдаляет их от авторов начального периода. Однако это вовсе не означает, что исследования Э. Равенштайна [Ravenstein 1876; 1885; 1889], С. Стауффера [Stouffer 1940], Дж. Зипфа [Zipf 1949] или теория Э. Ли [Lee 1966] бесполезны для построения современных теорий. Именно первые 80 лет изучения миграции позволили сформулировать основные вопросы, актуальные и сегодня: как отличить мигранта от немигранта? Являются ли мигранты социальной группой? Существуют ли стратегии миграционного поведения? Как принимающее сообщество реагирует на мигрантов (см.: [Лисицын, Орлова, Степанов 2022; Лисицын, Степанов 2022] и др.)?

Во-вторых, утверждение, что миграционные теории разделены по дисциплинам между демографами, географами, экономистами, антропологами и др. и, как следствие этого, фрагментированы, также неоднозначно. Это ощущение фрагментарности возникает из-за того, что анализу миграционных процессов в разные периоды времени сопутствовали новые повороты в общественных науках, напрямую не связанные с исследованиями миграции, но задающие исследовательскую моду и в целом влияющие

² Фарр Уильям (*Farr William*; 1807–1883) — британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

на исследовательские стили [Kwa 2011]. Например, сильное влияние на авторов начального этапа исследований миграции оказывали представления Т. Мальтуса [Malthus 1798], ассоциированные с демографической наукой; принципы маржинализма [Marshall 1922] и кейнсианства [Кейнс 2007], появившиеся в экономике, — на авторов середины XX века; традиция социального конструктивизма [Berger, Luckmann 1966] — на период конца XX века. Однако исследовательские стили и присущая конкретному периоду мода автоматически не заключают работы всех авторов в дисциплинарные рамки того направления, в котором эта мода родилась.

Более того, анализ миграционных теорий демонстрирует, что их развитию от начала и до сегодняшнего дня способствовали изменения, происходившие в двух по определению адисциплинарных полях — в области методик исследования, а также в характере и объёме данных. Например, развитие методов качественного антропологического анализа позволило к концу XX века включать в исследования миграции данные о субъективных смыслах, присущих миграционному поведению, а также о повседневных практиках мигрантов. Развитие экономической статистики в середине XX века позволило расширить спектр доступных для анализа данных по сравнению с начальным периодом исследования миграции, где в основном использовались материалы переписей населения. Однако появившиеся новые методики и новые данные не заменяли собой старые, но дополняли их³.

Подвергнув сомнению дисциплинарное деление миграционных теорий в качестве одного из объяснений их фрагментарности, мы также полагаем, что в целом история миграционных исследований не состоит из несвязанных друг с другом обобщений, как утверждали Р. Кинг и Р. Скелдон, но подчинена логике продвижения от общего к частному. Например, рассуждение Э. Равенштайна о влиянии фактора расстояния на перемещение населения [Ravenstein 1885] развивается в работах С. Стауффера, предполагавшего, что это расстояние нужно измерять не только в «единицах пространства, но также в единицах времени или стоимости» [Stouffer 1940: 846]. Рассуждения С. Стауффера, в свою очередь, получают развитие в работах Дж. Зипфа, уточняющего влияние субъективного восприятия расстояния на выбор стратегий миграционного поведения [Zipf 1949]. Работа Э. Ли, опубликованная во второй половине XX века и являющаяся одной из самых цитируемых работ за всю историю миграционных исследований [Lee 1966], полностью основывается на рассуждениях его предшественников, как полагают исследователи (см.: [Лисицын, Степанов, Орлова 2023]). Эта преемственность развития миграционных теорий сохранилась и до настоящего времени. Например, все перечисленные работы начального этапа миграционных исследований продолжают оказывать влияние и на труды уже современных учёных. В частности, около двух с половиной тысяч исследований (по данным базы SCOPUS), результаты которых были опубликованы в 2018–2021 гг., в своей методологической части обращаются к теориям начального этапа, а самые популярные работы, ссылающиеся на упомянутых авторов, опубликованы в 2000 г. и позже⁴.

Характеристики экономического этапа

Период исследования миграции, который с незначительными допущениями можно представить как время между 1960-ми и 1980-ми гг., часто связывают с экономическими исследованиями. К этому периоду относятся такие значимые работы по миграции, как исследования А. Льюиса и М. Тодаро, В. Зе-

³ Например, Э. Равенштайн использует в исследовании доступные на тот момент данные переписей населения; его последователь С. Стауффер оперирует уже не только демографическими, но появившимися благодаря проекту «Инвентаризация недвижимости г. Кливленда» («Real Property Inventory of the Metropolitan Cleveland») экономическими данными о перемещающихся домохозяйствах. Дж. Зипф, помимо уже введённых предшественниками демографических и экономических данных, дополняет своё исследование новыми материалами, применяя контент-анализ публикаций в СМИ, анализ телефонных сообщений и статистики пассажирских железнодорожных перевозок.

⁴ На основе анализа цитируемости научных публикаций базы данных SCOPUS (сентябрь 2022 г.).

линского, М. Пиоре и О. Старка и др. Несмотря на то что далеко не все даже самые заметные авторы этого периода являлись представителями экономических дисциплин, в целом результаты их исследований рассматриваются как «вклад, созданный в области экономики» [Arango 2010: 284]. Это представление прочно укоренилось и в англоязычной, и в русскоязычной литературе [Бельская 2016: 145] по миграционным исследованиям.

При этом данный период, по мнению современных авторов, являлся чрезвычайно продуктивным для формулирования тех представлений о миграции, на которые и сегодня опираются исследователи по всему миру. Например, в популярный обзор Д. Мэсси и его коллег [Massey et al. 1993] о значимых теориях миграции попадают только работы, опубликованные после 1966 г, а в представленной Дж. Аранго критике миграционных теорий подчёркивается, что в целом «время теоретизации о миграции — это время второй половины XX века и особенно его последней трети» [Arango 2010: 283].

Пытаясь разобраться в причинах появления важных открытий о миграционных процессах, присущих этому этапу, исследователи указывают на естественные факторы, такие как интенсификация миграционных потоков, произошедшая после Второй мировой войны, обусловленная в том числе изменением миграционных политик ряда государств. К таким изменениям, например, относят произошедшие в 1967 г. изменения в политике Канады, где была введена балльная система допуска в государство, или отказ Австралии от политики «белой страны», а также чуть более позднее послабление в миграционной политике Японии [Бреттелл, Холлифилд 2007]. Все это приводит к тому, что исследователи определяют вторую половину XX века как эпоху миграции» [Castles, Miller 1993]. Вместе с тем, учитывая естественные факторы, критики также подчёркивают существенное влияние на развитие миграционных теорий популярных в то время базовых идей, присущих неоклассической экономике, а именно принципа человека экономического и свойственных ему устойчивости предпочтений и рациональности выбора, а также максимизации полезности [Eggertsson 1990: 19].

Однако ко всем перечисленным выше факторам, существенно отличающим, по мнению критиков, данный период исследования миграции от предыдущего этапа и обеспечивающим прорывной характер рассуждений о миграции, следовало бы относиться со значительной долей скепсиса.

Во-первых, анонсируемая С. Кастлесом и М. Миллером «эпоха миграции» [Castles, Miller 1993], как и происходившие в то время существенные изменения миграционного законодательства [Brettell, Hollifield 2015], в большей степени характеризуют международную (внешнюю) миграцию. И даже если согласиться с утверждением, что во второй половине XX века объёмы внешней миграции существенно возросли (что, по многим данным, не соответствует действительности⁵), то из поля зрения выпадет внутренняя миграция, которая всегда существенно превышает по численности внешнюю⁶ (при этом оказывая не меньшее влияние на экономику) и, что важно для настоящего текста, едва ли заметно изменилась в 1960–1980-е гг.

Во-вторых, понимание человека экономического, присущее популярной в то время неэкономической теории, возникает не в середине XX века, а значительно раньше. Постулаты рационального выбора и максимизации полезности, начиная с работ А. Смита, красной нитью проходят через всю политэкономии и с начала XIX века (в трактовке Д. Рикардо [Ricardo 1815]) занимают доминирующую позицию в

⁵ Согласно докладу ООН за 2017 г., численность международных мигрантов не меняется с 1960 г. по настоящее время и составляет 3% [International Migration Report 2017].

⁶ Например, в 2008 г., по данным Международной организации по миграции (International Organization for Migration — МОМ), оценка численности международных мигрантов, то есть тех, кто живёт за пределами своей страны рождения, составляла 200 млн человек [World Migration Report 2008], а произведённая ООН в 2009 г. оценка численности внутренней миграции составила 740 млн человек [Overcoming Barriers... 2009].

научных дискуссиях. Ко второй половине XX века адаптированные ранее трактовками маржиналистов [Marshall 1922], эти принципы составят основу для неоконической теории. Например, М. Тодаро и Л. Маруско, характеризуя неоклассический подход в миграции, так описывают его: «Неоклассическая теория представляет мигрантов как рациональных индивидов, которые принимают решение о миграции на основе сопоставления ожидаемых выгод и предполагаемых издержек (*cost-benefit approach*)» [Todaro, Maruszko 1987: 106]. Однако те же принципы лежали и в основе работ авторов начального этапа миграционных исследований. Например, предположение С. Стауффера, что «количество людей, преодолевающих определённое расстояние, прямо пропорционально количеству возможностей на этом расстоянии и обратно пропорционально количеству промежуточных возможностей» [Stouffer 1940: 846], базируется на тех же характеристиках человека экономического, как и предложенное чуть позже Дж. Зипфом объяснение миграционного поведения через «принцип наименьших усилий» [Zipf 1949].

Кроме того, основываясь на фиксации схожих претензий, предъявляемых работам начального и последовавшего за ним периода, стоит с определённой долей скепсиса относиться и к такой характеристике теорий второй половины XX века, как наличие в них прорывной составляющей. Многочисленные претензии к теориям, появившимся в первые 100 лет изучения миграции, сводятся к недостаточному объёму данных, используемых для построения. По мнению критиков начального этапа, недостаточно было демографических данных, а для критиков последующего периода — экономических. Например, оценивая работы, основанные на использовании преимущественно данных переписи населения, Д. Томас в обзоре 1938 г. заявляла: это приводит к тому, что «в них отсутствуют какие бы то ни было внятные обобщения» (см: [Lively 1940: 300]). В свою очередь, в обзоре 2010 г. Дж. Аранго, говоря уже о работах второй половины XX века, отмечал: «Любая теория, построенная в основном на экономических материалах, неизбежно сталкивается с проблемами <...> влияния политических факторов» [Arango 2010: 294]. Таким образом, не только начальный и последовавший за ним периоды объединяются одними критическими основаниями, но и все существующие теории миграции объединяются общей тенденцией несоответствия собственных притязаний полученным результатам [Arango 2010].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о сомнительности выделения исследовательского периода второй половины XX века как этапа, уникальность которого базируется на трёх китах — рост миграционных потоков, новые концептуальные рамки и, как следствие этого, прорывной характер миграционных теорий.

Вместе с тем стоит отметить, что интуитивное восприятие этого периода изучения миграции как отличного от предшествующих не лишено оснований. Например, утверждение Дж. Аранго, что «теории обычно следуют за фактами, появление которых открывает новую эру в способах мышления о миграции» [Arango 2010: 287], представляется оправданным, если под фактами понимать не новые явления реального мира, а новые данные, на которых ранее внимание исследователей не фокусировалось, а теперь они направляют их размышления о миграции.

Использование преимущественно демографических данных, характерное для построения теорий первой половины XX века, влияло не только на исследовательские выводы, но и на саму постановку вопросов о миграционных процессах. По этой причине вопросы, определённые спецификой данных переписей населения, не позволяющей исследователям выходить за рамки понимания внутренних закономерностей, звучат следующим образом:

- Кто такие мигранты?
- Что такое миграция?
- Как измерять миграционное расстояние?

Так характеризует постановку вопросов в миграционных исследованиях, основанных на демографических данных, Д. Холлифилд: «Поскольку демографы используют вторичные данные, они должны быть в первую очередь озабочены тем, какими определениями понятий миграция и иммиграция руководствовались люди, собиравшие эти данные» [Бреттелл, Холлифилд 2007: 33].

Специфике исследований второй половины XX века способствовали три тенденции, существенно изменившие объём и характер доступных эмпирических материалов.

Первая тенденция — это расширение функций надгосударственных объединений [Ионцев 1999: 11], упростившее сбор обширных эмпирических данных. Например, по окончании Второй мировой войны исследованиями миграции начинают активно заниматься международные организации, такие как МОМ⁷, ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — Organisation for Economic Co-operation and Development)⁸, Всемирный банк (The World Bank)⁹, ООН. В рамках ООН были организованы специальные подразделения: Международная организация по туризму (World Tourism Organization — UNWTO)¹⁰, Фонд ООН в области народонаселения (United Nations Fund for Population Activities — UNFPA, или United Nations Population Fund)¹¹ и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (United Nations High Commissioner for Refugees — UNHCR, или The United Nation Refugee Agency)¹².

Вторая тенденция заключается в попытках устранения выявленных барьеров в сборе и обработке уже широко применяющихся демографических данных. Так, в 1953 г. ООН принимает классификацию основных групп мигрантов [International Migration Statistics 1953], в 1949 г. — документ, определяющий термин «трудящиеся-мигранты» [Конвенция... 1949], в 1951 г. регламентируется понятие «беженец» [Конвенция ООН... 1951] и др.

Третья тенденция — это развитие методов сбора информации. Вот как об этом писали в 1985 г. О. Старк и Д. Блум: «Недавние эмпирические исследования <...> миграции принесли пользу не за счёт появившихся в них новых теоретических идей, а за счёт предложенных ими новых методов сбора информации <...> Среди них — методы анализа качественных зависимых переменных, методы, корректирующие смещение выборки, методы лонгитюдных и псевдолонгитюдных исследований (*longitudinal and pseudo-longitudinal data*)» [Stark, Bloom 1985: 176].

Эти тенденции, приведшие к существенным изменениям в объёмах и характере данных, позволили учёным сформулировать новые исследовательские вопросы, ориентированные уже не столько на поиск внутренних закономерностей миграции, сколько на её комплексное восприятие как составной части глобальной и национальной социальных систем. Новые эмпирические данные позволили шире взглянуть на миграционные процессы, обратить внимание на их зависимость и попытаться оценить их влияние на модернизацию и перераспределение факторов производства, на привлечение иностранной валюты и укрупнение торговых связей, на тенденции экономического роста и распределения социального капитала и в целом на поиск равновесного состояния, способного приблизить жизнь людей к идеалам, которые позже определяют как либеральное государство всеобщего благоденствия (*Liberal Welfare State*) [Spicker 2013].

⁷ См. официальный сайт Международной организации по миграции: <https://www.iom.int/>

⁸ См. официальный сайт организации: <https://www.oecd.org/>

⁹ См. официальный сайт Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/en/home>

¹⁰ См. официальный сайт организации: <https://www.unwto.org/>

¹¹ См. официальный сайт организации: <https://www.unfpa.org/>

¹² См. официальный сайт организации: <https://www.unhcr.org/>

Миграция: от микропричин к макропоследствиям

Причины миграции

Восприятие миграции как комплексного процесса позволило исследователям сформулировать новые вопросы о причинах, её вызывающих, ответы на которые выходили за рамки классических рассуждений об экономической рациональности индивидов и различиях регионов. Взяв за основу эти рассуждения, авторы второй половины XX века дополняли их обобщениями более высокого порядка, выделяя связи с социально-экономическими явлениями на макро- и микроуровнях.

Например, А. Льюис, подтверждая, что причиной миграции является стремление к экономии [Lewis 1956: 11], проявляющееся на микроуровне, объяснял его возникновение характером экономического роста, фиксируемого на макроуровне. «Эмиграция, — пишет Льюис, — связана с теорией экономического роста и доктриной неизбежного перенаселения <...> согласно которой любая нация, которой посчастливилось найти какие-либо средства повышения своего уровня жизни <...> в определённый момент неизбежно столкнётся с его снижением за счёт роста её населения» [Lewis 1956: 358], то есть «любая нация, которая переживает экономический рост, в конечном счёте “трещит по швам” и вынуждена искать новые земли для своего народа» [Lewis 1956: 358].

Причины миграции, выделенные М. Тодаро и Дж. Харрисом вслед за предшественниками, включая А. Льюиса и авторов начального этапа [Ravenstein 1885; Stouffer 1940; Zipf 1949], также основывались на принципах экономической рациональности и различиях регионов. «Работники, — пишет Тодаро, — как правило, уезжают из стран или регионов, где рабочей силы в избытке, а заработная плата низкая, в страны с дефицитом рабочей силы, где заработная плата высокая» (цит. по: [Arango 2010: 285]). Вместе с тем существование подобных различий, по мнению М. Тодаро, происходит из-за неравномерного географического распределения рабочей силы и капитала [Todaro 1976]. Таким образом, причины миграции с точки зрения макроуровневого анализа, произведённого М. Тодаро и Дж. Харрисом, кроются в неравновесном состоянии пространственного распределения производственных мощностей как ответа на различие в относительной цене. В то время как микроуровень анализа показывает, что миграция происходит в ответ на «различия в ожидаемых доходах между сельскими районами и городами с учётом уровня занятости в последних» [Harris, Todaro 1970: 126].

Предложенная В. Зелинским концепция «перехода к мобильности» [Zelinsky 1971: 220], которая, по его же собственным словам, являлась «плодом любви ... теории демографического перехода и принципа наименьших усилий» [Zelinsky 1971: 220], также основывается на принципах рационального выбора и ключевом значении экономических факторов как причин миграций. Предложенный им исторический анализ географической мобильности, насчитывающий пять фаз, лишь на четвёртой фазе слабо демонстрировал влияние неэкономических мотиваций к миграции [Zelinsky 1971: 247]. При этом причину перехода от одной фазы мобильности к другой В. Зелинский (также как и его предшественники) анализировал на макроуровне и связывал её с инновациями и сопутствующими им процессами модернизации. «Переход от относительно ограниченного состояния физической и социальной мобильности — пишет В. Зелинский — к более высоким темпам перемещения всегда происходит по мере того, как общество переживает процесс модернизации ... а важные социальные события всегда появляются вблизи появившихся инноваций» [Zelinsky 1971: 219].

Размышления о причинах миграции О. Старка и Д. Блума также основывались на таких принципах микроуровня, как максимизация прибыли или полезности [Stark, Bloom 1985: 173]. При этом причины миграции микроуровня также рассматриваются ими через анализ явлений макроуровня. Взяв за основу предположение, что «доход не является однородным благом» [Massey et al. 1993: 438], О. Старк и его

соавтор особое внимание уделяли равновесию на рынке труда [Stark, Bloom 1985: 177], объясняя его отсутствие в том числе безработицей и неурожаем, несовершенством кредитных и страховых рынков (см.: [Arango 2010: 288]), процессами старения населения [Stark, Bloom 1985: 177] и др. Вместе с тем основной заслугой О. Старка и Д. Блума считаются три введённых ими дополнения, описывающих причины миграции на микроуровне. Первое заключается в том, что рациональный выбор принимает не сам мигрант, а более крупные объединения связанных с ним людей (обычно это семья или домохозяйство) [Stark, Bloom 1985]. Второе состоит в том, что люди переезжают не только для максимизации ожидаемого дохода, но и для минимизации рисков (см.: [Massey et al. 1993: 436]). Согласно третьему дополнению, решение о миграции принимается не столько на основании реальных низких доходов домохозяйств, сколько на основе фиксации «неравенства в доходах внутри референтной группы» [Stark, Bloom 1985: 173].

Следствия миграции

Исследователи миграции второй половины XX века, привлекая данные макроуровня, значительно расширили возможности своих объяснительных моделей. Используя размышления предшественников о субъективных мотивах мигрантов в качестве основы, каждое значимое исследование нового этапа дополняло их причинами комплексного характера, встраивая миграцию в различные национальные и наднациональные социальные системы. Одновременно с попытками проследить зависимость миграции от иных социальных процессов формулировались и новые исследовательские вопросы об обратной зависимости этих процессов от миграции, открывая дорогу инструменталистским миграционным теориям.

Вместе с тем отсутствие разноплановых эмпирических данных в первой половине XX века существенно ограничивало анализ последствий миграции. До середины XX века этот анализ по большей части, был представлен двумя направлениями:

- исследователи концентрировали внимание на демографических последствиях миграции для различных регионов, привлекая для обоснования популярные на тот момент идеи Т. Мальтуса [Malthus 1798], а также доступные данные переписей населения;
- на основании личного опыта и индивидуальных наблюдений, описанных в работах предшественников, исследователи искали зависимость между, например, миграцией и преступностью, доходами или рабочими местами [Ravenstein 1885], что в действительности представляло собой амбициозную, но интуитивную попытку нащупать связь между миграцией и иными социальными процессами.

Построением выводов о последствиях миграции, основанных на демографических данных, не пренебрегали и исследователи второй половины XX века, однако чем ближе к XXI веку были их исследования, тем большее влияние оказывали на их выводы и другие типы данных.

В частности, А. Льюис, вслед за своими предшественниками рассуждая о миграции как о возможном инструменте борьбы с перенаселением, подчёркивал, что аргументы, доказывающие его эффективность, одновременно и опровергают её: «Парадоксально, но та же самая аргументация приводит к выводу, что миграция не даёт реального облегчения от перенаселения. Если население растёт до предела возможности поддержания прожиточного минимума, то сокращение численности населения за счёт исходящей миграции вскоре снова увеличится благодаря входящим миграционным потокам» [Lewis 1956: 358].

Обращаясь к данным микроуровня, А. Льюис продолжает характерные для исследователей первой половины XX века (см., например: [Hofstee 1952]) рассуждения о селективных свойствах миграции, однако рассматривает её не только как причину миграции отдельных людей, но и как её следствие. «Иммигранты, — утверждает А. Льюис, — это избранная группа, состоящая из целеустремлённых индивидов. Они переехали, чтобы стать лучше. Одно только участие в миграции, предполагающее контакт с новой средой, обостряет их ум и способность критически мыслить» [Lewis 1956: 364].

Основываясь на данных макроуровня, А. Льюис ищет взаимозависимость миграции и иных социальных процессов. Например, он пытается оценить влияние миграции на развитие мировой торговли, в том числе на расширение рынков сбыта или ресурсов и отмечает: «За счёт миграции Англия начала своё вторжение на мировые рынки около шести столетий назад» [Lewis 1956: 352]. К последствиям миграции А. Льюис относит также возможное увеличение объёма денежных средств на национальных рынках валюты в том случае, если «эмигранты совершают денежные переводы на родину, поддерживая оставшихся там близких <...> Такие переводы являются крупной и желанной статьёй в платёжном балансе многих стран» [Lewis 1956: 360]. Иными словами, речь идёт о миграции как о «важном механизме развития экономики, использующем потенциал роста за счёт существующих экономических диспропорций <...> в частности, между традиционным и современным секторами экономики, между отправляющими и принимающими регионами» (цит. по: [Arango 2010: 284–285]), и все, отмечает А. Льюис, от этого выигрывают [Lewis 1956: 360].

Продолжая рассуждения А. Льюиса о следствиях миграции, М. Тодаро и Дж. Харрис также обращается к существующим диспропорциям, особое внимание уделяя различию городских и сельских экономик, связующим звеном между которыми, по его мнению, и является миграция. Способствуя перераспределению факторов производства, она в долгосрочной перспективе должна привести к выравниванию заработной платы между регионами и странами, а затем к устранению изначально сформировавшегося неравенства [Harris, Todaro 1970: 132]. Фактически миграция для М. Тодаро является результатом неравномерного географического распределения рабочей силы и капитала (см.: [Arango 2010: 285]) как следствия пространственного перераспределения факторов производства в ответ на различные относительные цены [Todaro 1976]. К последствиям миграции, стремящейся устранить выявленную неравномерность, М. Тодаро относит повышение коэффициентов капиталоотдачи производств, что, в свою очередь, приведёт к развитию обоих секторов экономики.

Существенное влияние миграции на развитие социальных систем вслед за своими предшественниками подчёркивают В. Зелинский и О. Старк. Для В. Зелинского модернизация одновременно является и причиной, и следствием миграции. «Склонность к миграции, — пишет он, — действительно возникла в наиболее развитых социально-экономических зонах, но затем вместе с элементами модернизации распространилась и в менее развитые и доступные регионы» [Zelinsky 1971: 238]. В. Зелинский считает XX век периодом возросшей значимости миграции как инструмента распространения инноваций. «Существующие в течение новейшей истории закономерности роста личной мобильности, — подчёркивает он, — составляют важнейший компонент процессов современной модернизации» [Zelinsky 1971: 222]. О. Старк и Д. Блум вслед за В. Зелинским также утверждают, что «миграцию нужно рассматривать как процесс внедрения и распространения инноваций» [Stark, Bloom 1985: 176], однако уже по иным причинам. Взяв за основу данные микроуровня, свидетельствующие о том, что миграция из сельской местности обеспечивает домохозяйствам минимизацию рисков (см.: [Stark, Bloom 1985]) за счёт диверсификации источников дохода и проведя аналогию этого обеспечения со страховыми программами, характерными для городов, О. Старк и его соавтор предполагают в качестве её следствия расширение возможностей инвестирования, что и является двигателем инноваций в сельском хозяйстве.

Проводя обзор миграционных теорий второй половины XX века, Д. Мэсси с соавторами утверждали, что важной их чертой является концентрация на данных микроуровня для обоснования миграционного поведения [Massey et al. 1993: 440]. Представленный выше анализ причин и следствий миграции в целом подтверждает это утверждение, однако с тем уточнением, что использование представленными авторами принципа экономической рациональности, предполагающее обращение к микроуровню, не исключает из анализа данные макроуровня, но дополняет их. Такое сочетание макро- и микрооснований существенно влияет на выводы учёных этого периода и оказывается их отличительной чертой по сравнению с работами предшествующего этапа. Таким образом, фактическим основанием для этих исследований послужила максима методологического индивидуализма [Heath 2020], ближе к концу XX века определённая Дж. Александером и его соавторами как необходимость изучать макросоциальные явления, привлекая микрооснования [Alexander et al. 1987]. Руководствуясь этой максимой, учёные второй половины XX века анализировали миграцию, с одной стороны, как комплексный процесс, являющийся неотъемлемой частью общей социальной системы, а с другой стороны, как совокупность единичных миграционных актов.

Равновесные состояния

Уже упоминалось, что попытки А. Льюиса и М. Тодаро, В. Зелинского и О. Старка встроить миграцию в глобальную систему общественных отношений основываются на доминирующих в то время принципах неоклассической экономики.

Часть из этих принципов была окончательно сформулирована лишь в первой половине XX века (например, тогда была впервые определена категория предельной полезности), но большинство принципов все же составляли переосмысленные и уточнённые постулаты классической экономики. К этим последним относятся, например, принцип равновесного состояния, существенно расширившийся в понимании неоклассической теории за счёт увеличения количества переменных, требующих баланса; представление о роли государственного регулятора в попытках достижения баланса; постулаты невмешательства (*laissez-faire*); принципы максимизации полезности и рационального поведения.

Перешедшие из классической экономики и получившие новую жизнь в рамках неоклассической теории эти принципы ко второй половине XX века перестают быть исключительно экономическими, но обретают новое значение в качестве метатеоретических [Parsons 1979] оснований для большого круга учёных из разных дисциплин. Например, препятствием на пути к либеральному государству всеобщего благоденствия теперь рассматриваются не только дисбалансы, обычно относящиеся к экономической системе (спрос и предложение, аккумуляция и распределение капитала), но и иные пары переменных (социальная и географическая мобильность, внешние и внутренние перемещения), требующие как минимум определения взаимозависимости, а как максимум — возможной сбалансированности.

При этом классическое стремление к равновесным состояниям внутри экономической системы подталкивает исследователей этого периода к тому, чтобы смотреть на миграцию как на инструмент для достижения баланса между несбалансированными переменными. Например, представляя модель, направленную на поиск равновесного состояния между сельским и городским секторами, М. Тодаро и Дж. Харрис писали: «Эти два сектора тесно связаны между собой через трудовую миграцию» [Harris, Todaro 1970: 133]. Контролируя миграцию, отмечали те же исследователи, можно попытаться достичь состояния, при котором «предельный продукт нанятой рабочей силы в промышленности сравнивается с заработной платой, которая, в свою очередь, сравнивается с предельным продуктом в сельском хозяйстве, что и будет состоянием оптимального распределения ресурсов» [Harris, Todaro 1970: 132]. В. Зелинский также видел в миграции инструмент достижения баланса, рассматривая возможность получения оптимальной экономической отдачи через инструменты регулирования количества занятых в первич-

ном секторе производства [Zelinsky 1971: 245]. О. Старк и Д. Блум, в свою очередь, отмечали влияние миграции «на заработную плату и занятость в контексте структурных моделей равновесных и неравновесных рынков труда» [Stark, Bloom 1985: 177]. Кроме того, подчёркивая, что доход не является однородным благом, а диверсификация его источников значима, они рассматривали миграцию как инструмент снижения рисков домохозяйств, что, как следствие, стимулирует повышение инвестиционного спроса, необходимого для достижения баланса спроса и предложения в целом [Stark, Bloom 1985]. А. Льюис же видел в миграции один из возможных инструментов достижения баланса между занятостью и оптимальной производительностью труда [Lewis 1956: 358].

Таким образом, выстроенные исследователями рассматриваемого периода теоретические модели опирались на осмысление экономических диспропорций и определяли миграцию как связующее звено между требующимися равновесия переменными. Миграция в этих моделях становилась важнейшим механизмом развития экономики в целом, используя который, государственный регулятор оказывал бы влияние на диспропорциональные переменные экономических систем, что в случае правильной политики привело бы к «однозначному повышению совокупного благосостояния» [Harris, Todaro 1970: 135].

Заключение

Развитие методов сбора и обработки данных, характерное для второй половины XX века, позволило взглянуть на миграцию как на неотъемлемую часть глобальных социально-экономических процессов. Комплексность в восприятии миграции является одновременно и объединяющим фактором для всех упомянутых в данном тексте авторов, и фактором, отличающим их идеи от идей исследователей начального этапа изучения миграции. Вместе с тем развитие исследовательских инструментов позволяет не только формулировать новые вопросы о миграции, но и уточнять и развивать идеи своих предшественников [Ravenstein 1887; Stouffer 1940; Lee 1966], демонстрируя тем самым преемственность между исследованиями первых ста лет изучения миграции и подвергая сомнению критику, касающуюся как фрагментарности миграционных теорий, так и исключительной исторической ценности периода первой половины XX века. Авторы этого периода обращаются к работам предшественников и пытаются переосмыслить ответы на те же вопросы: «Насколько далеко или как долго нужно проехать, чтобы стать мигрантом? Как отличаются пункты отправления и назначения? Могут ли и до какой степени перемещения быть повторяющимися?» [Zelinsky 1971: 223–224]. Возникновение же новых вопросов, связанных с миграционным поведением, по большей части основывается на связях миграции с иными социальными процессами и подчинено неоклассической исследовательской моде, транслирующей инструментальный подход к миграции. Например, «было бы интересно изучить, уменьшается ли сила миграционной реакции на разницу в заработной плате с течением времени или какая возникнет реакция на увеличение относительной депривации <...> каково влияние трудовой миграции на заработную плату и занятость на местах» [Stark, Bloom 1985: 176–177].

Однако, несмотря на новые вопросы, безусловно, полезные для понимания миграционных процессов, большая часть утверждений авторов этого периода, так же как и утверждений авторов первой половины XX века [Ravenstein 1887; Stouffer 1940; Lee 1966], не прошли проверку ни временем, ни новыми данными. Во-первых, не оправдались прогностические утверждения, что миграция приведёт к выравниванию уровней благосостояния между странами или регионами [Arango 2010: 287]. Во-вторых, была выявлена ошибка в базовом предположении о существовании пропорциональной зависимости между величиной экономического дисбаланса и объёмами миграции [Arango 2010: 286]. Сегодня уже доказано, что неоклассическое объяснение причин миграции противоречит факту существования дифференциальной миграции, то есть ситуации, когда в одних странах её показатели относительно высокие, а в других, структурно схожих, низкие [Arango 2010: 286]. Существенной выглядит и критика одномерности исследований этого периода, основанная на факте исключения политического измерения из

общей картины мира [Arango 2010: 286]. Эти исследования, пишет Дж. Аранго, «не способны прийти к соглашению с миром, изобилующим барьерами, которые серьёзно ограничивают движение рабочей силы» [Arango 2010: 286].

Помимо выделения слабых сторон неоклассического подхода в целом, современные исследователи подвергают критике и отдельные утверждения каждого из авторов этого периода. Например, представление В. Зелинского о том, что все общества последовательно проходят сменяемость исторических этапов, критиковалось в ряде работ (см.: [Skeldon 1990; Woods 1993; Boyle, Halfacree, Robinson 1998]). Новая экономика миграции О. Старка осуждалась за описание исключительно своеобразных миграционных движений, «характеризующихся многолетними миграционными отношениями» [Arango 2010: 288], а также за описание причин миграции, сфокусированное только на направляющей стороне [Arango 2010: 288].

Обращая внимание на современную критику неоклассических подходов, нельзя не отметить, что вторая половина XX века также являлась временем возникновения альтернативной исследовательской школы, которая видела социальные процессы в терминах конфликта, а не равновесия. Это направление было воплощено в теории зависимости [Prebisch 2016], «которая утверждала, что эволюция капитализма уступила место международному порядку, состоящему из основных промышленно развитых стран и периферийных аграрных стран, связанных неравномерными и асимметричными отношениями» (цит. по: [Arango 2010: 285]), а также в традициях мир-системного анализа [Wallerstein 2011]. Вместе с тем широкое применение в миграционных исследованиях эти альтернативные идеи получают несколько позже, тем самым оставляя пальму первенства за неоклассикой как основным исследовательским стилем второй половины XX века.

Завершить настоящую статью мы хотели бы утверждением, выдвинутым О. Старком и Д. Блумом в одной из знаковых публикаций о миграции рассматриваемого направления. Первая часть этого утверждения актуальна по сей день, в то время как его заключительная часть как на момент своего возникновения, так и сегодня даёт некоторый повод для сомнений: «Мы всё ещё ожидаем эмпирической реализации многих новых теоретических идей, касающихся миграции <...> и верится, что эти исследовательские достижения не могут быть очень далёкими» [Stark, Bloom 1985: 178].

Литература

- Абылкаликов С. И., Винник М. В. 2012. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда. *Бизнес. Общество. Власть*. 12: 1–19.
- Автономов В. С. 1993. *Человек в зеркале экономической теории*. М.: Наука.
- Адедиран А. М. 2015. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных учёных XX века. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 1: 30–41.
- Бельская Ю. В. 2016. Миграция в истории экономической науки: гносеологические основания изучения. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 5 (33): 144–155.
- Бреттелл К., Холлифилд Д. 2007. Теория миграций. В сб.: Зайончковская Ж. (отв. ред.) *Методология и методы изучения миграционных процессов*. М.: Центр миграционных исследований; 33–71.
- Ионцев В. А. 1999. *Международная миграция: населения: теория и история изучения*. М.: Диалог МГУ.

Кейнс Дж. М. 2007. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: ЭКСМО.

Конвенция Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах. 1949. Женева, 8 июня.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018307

Конвенция ООН о статусе беженцев. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900366>

Курушина Е. В., Дружинина И. В. 2016. Рациональность поведения российских мигрантов по региональным кластерам. *Фундаментальные исследования*. 3: 584–588.

Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. 2022. Начало изучения миграции в России: поиски русского Равенштайна. *Телескоп*. 7 (3): 14–23.

Лисицын П. П., Орлова Н. А., Степанов А. М. 2022. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа. *Социологический журнал*. 28 (3): 72–90.

Лисицын П. П., Степанов А. М. 2022. Новые законы миграции Э. Равенштайна. *Социологические исследования*. 8: 16–26.

Лисицын П. П., Степанов А. М., Орлова Н. А. 2023. Выполненные и невыполненные обещания Э. Ли: к критике миграционных теорий. *Социологические исследования*. 10: 41–51.

Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО.

Alexander J. C. et al. 1987. *The Micro-Macro Link*. Berkeley: University of California Press.

Arango J. 2010. Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*. 52 (165): 283–296.

Berger P. L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books.

Boyle P., Halfacree K., Robinson V. 1998. *Exploring Contemporary Migration*. London: Longman.

Brettell C. B., Hollifield F. J. (eds) 2015. *Migration Theory: Talking across Disciplines* (Third edition). New York: Routledge.

Castles S. 2009. Development and Migration-Migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African experiences. *Theoria*. 56 (112): 1–31.

Castles S., Miller M. 1993. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York: Guilford Press.

Connell R. W. 1997. Why is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*. 102 (6): 1511–1557.

Eggertsson T. 1990 *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Galbraith J. K. 1958. *The Affluent Society*. London: Hamish Hamilton.

- Glick Shiller N 2023. Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry. *Mobilities*. 4 (4): 677–690.
- Gramsci A. 1971. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. Compiled by Q. Hoare, G. Nowell-Smith. London: Lawrence & Wishart.
- Harris J. R., Todaro M. P. 1970. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*. 60 (1): 126–142.
- Heath J. 2020 (2005). Methodological Individualism. In: Zalta E. N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford, CA: Metaphysics Research Lab, Stanford University. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/methodological-individualism/>
- Hofstee E. W. 1952. *Some Remarks on Selective Migration*. Book Series: Publications of the Research Group for European Migration Problems. VII. Hague: Martinus Nijhoff.
- International Migration Report*. 2017. New York: United Nations.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling*. 1953. Statistical papers. Series M. 20. New York: Statistical Office of the UN, Department of Economic Affairs.
- King R., Skeldon R. 2010. Mind the Gap! Integrating Approaches to Internal and International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 36 (10): 1619–1646.
- Kwa C. 2011. *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lee E. A. 1966. Theory of Migration. *Demography*. 3 (1): 47–57.
- Lewis A. 1954. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*. 22(2): 139–191.
- Lewis A. 1956. *The Theory of Economic Growth*. London: Unwin University Books.
- Lively C. E. 1940. Research Memorandum on Migration Differentials: A Report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*. 48 (2): 300–301.
- Malthus T. R. 1798. *An Essay on the Principle of Population As it Affects the Future Improvement of Society*, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin, M. Condorcet and Other Writers. 1 edn. London: J. Johnson in St Paul's Church-Yard.
- Marshall A. 1922. *Money, Credit and Commerce*. London: MacMillan.
- Massey D. S. et al. 1993. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. 19 (3): 431–466.
- Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. 2009. Human Development Report. New York: United Nations Development Programme.

- Parsons T. 1979. On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*. 7 (1): 5–16.
- Piore M. J. 1979. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. 1973. Modernity and Development: A Critique. *Studies in Comparative International Development*. 8: 247–279.
- Portes A. 2010 Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 36 (10): 1537–1563.
- Prebisch R. 2016. Theoretical and Practical Problems of Economic Growth. In: Bielschowsky R. (compiler) *ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998)*. Santiago: ECLAC; 109–128.
- Pryor R. J. 1981. Integrating International and Internal Migration Theories. In: Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds) *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*. New York: Center for Migration Studies; 110–129.
- Ravenstein E. G. (1876) The Birthplace of the People and the Laws of Migration. *The Geographical Magazine*. 3: 173–177
- Ravenstein E. G. 1885. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 48 (2): 167–235.
- Ravenstein E. G. 1889. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 52 (2): 241–305.
- Ricardo D. 1815. *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock...* London: Albemarle Street.
- Skeldon R. 1990. *Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation*. London: Belhaven.
- Spicker P. 2013. Liberal welfare states. *The Routledge Handbook of the Welfare State*. London: Routledge; 193–201.
- Stark O., Bloom D. 1985. The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*. 75 (2): 173–178.
- Stark O., Taylor J. E. 1991. Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*. 101 (408): 1163–1177.
- Steinmetz S. R. 1930. Der erbliche Rassen und Volkscharacter. *Gesammelte kleinere Schriften*. 2: 284–285.
- Stouffer S. A. 1940. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. 5 (6): 845–867.
- Todaro M. P. 1976. *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office.
- Todaro M., Maruszko L. 1987. Illegal Migration and U.S. Immigration Reform: A Conceptual Frame-Work. *Population and Development Review*. 13 (1): 101–114.

- Wallerstein I. 2011. *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Los Angeles: University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. 2002. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks*. 2 (4): 301–334.
- Woods R. 1993. Commentary on Zelinsky's Model. *Progress in Human Geography*. 17 (2): 213–215.
- World Migration Report*. 2008. Geneva: International Organization for Migration.
- Yurchak A. 2006. *Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press
- Zelinsky W. 1971. The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. 61 (2): 219–249.
- Zipf G. K. 1949. *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An Introduction to Human Ecology*. Boston: Addison-Wesley Press.

PROFESSIONAL REVIEWS

Pavel Lisitsyn, Andrey Rezaev, Alexander Stepanov

Balances in the Migration Theories

LISITSYN, Pavel —

Docent, Cand. Sci. (Soc.),
St. Petersburg University,
Associate Professor. Address:
1/3 Smolny str., St. Petersburg,
190000, Russian Federation.

Email: fox_sociology@mail.ru

REZAEV, Andrey — Prof.

Dr. habil., Director of
International Research
Laboratory TANDEM,
St. Petersburg University.
Address: 1/3 Smolny str.,
St. Petersburg, 190000,
Russian Federation.

Email: rezaev@hotmail.com

STEPANOV, Alexander —

Cand. Sci. (Soc.),
St. Petersburg University,
Associate Professor. Address:
1/3 Smolny str., St. Petersburg,
190000, Russian Federation.

Email: 9160001@inbox.ru

Abstract

The paper aims to explore how the principles of the neoclassical approach, transformed into meta-theoretical foundations, have changed migration studies. The authors aim to evaluate the extent to which these changes have influenced the theory and practice of migration studies. Focusing its analysis on the works of authors often characterized as representatives of the “economic”/ “neoclassical” approaches, the paper aims to test the thesis that migration theories are characterized by fragmentation and inconsistency. In particular, turning to the analysis of the neoclassical theory, the authors will consider whether the transition from the classical approach in migration studies really laid the foundation for insurmountable contradictions between migration studies and theories of the distant past (late XIX—early XX century), the recent past (mid—late XX century), and the present (XXI century).

The current analysis includes the works of A. Lewis, D. Harris and M. Todaro, V. Zelinsky, M. Piore, O. Stark and D. Bloom. The key questions of the analysis will be: Is there a connection between the works of these authors and their predecessors? What contribution have the analyzed studies made to the modern perception of migration? What was the engine of migration studies of this period, often hailed as a breakthrough by most critics (and is it truly a breakthrough)? The authors will be interested in whether something distinguishes the so-called “economic stage of migration research” (the works of representatives of which are presented in the analysis) from other historical stages of migration research? In addition, this analysis offers an assessment of the relevance of the results of migration studies at the end of the XX century for today’s research.

Key words: migration theory; migration studies; neoclassical economics; the new economics of migration; demographic studies; data; research methods; metatheory.

Acknowledgements

The article was prepared within research project № 24-28-00467 Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>

References

Abylkalikov S. I., Vinnik M. V. (2012) Ekonomicheskie teorii migratsii: rabochaya sila i rynek truda [Economic Theories of Migration: Labor Force and Labor Market]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, no 12, pp. 1–19 (in Russian).

- Adediran A. M. (2015) Klyuchevye vekhi stanovleniya sovremennoy teorii migratsii v rabotakh zapadnykh ucheny v XX v. [The Key Milestones of the Formation of the Modern Theory of Migration in the Works of Western Scientists XX Century]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik RUDN/ Seriya: Sociologiya*, no 1, pp. 30–41 (in Russian).
- Alexander J. C., Giesen B., Munch R., Smelser N. (1987) *The Micro-Macro Link*, Berkeley: University of California Press.
- Arango J. (2010) Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*, no 52 (165), pp. 283–296.
- Avtonomov V. S. (1993) *Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii* [The Man in the Mirror of Economic Theory], Moscow: Nauka (in Russian).
- Belskaya Yu. V. (2016) Migratsiya v istorii ekonomicheskoy nauki: gnoseologicheskie osnovaniya izucheniya [Migration in the History of Economics: Epistemological Grounds for Studying]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no 5 (33), pp. 144–155 (in Russian).
- Berger P. L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, New York: Anchor Books.
- Boyle P., Halfacree K., Robinson V. (1998) *Exploring Contemporary Migration*, London: Longman.
- Brettell C. B., Hollifield F. J. (eds) (2015) *Migration Theory: Talking across Disciplines* (Third edition), New York: Routledge.
- Brettell K., Hollifield D. (2007). Teoriya migratsiy [Migration Theory] *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and Methods of Studying Migration Processes] (ed. Zh. Zajonchkovskaya), Moscow: Migration Research Center, pp. 33–71 (in Russian).
- Castles S. (2009) Development and Migration-Migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences. *Theoria*, no 56 (112), pp. 1–31.
- Castles S., Miller M. (1993) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, New York: Guilford Press.
- Connell R. W (1997) Why is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 6, pp. 1511–1557.
- Eggertsson T. (1990) *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Galbraith J. K. (1958) *The Affluent Society*, London: Hamish Hamilton.
- Glick Shiller N (2023) Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry. *Mobilities*, vol. 4, no 4, pp. 677–690.
- Gramsci A. 1971. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci* (compiled by Q. Hoare, G. Nowell-Smith), London: Lawrence & Wishart.

- Harris J. R., Todaro M. P. (1970) Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*, vol. 60, no 1, pp. 126–142.
- Heath J. (2020 [2005]) Methodological Individualism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (ed. E. N. Zalta), Stanford, CA, Metaphysics Research Lab, Stanford University. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/methodological-individualism/> (accessed 5 January 2024).
- Hofstee E. W. (1952) *Some Remarks on Selective Migration*. Book Series: Publications of the Research Group for European Migration Problems. VII. Hague: Martinus Nijhoff.
- International Migration Report* (2017), New York: United Nations.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling* (1953) Statistical papers. Series M, no 20, New York: Statistical office of the UN, Department of economic affairs.
- Ioncev V. A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya: naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Migration: Population: Theory and History of Study], Moscow: Dialog MSU (in Russian).
- Keynes J. M. (2007) *Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money], Moscow: E`KSMO (in Russian).
- King R., Skeldon R. (2010) Mind the Gap! Integrating Approaches to Internal and International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1619–1646.
- Konvenciya mezhdunarodnoj organizacii truda № 97 o trudyashchihsya-migrantah* [International Labour Organization Concept No. 97 on migrant workers]. (1949). Genève, 8 June. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018307 (accessed 25 December 2023) (in Russian).
- Koncepciya OON o statuse bezhencev* [The UN Concept on the Status of Refugees]. (1951). Genève, 28 June. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1900366> (accessed 27 December 2023) (in Russian).
- Kurushina E. V., Druzhinina I. V. (2016) Ratsional`nost` povedeniya rossiyskikh migrantov po regionalnym klasteram [Rationality of the Behavior of Russian Migrants by Regional Clusters]. *Phundamental`ny`e issledovaniya*, no 3, pp. 584–588 (in Russian).
- Kwa C. (2011) *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lee E. A. (1966) Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Lewis A. (1954) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*, vol. 22, no 2, p. 139–191.
- Lewis A. (1956) *The Theory of Economic Growth*, London: Unwin University Books.
- Lisitsyn P. P., Gibazov R. R. (2022) Nachalo izucheniya migratsii v Rossii: poiski russkogo Ravenshtayna [The Beginning of the Study of Migration in Russia: The Search for the Russian Ravenstein]. *Teleskop*, vol. 7, no 3, pp. 14–23 (in Russian).

- Lisitsyn P. P., Orlova N. A., Stepanov A. M. (2022) Migratsionnoe povedenie: printsip snizheniya trudozatrata J. Zipfa [Migration Behavior: The Principle of Reducing Labor Costs by J. Zipf]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, vol. 28, no 3, pp. 72–90 (in Russian).
- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. (2022) Novy'e zakony' migratsii E'. Ravenshtayna [E. Ravenstein's New Migration Laws], *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 8, pp. 16–26 (in Russian).
- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Orlova N. A. (2023) Vypolnennye i nevypolnennye obeshchaniya E'. Li: k kritike migratsionnykh teoriy [Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee: Toward a Critique of Migration Theories]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 10, pp. 41–51. doi: 10.31857/S013216250028303-6 (in Russian).
- Lively C. E. (1940) Research Memorandum on Migration Differentials: A Report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*, vol. 48, no 2, pp. 300–301.
- Malthus T. R. (1798) *An Essay on the Principle of Population As It Affects the Future Improvement of Society*, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin, M. Condorcet and Other Writers, 1 edn., London: J. Johnson in St Paul's Church-Yard.
- Marshall A. (1922) *Money, Credit and Commerce*, London: MacMillan.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, vol. 19, no 3, pp. 431–466.
- Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. (2009) Human Development Report, New York: United Nations Development Programme.
- Parsons T. (1979) On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 7, no 1, pp. 5–16.
- Piore M. J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1973) Modernity and Development: A Critique. *Studies in Comparative International Development*, no 8, pp. 247–279.
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1537–1563.
- Prebisch R. (2016) *Theoretical and Practical Problems of Economic Growth*. ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998) (compiler R. Bielschowsky), Santiago: ECLAC, pp. 109–128.
- Pryor R. J. (1981) Integrating International and Internal Migration Theories. *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements* (eds. M. M. Kritz, C. B. Keely, S. M. Tomasi), New York: Center for Migration Studies, pp. 110–129.
- Ravenstein E. G. (1876) The Birthplace of the People and the Laws of Migration. *The Geographical Magazine*. 3: 173–177

- Ravenstein E. G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no 2, pp. 167–235.
- Ravenstein E. G. (1889) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 52, no 2, pp. 241–305.
- Ricardo D. (1815) *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock...* London, Albemarle Street.
- Skeldon R. (1990) *Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation*, London: Belhaven.
- Smith A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Study on the Nature and Causes of the Wealth of Nations], Moscow: E`KSMO (in Russian).
- Spicker P. (2013) Liberal welfare states. *The Routledge Handbook of the Welfare State*, London: Routledge, pp. 193–201.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178.
- Stark O., Taylor J. E. (1991) Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*, vol. 101, no 408, pp. 1163–1177.
- Steinmetz S. R. (1930) Der erbliche Rassen und Volkscharacter. *Gesammelte kleinere Schriften*, no 2, pp. 284–285 (in German).
- Stouffer S. A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*, vol. 5, no 6, pp. 845–867.
- Todaro M. P. (1976) *Internal Migration in Developing Countries*, Geneva: International Labor Office.
- Todaro M., Maruszko L. (1987) Illegal Migration and U.S. Immigration Reform: A Conceptual Frame-Work. *Population and Development Review*, vol. 13, no 1, pp. 101–114.
- Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*, Los Angeles: University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. (2002) Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks*, vol. 4, no 2, pp. 301–334.
- Woods R. (1993) Commentary on Zelinsky's Model. *Progress in Human Geography*, vol. 17, no 2, pp. 213–215.
- World Migration Report*. (2008), Geneva: International Organization for Migration.
- Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever Until It Was No More. The last Soviet Generation*, Princeton: Princeton University Press.

Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*, vol. 61, no 2, pp. 219–249.

Zipf G. K. (1949) *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An Introduction to Human Ecology*, Boston: Addison-Wesley Press.

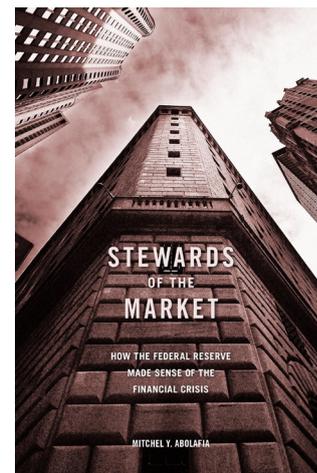
Received: August 13, 2023

Citation: Lisitsyn P., Rezaev A., Stepanov A. (2024) Poiski ravnovesnogo sostoyaniya v migratsionnoy teorii [Balances in the Migration Theories]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 137–160. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-137-160](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-137-160) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

С. Г. Пашков

«Перформативные решения в условиях системной неопределённости»: как действовала ФРС США во время мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.¹

Рецензия на книгу: Abolafia M. Y. 2020. *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 224 p.

ПАШКОВ Станислав Георгиевич — преподаватель кафедры экономической социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: spashkov@hse.ru

Книга Митчелла Аболафии предлагает посмотреть на знаменитый мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. глазами тех, кто принимал критически важные решения, отразившиеся на работе рынков, на понимании его участниками всей глубины происходящего и поиске выхода из случившегося, то есть взглянуть на те события с точки зрения чиновников Федеральной резервной системы (ФРС) США. Книга представляет собой экскурс в историю заседаний Федерального комитета по операциям на открытом рынке (Federal Open Market Committee, FOMC) и ФРС США, на которых его постоянные представители стремились предвидеть условия надвигающегося финансового кризиса и найти благоприятное решение. Системный анализ собранных Аболафией этнографических материалов позволяет читателю познакомиться с тем, как осуществлялся «управляемый» выход из кризиса «управляющими рынка» и насколько этот процесс оказался в итоге глубоко политическим, социальным и культурным. Особое место в книге занимает процесс поиска решений, который определяется М. Аболафией как «выработка смыслов». Именно это, вкупе с механизмами создания и воспроизводства перформативных выводов и решений, характеризует то, как FOMC приходилось с самого начала формировать новые решения для ситуации, которая на первых порах рассматривалась в качестве типичной (исходя из опыта прошлых финансовых кризисов). В книге особое внимание уделяется механизмам преодоления неопределённости, трактуемым автором как «импровизация». В целом книга фокусирует внимание читателя на восприятии логики осмысления ситуации на рынке, роли «сигналов» и «эффектов», формирования системы аргументации чиновниками при принятии того или иного решения. Основные выводы книги заключаются в том, что технократический контроль, который прослеживался в работе FOMC, по ряду событий и «закулисных» действий во многом имел амбивалентный характер, поскольку у экспертов FOMC не было фактического

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

понимания всей глубины проблемы финансового кризиса, а устойчивые культурные паттерны относительно трактовки экономических изменений замедляли процесс, не позволяли реагировать на происходящее быстро. Таким образом, успешное преодоление кризиса и введение позитивных политических мер оказалось возможным благодаря преодолению самими членами FOMC и ФРС укоренённых представлений об экономике, а также в силу готовности реагировать на ожидания рынка.

Ключевые слова: перформативность; сигналы; мировой финансовый кризис; технический анализ; неопределённость; импровизация.

Введение

Прошло более 10 лет после завершения мирового финансового кризиса, случившегося в 2007–2008 гг. Он оставил яркий след в истории мировой экономики, как это происходило ранее с Великой депрессией в США. И по-прежнему является объектом особого внимания со стороны разных групп исследователей, которым необходимо проанализировать принятие решений в ситуациях аналогичных фундаментальных вызовов (например, в период пандемии COVID-19). Вопросы заключаются в том, *кто* играет ключевую роль в разрешении системных проблем, *как* осуществляется поиск наиболее обдуманных решений, *на каком уровне* проводится согласование и принятие таких решений. Отсылка к категории «решение» здесь неслучайна: многие исследователи (см., например: [Forseth, Røyrvik, Clegg 2023]) отмечают, что поведение рыночных, финансовых агентов в острой фазе мирового финансового кризиса и даже некоторое время спустя зачастую более соответствовало эмоциональным и «метафоричным» реакциям, нежели холодному расчёту. И если в случае с рыночными агентами это можно считать ожидаемым, то для государственных институтов, от которых во многом зависит направление работы экономических систем, является, пожалуй, нестандартным подходом. Агенты, принимающие государственные решения, могут обладать гораздо большей информацией, имеют больше институциональных возможностей для управления экономикой, финансами и другими сферами. Считается, что их решения должны быть взвешенными, иногда — научно обоснованными, порой — включающими «изыщные факты», необходимые для того, чтобы не ошибиться [Coombes, Thiemann 2022].

Но насколько агенты, функционирующие в рамках институтов государственного вмешательства в экономику, были способны чутко оценивать ситуацию в экономике, предвидеть какие-либо риски, быть в достаточной степени проактивными? История мирового финансового кризиса, равно как и пандемии коронавируса, открыла ещё один важный уровень анализа, основанный на понимании метафор, смыслов и сигналов, столь необходимых всем участникам событий для выработки единого вектора преодоления кризиса. Проблема коммуникационной власти, в своё время рассматриваемая рядом известных фигур (см.: [Castells 2013; Appadurai 2015]), позволяет погрузиться в проблему принятия решений. Перформативность такой коммуникационной силы оказала влияние на те решения, которые привели, с одной стороны, к завершению мирового финансового кризиса, а с другой — к медленному восстановлению, оценке причин и следствий, выработке новых правил поведения в схожих случаях. Именно вопросы о том, как вырабатывались правила трактовки событий и способы преодоления кризиса, легли в основу книги М. Аболафии «Stewards of the Market» («Управляющие рынком»). Содержание книги отличает отсутствие реального анализа эффектов принятых мер или расчётов последствий в терминах макроэкономических показателей. В то же время принятие директивных мер политическими институтами приводит к изменению макроэкономической статистики. В таком случае логично задаться вопросами: как принимались решения, в какой момент времени, что при этом учитывалось, а что нет? Речь идёт о событиях более чем 10-летней давности, поэтому сейчас о сути, процессе принятия решений можно судить только по вторичным данным. М. Аболафия предлагает уникальный кейс-анализ, основанный на транскриптах заседаний Федерального комитета по операциям на открытом рынке (Federal Open Market Committee, FOMC), что позволяет заглянуть в тот самый процесс анализа ситуации и про-

вести социологический анализ (описание) заседаний с разных сторон. На выходе получился не только исторический экскурс в спасение экономики, но и социокультурный анализ мотивов и аргументов, от которых зависела работа всей мировой экономики.

Личность автора книги играет ключевую роль. М. Аболафия — один из классических представителей этнографического подхода в экономической социологии. В его фокусе анализа — культурные особенности поведения агентов на финансовых рынках [Аболафия 2003]. Рынки как культурные пространства наполнены не только экономическими актами, но и содержательными смыслами, а также вербальными конструкциями, часть из которых имеет перформативный характер. Именно это последнее должно быть в постоянном фокусе внимания читателя для того, чтобы лучше понимать логику Аболафии на протяжении всей книги. Помимо этого, важно понимать, что М. Аболафия рассматривает кризисы, скорее, как условия, при которых определённые институциональные структуры (например, государство, банковская сфера, прочие отрасли) попадают не в фазу неопределённости и шока, а в ситуацию некоторой «борьбы» за определённые преференции или, по крайней мере, оптимальные стратегии [Смелова 2014].

В рецензии приводится системный взгляд на все восемь глав книги. Основное внимание уделяется тому, как ключевые участники FOMC пытались на протяжении всего периода мирового финансового кризиса (2007–2008 гг.) осмыслить происходящее, понять суть кризисных явлений и выработать политическое решение. Мы постараемся показать, какими вербальными конструкциями это достигалось (либо, наоборот, не достигалось в полной мере).

Что представляет собой объект исследования?

Книга разделена на восемь глав, каждая из которых представляет собой отдельный эпизод заседаний Федеральной комиссии по тому или иному событию. Очень важно для читателя введение, которое устанавливает аналитическую рамку исследования и где автор книги формулирует свою ключевую цель — «понять разворачивающуюся интерпретацию финансового кризиса самой ФРС» [Abolafia 2020: 2]. На первый взгляд может показаться, что здесь не наблюдается какой-либо серьёзной проблемы. FOMC, будучи одной из ветвей Федеральной резервной системы, обладает функциями контроля за макроэкономическими потоками для того, чтобы иметь возможность предугадать вероятное наступление кризиса. Однако автор начинает свою книгу с ассоциаций «Сюрприз. Путаница. Нащупывание пути», а также констатации «откровенного признания трудностей, связанных с интерпретацией <...> привычных ожиданий» [Abolafia 2020: 1], что становится фундаментальным набором перформативов для всей книги.

Во введении М. Аболафия даёт читателю рабочую рамку анализа, отражающую стремление автора к пониманию не самого кризиса и даже не самой неопределённости, с которой столкнулись члены FOMC, а поиск решений, обозначенных в тексте словом *sensemaking* («выработка смыслов»). Именно это понятие становится для Аболафии главной темой, поскольку *sensemaking* воспринимается и как социальный акт, и как социальный процесс, и в некотором роде как социальный институт, обосновывающий все описанные периоды и шаги, предпринимаемые участниками заседаний FOMC.

Заседания Федерального комитета по операциям на открытом рынке проводились каждые шесть месяцев — с августа 2007 г. по декабрь 2008 г. Исторически этот комитет, состоящий из наиболее авторитетных банкиров, политиков и представителей академического сообщества, опирается на конвенциональные методы регулирования экономики, включающие научно обоснованные подходы, «привычные» монетарные инструменты и проч. Аболафия называет их тремя моделями контроля за денежной массой: (1) рыночный контроль (ФРС регулирует рынок для предотвращения массового банкротства

фирм); (2) бюрократический контроль (ФРС должна оставаться независимым институциональным органом, однако впоследствии её внимание было обращено в сторону фискальной политики, предполагающей взаимодействие с бюджетом страны); (3) технократический контроль (одной из задач ФРС стала интенсивная работа по мониторингу ситуации на финансовом рынке, чтобы предлагать «технократические», основанные на качественной экспертизе решения и регулирование). Основная мысль сводится к тому, что ФРС необходимо рассматривать в качестве, с одной стороны, «ночного сторожа» финансовой системы, а с другой — «ястреба», но обладающего некоторыми особенностями. Эти качества проявились за время эволюции данного политического института.

Так или иначе, в каждой главе приводится краткое описание фундаментальных принципов работы ФРС, что позволяет понять суть модели монетарного управления. При этом та информативность, «аура технической рациональности, окружающая Центральный банк, — пишет Аболафия, — скрывает границы рациональности — политического процесса, основанного на наборе инструментов, концепций и практик, которые, что неудивительно, имеют когнитивные, информационные и эпистемологические ограничения» [Abolafia 2020: 7]. М. Аболафия оперирует транскриптами 15 заседаний FOMC, содержащими экспертные нарративы и решения, принимаемые Федеральным комитетом, состоящим из представителей крупнейших банков и научного сообщества под председательством Бена Бернанке. В результате продуцировалась та самая «техническая рациональность» комитета и принимаемые ими решения. Собранные данные позволяют объяснить процесс преодоления финансового кризиса с позиции финансовых технократов и показать, как неопределённость «определяла» их рациональные шаги и логику анализа ситуации. М. Аболафия применяет стратегию качественного контент-анализа транскриптов заседания, чтобы определить настроения комитета и их оценку ситуации финансового рынка.

(Не)уверенность в (не)предвиденной неопределённости

Названия первых двух глав книги символичны: «Нет хрустального шара: август 2007» («No Crystal Ball») и «Очертания сомнений: сентябрь — декабрь 2007» («Textures of Doubt: September–December 2007»). В этих главах М. Аболафия анализирует первые транскрипты заседаний комитета в августе 2007 г. Ряд исследователей отмечают, что первые события будущего финансового кризиса возникали еще в первой половине 2007 г., когда ряд хедж-фондов² стали не справляться со своими обязательствами и многие финансовые агенты начали терять свою ликвидность и надёжность [Fender, Geyntelberg 2008]³. Один из примеров такой непредвиденности — фонд Freddie Mac, который перестал приобретать существующие на рынке ипотечные кредиты и не смог дальше выполнять финансовые обязательства. Позднее ряд других аналогичных контрагентов объявили о своей несостоятельности, что «потянуло» за собой другие сферы фондового рынка, в том числе чувствительные для государства [Dabrowski 2008]. Череда «неопределённых» по потенциальным масштабам потерь на рынке, в том числе в особо чувствительной сфере строительства, привела к объявлению очередного собрания FOMC в августе 2007 г.

В транскриптах фразы экспертов отражают усиление опасений в отношении стабильности экономики, что подтверждается, например, фразами Р. Дадли, представителя FOMC: *«проблемы с субстандартным ипотечным кредитованием сохраняются и усиливаются»; «корпоративный кредит заражён»*. Итоговым решением комитета становится тактика наблюдения, дальнейшей оценки ситуации: «Буду-

² Хедж-фонд — специализированный финансовый инвестиционный институт, направленный на максимизацию прибыли в тех сферах, где минимален риск потери инвестиций. Фактически это страховой фонд для инвестиций.

³ Специфика фондового рынка США на тот момент заключалась в том, что наиболее частые сделки были связаны с приобретением жилья в ипотеку, зачастую с помощью специализированных инструментов страхования таких кредитных сделок (кредитных дефолтных свопов), но накапливаемая «критическая масса» таких сделок вела к предпосылкам системного коллапса, что в литературе имеет ёмкий термин «банкинг на словах» [Appadurai 2015]. Подобная проблема возникла позднее на рынке недвижимости в Китае (на примере банкротства крупнейшего девелопера Evergrande) [Almeida et al. 2022].

щие корректировки политики будут *зависеть от перспектив инфляции <...> поступающей информации»* [Abolafia 2020: 3]. Концепция перформативности позволяет объяснить связь между некоторыми речевыми актами и последующими институциональными решениями [Reed 2013]. Был необходим поиск действенных «сигналов», чтобы попытаться выйти из фазы глубокой неопределённости. Аболафия задаётся вопросом, как FOMC принимает оценку текущей ситуации и что понимается под неопределённостью, поскольку крахи финансовых институтов происходили нечасто, а спекуляция на рынке тем временем усиливалась. Ссылаясь на прошлый опыт, участники совещания стремились продуцировать понимание будущего посредством поиска значимых «сигналов» в экономике [Esposito 2013]. Достигалось это путём поиска содержательных сигналов *во время обсуждения* (например, апелляция к заголовкам новостей, макрофинансовым показателям, приводя аналогии объяснения ситуации как «заражение» или «паника») либо между заседаниями. Перформативными становились такие сигналы, как возможная «переоценка риска» и вопросы «потери доверия инвесторов». Оба сигнала становятся конкурирующими конструктами, победа каждого из них усиливает неопределённость и может привести к краху системы. Эти опасения объяснят крайнюю медлительность комитета ФРС на первых порах⁴.

Проблема также заключается в том, на какие фундаментальные «подсказки» (*cues*) ориентируется совет комитета для оценки ситуации. Эволюция ФРС привела к тому, что основу совета составляют агенты, имеющие экономическое образование, то есть научно-фундаментальный бэкграунд. Оценки основаны на представлениях о саморегулирующемся рынке, монетарных механизмах, способствующих упреждению высокой инфляции. Участники ФРС должны основываться на опыте предшествующих кризисов и коллапсов, в результате которого формулируются не только консенсусы, но и *математически моделируемые паттерны*. Однако, пишет Аболафия, «политики должны учитывать не только экономику ситуации, но и психологию рынка» [Abolafia 2020: 25]. Последнее становится прообразом «хрустального шара», содержащим предпосылки и факторы, а также метафоры и консенсусы, позволяющие выработать единую *политическую позицию*. И на первых порах такая позиция была установлена как «тактика выжидания»: местные отделения центральных банков США преодолевают безработицу, падение ВВП и рост инфляции, в то время как рыночные агенты должны восстановиться и адаптироваться к ситуации. Метафора «хрустального шара» становится ориентиром, на который Федеральный комитет опирается в процессе наблюдения за дальнейшим развитием событий (или, используя слова Дж. Йеллен, придерживаться «логики целесообразности») и дать более ясное понимание, на какие рычаги монетарной политики нажимать, какие сигналы рынку посылать. В качестве такого рычага выбрана *инфляция*, которая FOMC воспринималась как удовлетворительная.

Во второй главе М. Аболафия конструирует логику «сомнения», которое сложилось в III и IV кварталах 2007 г.: «Даже самые сложные доступные эконометрические модели не отражали последствий того, что происходило на кредитных рынках» [Abolafia 2020: 30]. Фактически в этой главе автор постулирует неспособность FOMC объяснить изменения рынка классическими инструментами прогнозирования. В реальности «хрустального шара» уже не было: макрофинансовые показатели не отражали должным образом реальную ликвидность фондового рынка; «заражение» рынка вирусом финансового коллапса продолжалось. Следующими перформативными категориями становятся *гипотезы* и *модели*, которые опираются на большой и всеобъемлющий поток данных, но на деле «просто не учитывали изменения на финансовых рынках» [Abolafia 2020: 31]. В результате множества двусмысленных сигналов и ожиданий члены комитета оказываются неспособными формировать однозначную картину. Усиливает

⁴ Баланс между уверенностью и неуверенностью, предвиденными и непредвиденными последствиями ухудшает проблема кредитно-рейтинговых агентств (Standard & Poor's, Fitch, Moody's) и СМИ, которые можно было бы назвать лучшей иллюстрацией метафоры «хрустального шара», поскольку их обзоры, аналитики и прогнозы обеспечивают возможность контроля за работой финансовой системы и предотвращения возможного кризиса. Наличие несистемного и непредвиденного коллапса ряда крупнейших фондов ставило вопрос надёжности их рейтинговых оценок, что усиливало недоверие и более спекулятивные операции, основанные на эмоциях [Pixley 2002].

двусмысленность продолжавшийся на тот момент отказ от обязательств финансовых институтов других стран (BNP Paribas, Northern Rock). Гипотеза «заражения», высказанная на первом заседании и отражающая фактические события, перестаёт отвергаться, но не занимает ключевую роль. Разрозненная информация становилась источником конкурирующих гипотез (и потенциалом к конфликтам между участниками комитета). Для разрешения сомнений в оценке ситуации FOMC применял несколько подходов. Первым являлась атрибуция надёжности и обоснованности экономических данных. Одним из выделенных перформативов становилось снижение учётной ставки ФРС (ставки процента) до 4,75 п. п. Её оформление в нарративах членов комитета означало потенциал ввода в работу конвенциональных рычагов коррекции ситуации. Находились логики обоснования, заимствованные из существующей экономической теории, моделей с целью продуцировать «страховку» от возможных рисков⁵, к которым относилась и недостаточная информированность участников обсуждения. Двусмысленность экономических прогнозов и аналогичная двусмысленность ожиданий рыночных агентов усиливали перформативность *риска*. Апелляция к культурным конструкциям (неформальным нарративам вне заседаний FOMC) позволяла строить новую логику аргументации взамен ненадёжной статистической.

Выработка смыслов разрешения кризиса: триггеры и импровизация

Третья и четвёртая главы книги («Момент обучения? Январь 2008 г.» и «Импровизация в условиях кризиса ликвидности: март 2008 г.») посвящены следующей стадии работы Федерального комитета в качестве инструмента противодействия кризису — переходу от состояния неопределённости к выработке путей решения осознаваемой проблемы. В истории 2008 г. запомнился крахом ряда системообразующих кредитных организаций в банковском секторе США. Одним из эпохальных и запомнившихся событий стало так называемое дело Lehman Brothers, чьё банкротство заметно повлияло на «турбулентность» финансового сектора не только США, но и других стран. В масс-медиа нередко возникали отсылки к банкротству инвестиционного банка Bear Sterns, в отношении которого применялись институциональные меры реагирования в виде приобретения обесценивающегося актива другой кредитной организацией [Grove, Patelli 2013]. Все эти обстоятельства были предопределены тем, что FOMC стремился предотвратить сваливание финансовой системы в неуправляемую неопределённость, задействуя такой инструмент монетарной политики, как снижение учётной ставки до 4,5 п. п. (впоследствии до 4,3 п. п.). Разбирая транскрипт заседания в конце января 2008 г., М. Аболафия интерпретирует нарративы как попытку выработки советом Комитета новой теоретической и аналитической конструкции на основе информации, *поступающей с рынка*, где формулировались признаки *рецессии* и *паники*. Наиболее интересным является то, как Аболафия обозначает акцент на употреблении слова «кризис»: по его мнению, инициация употребления этого термина Беном Бернанке означала институциональное и культурное оформление *кризиса* как опорной категории, свидетельствующей в пользу всей глубины негативных тенденций, требующих решительной реакции⁶ — «разблокировки» социальных и институциональных барьеров для оценки ситуации и членами комитета, и рыночными агентами. Фактически речь шла о том, что на протяжении полугода поведение FOMC характеризовалось не столько как проявление неопределённости, сколько как попытка легитимации каждого слова в речи, которое *автоматически* имело перформативное значение. Движение от идеи «предпочтительных ожиданий» в сторону «фактической реальности» усиливал тезис «заражения» финансовой системы кризисными интервенциями, что лишний раз подтверждает выводы многих исследователей о дальнейшем

⁵ Особое внимание Аболафия уделяет «моральному риску», который представляет собой оценку вероятности того, что инвесторы воспримут ФРС как спасителя тех, кто несёт наибольшую ответственность за кризис. Если бы действия ФРС по снижению процентных ставок были истолкованы таким образом, это могло бы увеличить риски и проблемы на финансовых рынках.

⁶ «Рынки акций сами по себе не являются нашей целью, но снижение цен на акции разрушает богатство. Я думаю, что они представляют собой симптомы, как Вы отметили, г-н председатель, страха и снижения уверенности в том, куда движется эта экономика» [Abolafia 2020: 52].

включении перформативных сигналов в медиа-пространстве как стимуле к усилению паники на рынке [Boomgaarden et al. 2011]. В связи с этим регулирование подачи подобных сигналов требовало определённых усилий и консенсуса, а главное — постоянного просчитывания возможных рисков и последствий.

Именно это последнее (просчитывание возможных рисков и последствий) олицетворяет содержание третьей главы: основные опасения членов комитета были связаны с оценками реакции рынка на новые решения и инициативы, которые будет предлагать ФРС, и вызваны глубоко укоренившимся культурным стереотипом о предназначении денежно-кредитной политики не для «спасения финансовых рынков, а для стабилизации экономики в целом» [Abolafia 2020: 54]. Далее М. Аболафия описывает «обучение» как попытку членов комитета в ходе встречи применить разнообразные данные, обрабатываемые вне заседаний, для формирования новых директив и поддержания статус-кво. Происходило то, что указывало на переоформление перформативных сигналов как триггеров для рынка, которые активно подхватываются его участниками [Ahrens, McMahon 2021]. Существенную деструктивную роль вносили статистические модели, не учитывавшие потрясения на финансовых рынках и то, как они могут повлиять на экономику в целом. Это означало, что переменные, используемые в моделях (триггеры и сигналы с рынка), не давали уверенности, что всевозможные факторы были учтены для построения качественных ожиданий. Суть обучения заключалась в том, чтобы выработать стандартизацию понимания ситуации и синхронизировать вырабатываемые логики с некоторыми нормами, продолжая разрушать гипотезу успешного выхода из рецессии. В дальнейшем Аболафия возвращается к этой логике, называя подобный набор актов «импровизацией», возникавшей тогда, когда стало наблюдаться повышенное количество противоречивых сигналов с рынка, где распространение кредитного «вируса» находило отражение и в потребительском секторе. «Использование конкурирующих и противоречивых сигналов, как статистических, так и случайных, предполагает, что переход к кризису — это момент, когда порядок и беспорядок сопоставляются» [Abolafia 2020: 59]. Стремление участников рынка и, в особенности, членов FOMC выстроить научно обоснованную аргументацию происходящего продуцировало противоречия в том, как именно работала на тот момент экономика и как реагировали на любые рыночные изменения все стороны. Парадокс, выявленный Аболафией, заключается в том, что действия и решения ФРС оказывались, скорее, не экономическими, а социально-детерминированными, поскольку вербальные сигналы и наличие (отсутствие) политических действий становились фактическим экономическим решением: «Бернанке утверждал не только то, что ФРС несёт ответственность за поддержание экономической стабильности, но и то, что для выполнения этого мандата ФРС *необходимо убедить рынки в том, что она понимает проблему и готова действовать*» [Abolafia 2020: 67].

Положение ФРС становится «со стороны» достаточно обособленным: являясь продуктом государственных институтов (Конгресса США), действия членов оказываются сильно укоренёнными, встроенными в систему рыночных сигналов, как это происходит на фондовых биржах. Рассматриваемое в четвёртой главе экстренное заседание комитета в марте 2008 г. олицетворяет его «импровизацию». Новым культурно укоренённым паттерном в материалах дискуссии становится отслеживание изменений на рынке, в первую очередь на кредитном. Именно в этот период начались проблемы у Bear Sterns. Акцентирование внимания на показателях снижения акций (что является «здоровым» проявлением работы американской экономической логики [Дор 2008]) можно характеризовать в терминологии Аболафии не столько как проявление «спиритуального ритуализма» в условиях неопределённости, сколько как редукцию к научным основаниям. *Риски* попадают в дискурсивное пространство нарративов членов FOMC. В условиях страха перед таким негативным «тотемом» ФРС начинает акт «импровизации»⁷ в виде предоставления страховых своп-линий Европейскому центральному банку и создания механизма

⁷ Часть главы посвящена «Изречению [Уолтера] Бэдджота» — британского публициста, журналиста и бизнесмена XIX века, который считал, что центральный банк страны должен репрезентировать себя в статусе «кредитора последней инстанции». По сути, предоставляя возможность оказания максимального воздействия на панический рынок, Б. Бернанке и некоторые другие члены FOMC опирались на данную идею, принимая её в качестве операционной модели.

срочных кредитных линий (Term Securities Lending Facility), который подразумевал «втягивание» пяти крупнейших инвестиционных банков и 15 коммерческих в процесс «спасения» более слабых путём немедленного предоставления ценных бумаг Казначейства США (Treasury Securities). Фактически при помощи нормативных актов ФРС получила статусную идентичность «Банка спасения», способного выдавать ликвидные средства в качестве элемента неотложной помощи. Эта роль имела не столько технократический, сколько политический характер, поскольку подобная стратегия не применялась со времени Великой депрессии. При формировании аргументированной логики представители FOMC опирались на ситуативность и идею «управляемой неопределённости», при которой включение ФРС в нестандартные для неё роли оказывались вполне обоснованными. «Таким образом, проблем с ликвидностью и платёжеспособностью среди первичных дилеров было достаточно, чтобы определить ситуацию как кризис, серьёзный разрыв в нормальных условиях» [Abolafia 2020: 75].

Ещё одним элементом импровизации, также имеющим перформативный характер, является отсылка к «телефонным марафонам», за счёт которых решалась проблема с Bear Stearns, оказавшимся в стремительной долговой яме из-за «некачественного» кредитного портфеля⁸. Таким образом, Аболафия констатирует, что «экономическая логика не является единообразной, а представляет собой набор обоснований для организации действий. Участники используют эти обоснования выборочно, как один из инструментов в наборе» [Abolafia 2020: 93].

Вариативность логики решения проблемы как источник кризиса легитимности

События весны 2008 г. отражают поведение ФРС как «банка спасения». «Тушение пожара» изменением ключевой ставки трактуется как временное решение, но простое «отслеживание» действий по логике монетарной политики оказалось риском. Наиболее ярким решением «государственного вмешательства в экономику» стало задействование специальной поправки, разрешающей осуществлять срочное предоставление кредитных линий наиболее сильным банкам. Это рассматривалось в качестве *действенного решения*, понятного и ФРС, и участникам событий. Подобные действия М. Аболафия характеризует в первую очередь как *сигналы, триггеры*. Большинство членов Федерального комитета опасались неверной оценки их действий и решений. Механизм поддержки как «последней надежды» выглядит убедительным ориентиром для любых новых *аналогичных ситуаций*.

Главы 5 и 6 посвящаются оценке последствий принятого шага (спасения Bear Stearns через вливание денег и помощь со стороны JP Morgan). Однако такое сильное с политической точки зрения решение не нашло поддержки у всех членов FOMC. В главе 5 «Contested Frames / Competing Logics: April — August 2008» («Спорные фреймы, или Конкурирующая логика: апрель — август 2008 г.») М. Аболафия анализирует заседания комитета, прошедшие в апреле — августе 2008 г. Он отмечает в нарративах комитета переход к следующей стадии борьбы с кризисом — к оценке предпринятого шага. На протяжении первой половины года комитету приходилось буквально «на ходу» выработать спорные решения, поэтому оставались те, кто сомневался в их верности. Однако ведущим шагом становится *адаптация к рискам*: члены FOMC не ожидали, что рыночные агенты не смогут воспользоваться конъюнктурными условиями, «что рациональность и собственные интересы фирм не возобладают над наблюдаемым рискованным поведением и не восстановят равновесие» [Abolafia 2020: 110]. Дискурс *риска* оставался в фокусе речей, поскольку результаты спасения Bear Stearns больше напоминали вливание денежных средств, нежели равномерный анализ ситуации. Несмотря на наличие фактической модели поведения, необходимой рынку для самостоятельного преодоления неопределённости, возрастёт роль *системного риска*. Это становится некоторой новой оценкой ситуации, ещё не характеризующей логику *кризиса*,

⁸ По такому механизму банк Bear Stearns был куплен JP Morgan после предоставления кредитной линии с одобрения ФРС. При этом, как отмечает М. Аболафия, Bear Stearns лишь входит в пятёрку крупнейших инвестиционных банков, не являясь при этом самым крупным. Однако его стремительное падение фактически произвело «эффект домино».

но подчёркивающей тот факт, что несмотря на противоположные логики поведения (государство предполагает своё вмешательство для того, чтобы остановить панику, в то время как рынок сопротивляется этому, поскольку считает себя достаточным для саморегуляции), совету ФРС приходится их обсуждать одновременно, порождая при этом конкурирующие логики давления на рынок и финансовую систему. «Постоянная модель использования фреймов среди некоторых членов предполагает, что они более или менее сильно идентифицируют себя с фреймом и лежащей в его основе логикой» [Abolafia 2020: 114].

Выработанный ранее паттерн спасения системообразующего банка можно считать результатом эффективных договорённостей FOMC, но не полного принятия со стороны рынка соответствующих ожиданий и взглядов. И в этом плане содержание шестой и седьмой глав, посвящённых краху банка Lehman Brothers, свидетельствует о крутом повороте в институционально и культурно принятых фреймах. Несмотря на наличие декларативных триггеров, реакции со стороны рынка и выработанной стратегии преодоления возможной неопределённости, ни рынку, ни ФРС не удалось аналогичным с Bear Stearns образом спасти Lehman Brothers. Причина была в том, что работа ряда «винтиков» организационной системы (в данном случае $\frac{3}{4}$ банка) не была в полной мере известна публике, что скрывало и момент начала негативных тенденций, и размер будущей катастрофы [Dodd, Rom-Jensen 2017]. Основной проблемой стало ещё и неспособность двух систем — рынка и государства (в лице ФРС) — находить качественные точки соприкосновения в момент кризиса. Присущие крупным организационным формам бюрократические торможения и задержки в принятии критически важных решений, равно как стремление СМИ интенсивно информировать рынок об этом, усиливали фундаментальную сущность американской экономики — веру в *свободу рынка* и возможности сильнейших преодолеть этот кризис. «Неудивительно, что политическая заинтересованность в поддержке финансовой помощи была незначительной, учитывая враждебность средств массовой информации <...> потенциальное спасение Lehman Brothers изображалось как несправедливый и плохой пример для других фирм» [Abolafia 2020: 124]. Таким образом, отмечает М. Аболафия, импровизация в управлении рынком во вторую волну крушения финансовой системы была прервана, несмотря на наличие трех рабочих планов выхода из ситуации, в которую попал Lehman Brothers. Государственное вмешательство, имеющее на тот момент рационально обоснованную логику поведения, столкнулось с социальными эффектами и последствиями, выступившими в роли институциональных ограничителей: «Кризисные менеджеры ФРС не думали, что рынок приспособится к провалу <...> Средства массовой информации и политическая среда предоставили разные сигналы и конкурирующую версию» [Abolafia 2020: 127].

Сигнальные жесты для преодоления рисков в условиях амбивалентности

В последних двух главах книги («Учёт кризиса легитимности: сентябрь 2008 г.» и «Обучение после Lehman: сентябрь — декабрь 2008 г.») М. Аболафия описывает своеобразный «постэффект» от череды сначала удачных и политически взвешенных решений, а затем уже провальных. Наличие новой системы координат, в которой легитимность решений и перформативность выводов членов FOMC ставится под сомнение *участниками рынка*, характеризуется словами Р. Фишера как «взрыв экономической активности <...> мы находимся в тяжёлом положении» [Abolafia 2020: 137]. Фактически, к сентябрю 2008 г. сформировался устойчивый переход от перформативного слова «риск» к слову «паника». Возросла неопределённость, и прошлые «скрипты» перестали работать. Нарративы заседания FOMC предполагают уже проявление крайней степени неуверенности в прогнозировании последствий «взрыва». Логика «паузы», рассматриваемая ещё в первых ключевых заседаниях августа 2007 г., снова возобладала как наиболее рациональная. «Некоторые члены утверждали, что интервенции ФРС сами по себе создают нестабильность и мешают рынкам восстановиться» [Abolafia 2020: 140], а любые новые меры вокруг монетарной политики могут привести к большей рассинхронизации.

В результате FOMC принимает «старый» паттерн, предполагающий новый вариант обучения на полученных данных, которые носили для консенсусного решения, скорее, аномальный характер. В основу нового решения очередной волны кризиса легла не «технократическая» логика, а более институциональная (политическая): вместо простой инициации финансовых действий либо законодательных инициатив члены ФРС принимают решение применять стратегию подачи «сигналов» и «триггеров» в рыночное поле для получения оперативного ответа и возможной корректировки своих стратегий. Одним из таких триггеров становится снижение ключевой ставки почти до нулевого значения (проявление механизмов монетарной политики, что является неотъемлемой составляющей ФРС как института): «Идея заключалась в том, что установление чётких ожиданий в отношении политики ФРС повысит рациональность действий участников рынка» [Abolafia 2020: 148]. Конец 2008 г. ознаменовался констатацией членами FOMC того факта, что рынок находится в фазе реальной рецессии с отсутствием проявлений выраженной мотивации со стороны рыночных агентов к самостоятельному преодолению проблем. ФРС снова действует в логике «инстанции спасения, что в результате способствовало выходу американской финансовой системы из фазы шока к росту.

О чём все-таки была эта книга?

Внимательное чтение каждой главы вознаграждается системой выводов, которые представляет М. Аболафия в заключительной, восьмой главе («Пафос и ирония технократического контроля»). Из неё становится понятно, что последовательная интерпретация транскриптов заседания ФРС и FOMC должна помочь читателю понять особый «пафос технократического контроля»: институциональные агенты, занимающие в некоторой социально-экономической системе особое положение (при этом имея политические возможности для непосредственного вмешательства в экономику), по факту оказались в 2007–2008 гг. в положении, аналогичном рыночным агентам. Поначалу наблюдалась фаза предварительной оценки ситуации, затем — быстрой оценки ситуации (с попыткой осмысления всех факторов и оценки риска) и «отрицания» факта негативных тенденций, после чего — фаза решительной импровизации для «спасения» ситуации, фаза столкновения с некоторой «рыночной реальностью» и фаза обучения на пройденных ошибках и просчётах. Особую роль в переходе из одной фазы в другую играла статусная идентичность членов ФРС — экспертов, имеющих научный и профессиональный бэкграунд, владеющих знанием об исторической ретроспективе предшествующих кризисов и устройстве экономической теории. Фактически Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. имел некоторое, скажем так, культурно-экономическое значение: он должен быть «похож» на предшествующие экономические кризисы, но на самом деле оказался совершенно иным. Это хорошо подчёркивают, пожалуй, тезисы Аболафии о том, что «отдельные эксперты тоже люди, и ошибочность экономической теории не должна вызывать удивления» [Abolafia 2020: 154], и тот факт, что ФРС не смогла продемонстрировать в полной мере свою автономность как институциональная структура, что отражалось в настроениях Уолл-стрит и мировых экономиках. «Пафос» заключался в том, что «им была дана великая власть в силу их экспертизы. Но этого опыта было недостаточно, чтобы одержать верх над сложными событиями» [Abolafia 2020: 155]. Несмотря на возможности анализа всей макроэкономической информации, формирования новых решений «на ходу», за их действиями постоянно оставалась тень, имеющая политическую и социальную природу, — постоянная борьба между рациональными и взвешенными решениями и реакциями со стороны общественности, которая считается наилучшей категорией *кризиса*, поскольку различные агенты (не только финансовые или экономические игроки, но и институты СМИ, населения в целом) могли не в полной мере ориентироваться на те решения, которые *небольшой группе экспертов казались наиболее безопасными и грамотными*. Перформативная суть импровизации проявлялась уже в том, чтобы не столько бороться с кризисом научным обоснованием, сколько управлять сигналами, вводить собственные, получать и принимать в расчёт внешние. Также было выявлено, что ФРС руководствовалась не всеми параметрами («переменными»), отчего её картина ситуации на рынке если не искажалась, то, по крайней мере, «задерживалась» на определённый период времени.

М. Аболафия, безусловно, уделяет внимание и культуре как таковой. Он показывает, как осуществлялось непосредственное управление ситуацией с помощью нарративов и тезисов, какие выводы вообще попадали в публичный дискурс. Эксперты FOMC, глубоко укоренённые в системе экономической теории, обладающие богатым практическим опытом, а также доступом к различной информации, на деле могут формировать свои оценки реальной ситуации исходя из абстрактных индикаторов и «предпочтительных теорий» либо положений (что проявлялось, например, в нежелании институционализировать в дискурсе образ *кризиса* или *рецессии*). Эта степень «отстранённости», вкупе с приверженностью идее саморегулирующихся рынков, ставила со стороны рынка вопрос фактического доверия как ФРС, так и FOMC, в том числе — их инициативам. Анализ ситуации вокруг Bear Stearns и Lehman Brothers показал амбивалентность потенциала ФРС, которая, основываясь на «успешном» кейсе, попыталась решить «аналогичную», как казалось, проблему одними и теми же методами.

В целом книга оставляет особые впечатления. Во-первых, это одна из немногих работ, которая на достаточно большом этнографическом материале рассматривает предельно узкий объект и предмет исследования. Многочисленные работы на данную тему апеллируют уже к постэффектам, в то время как Аболафия рассматривает *непосредственный контекст*, не касаясь периода, наступившего после 2008 г. Во-вторых, анализ транскриптов протоколов заседаний FOMC позволяет воспринимать их в качестве *объективированного знания*, где каждое слово имеет свою перформативную роль. М. Аболафия предоставляет лишь один из векторов интерпретации этих речей, попутно разбирая некоторые культурологические акценты. В-третьих, в книге показана серия эпохальных событий, связанных с банкротством Fannie Mae, Freddie Mac, Bear Stearns, которые зачастую не попадали в сводки международных новостей, но стали фактическими «триггерами» развития рецессии не только в США, но и во всем мире.

Обращение к этой книге отличают некоторые сложности, связанные с не очень стройной и последовательной логикой «большого нарратива», который делится на вводные замечания, сам материал исследования и приложения. Чтение такого текста требует уточнений или отсылок к альтернативным исследованиям (преимущественно экономическим или социологическим), чтобы понять реальные масштабы негативных событий и того, как крах банков *реально влиял* на макрофинансовые показатели. М. Аболафия работает непосредственно с материалом заседаний, а также с некоторыми комментариями экспертов FOMC вне этих заседаний. Внимание читателя фактически акцентируется на анализе наиболее ярких отрывков обсуждений, на отсылках к «импровизированным» способам коммуникации и осуществлению *sensemaking*. В какой-то степени читателю также потребуется осуществлять *sensemaking*, чтобы лучше понять особенности действий членов ФРС.

Тем не менее представленная книга важна как особый фреймворк, имеющий потенциал к переносу (например, в российский контекст) для анализа кризисных событий последних лет и реакции некоторых институтов на этот процесс.

Литература

- Аболафия М. 2003. Рынки как культуры: этнографический подход. *Экономическая социология*. 4 (2): 63–72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204948/ecsoc_t4_n2.pdf#page=63
- Дор Р. 2008. Различия японской и англо-саксонской моделей капитализма. *Экономическая социология*. 9 (1): 65–78. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=65
- Смелова А. А. 2014. Экономическая социология финансового кризиса. *Теория и практика общественного развития*. 2: 104–108.

- Abolafia M. 2020. *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 224 p.
- Ahrens M., McMahon M. 2021. Extracting Economic Signals from Central Bank Speeches. In: *Conference Proceedings. Third Workshop on Economics and Natural Language Processing*. November, 2021. Punta Cana, Dominican Republic: Association for Computational Linguistics; 93–114.
- Almeida D. et al. 2022. A Giant Falls: The Impact of Evergrande on Asian Stock Indexes. *Journal of Risk and Financial Management*. 15 (8): 1–14.
- Appadurai A. 2015. *Banking on Words: The Failure of Language in the Age of Derivative Finance*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boomgaarden H. G. et al. 2011. Covering The Crisis: Media Coverage of the Economic Crisis and Citizens' Economic Expectations. *Acta Politica*. 46: 353–379.
- Castells M. 2013. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.
- Coombs N., Thiemann M. 2022. Recentring Central Banks: Theorizing State-Economy Boundaries as Central Bank Effects. *Economy and Society*. 51 (4): 535–558.
- Dabrowski M. 2008. The Global Financial Crisis: Causes, Anti-Crisis Policies and First Lessons. *CESifo Forum; ifo Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München, München*. 9 (4): 28–32.
- Dosdall H., Rom-Jensen B. Z. 2017. Letting Lehman Go: Critique, Social Change, and the Demise of Lehman Brothers. *Historical Social Research*. 42 (3): 196–217.
- Esposito E. 2013. The Structures of Uncertainty: Performativity and Unpredictability in Economic Operations. *Economy and Society*. 42 (1): 102–129.
- Fender I., Gyntelberg J. 2008. Overview: Global Financial Crisis Spurs Unprecedented Policy Actions. *BIS Quarterly Review*. 13 (4): 1–24.
- Forseth U., Røyrvik E. A., Clegg S. 2023. Naturalizing, Normalizing and Neutralizing: Metaphors Framing the Global Financial Crisis in Nordic Banks. *Culture and Organization*. 29 (2): 157–174.
- Grove H., Patelli L. 2013. Lehman Brothers and Bear Stearns: Risk Assessment and Corporate Governance Differences. *Journal of Accounting and Economics*. 34 (1): 611–620.
- Pixley J. 2002. Finance Organizations, Decisions and Emotions. *The British Journal of Sociology*. 53 (1): 41–65.
- Reed I. A. 2013. Power: Relational, Discursive, and Performative Dimensions. *Sociological Theory*. 31 (3): 193–218.
- Thiemann M. 2022. Growth at Risk: Boundary Walkers, Stylized Facts and the Legitimacy of Countercyclical Interventions. *Economy and Society*. 51 (4): 630–654.

NEW BOOKS

Stanislav Pashkov

“Performative Decisions in Conditions of Systemic Uncertainty”: How the US Federal Reserve Sought Solutions During the Global Financial Crisis of 2007–2008

Book Review: Abolafia M. Y. (2020) *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 224 p.

PASHKOV, Stanislav —

Lecturer, Department of Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: spashkov@hse.ru

Abstract

Mitchell Abolafia's book offers an in-depth analysis of the famous Global Financial Crisis of 2007–2008. The book examines how the critical decisions made by officials of the US Federal Reserve System affected the operation of markets, the understanding of its participants of the full depth of the crisis, and the search for a way out of the current problem. The book delves into the history of the meetings of the Federal Open Market Committee (FOMC) and the US Federal Reserve, at which its permanent representatives tried to anticipate the conditions of the impending financial crisis and find a favorable solution.

A systematic analysis of the ethnographic materials collected by Abolafia allows the reader to trace how the “managed” exit from the crisis was carried out by “market managers,” and how this process ultimately turned out to be deeply political, social and cultural. The book places a significant emphasis on the process of “searching for solutions,” which is defined by M. Abolafia as “sensemaking.” It is this, coupled with the mechanisms for creating and reproducing performative conclusions and decisions, that characterizes how the FOMC had from the very beginning to find new solutions to a situation that at first was considered as typical, based on the experience of past financial crises. The book pays special attention to mechanisms for coping with uncertainty, formulated in terms of “improvisation,” something that becomes uncharacteristic of the FOMC. In general, the book focuses on the logic of understanding of the market situation, the role of “signals” and “effects,” and the development of a system of argumentation by officials when making decisions. The main conclusion of the book is that the technocratic control that was traced in the work of the FOMC, over a number of events and “behind-the-scenes” actions, was largely ambivalent in nature, since the FOMC experts did not have a factual understanding of the financial crisis. The book argues that stable cultural patterns served as interpretations of economic changes, which in turn slowed down the process of rapid response. Thus, the successful navigation of the crisis and the implementation of positive policy measures were possible thanks to the overcoming by the members of the FOMC and the Federal Reserve of their entrenched ideas about the economy, as well as their willingness to respond to market expectations.

Keywords: performativity; signals; global financial crisis; technical analysis; uncertainty; improvisation.

Acknowledgements

The results of the project “Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks,” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in this work.

References

- Abolafia M. (2003) Rynki kak kul'tury: etnographicheskiy podkhod [Markets as Cultures: An Ethnographic Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 2, pp. 63–72. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204948/ecsoc_t4_n2.pdf#page=63 (accessed 21 January 2024) (in Russian).
- Abolafia M. (2020) *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ahrens M., McMahon M. (2021) Extracting Economic Signals from Central Bank Speeches.: *Conference Proceedings. Third Workshop on Economics and Natural Language Processing*. November, 2021. Punta Cana, Dominican Republic: Association for Computational Linguistics, pp. 93–114.
- Almeida D., Dionísio A., Haque M. E., Ferreira P. (2022) A Giant Falls: The Impact of Evergrande on Asian Stock Indexes. *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, no 8, pp. 1–14.
- Appadurai A. (2015) *Banking on Words: The Failure of Language in the Age of Derivative Finance*, Chicago: University of Chicago Press. 176 p.
- Boomgaarden H. G., Spanje J. van, Vliegthart R., Vreese C. H. de (2011) Covering the Crisis: Media Coverage of the Economic Crisis and Citizens' Economic Expectations. *Acta Politica*, no 46, pp. 353–379.
- Castells M. (2013) *Communication Power*, Oxford: Oxford University Press.
- Coombs N., Thiemann M. (2022) Recentering Central Banks: Theorizing State-Economy Boundaries as Central Bank Effects. *Economy and Society*, vol. 51, no 4, pp. 535–558.
- Dabrowski M. (2008). The Global Financial Crisis: Causes, Anti-Crisis Policies and First Lessons. *CESifo Forum, ifo Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München, München*, vol. 9, no 4, pp. 28–32. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/166337> (accessed 21 January 2024).
- Dore R. (2008) Razlichiya yaponskoy i anglo-saksonskoy modeley kapitalizma [Distinctiveness of Japan]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no 1, pp. 65–75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=65 (accessed 21 January 2024) (in Russian).
- Dosdall H., Rom-Jensen B. Z. (2017) Letting Lehman Go: Critique, Social Change, and the Demise of Lehman Brothers. *Historical Social Research*, vol. 42, no 3, pp. 196–217.
- Esposito E. (2013) The Structures of Uncertainty: Performativity and Unpredictability in Economic Operations. *Economy and Society*, vol. 42, no 1, pp. 102–129.

- Fender I., Gyntelberg J. (2008) Overview: Global Financial Crisis Spurs Unprecedented Policy Actions. *BIS Quarterly Review*, vol. 13, no 4, pp. 1–24.
- Forseth U., Røyrvik E. A., Clegg S. (2023) Naturalizing, Normalizing and Neutralizing: Metaphors Framing the Global Financial Crisis in Nordic Banks. *Culture and Organization*, vol. 29, no 2, pp. 157–174.
- Grove H., Patelli L. (2013) Lehman Brothers and Bear Stearns: Risk Assessment and Corporate Governance Differences. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 34, no 1, pp. 611–620.
- Pixley J. (2002) Finance Organizations, Decisions and Emotions. *The British Journal of Sociology*, vol. 53, no 1, pp. 41–65.
- Reed I. A. (2013) Power: Relational, Discursive, and Performative Dimensions. *Sociological Theory*, vol. 31, no 3, pp. 193–218.
- Smelova A. A. (2014) Ekonomicheskaya sotsiologiya phinansovogo krizisa [Economic Sociology of the Financial Crisis]. *Theory and Practice of Social Development = Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. no 2, pp. 10–108 (in Russian).
- Thiemann M. 2022. Growth at Risk: Boundary Walkers, Stylized Facts and the Legitimacy of Countercyclical Interventions. *Economy and Society*, vol. 51, no 4, pp. 630–654.

Received: December 25, 2023

Citation: Pashkov S. G. (2024) “Perphormativnye resheniya v usloviyakh sistemnoy neopredelyonnosti»: kak deystvovala FRS SShA vo vremya mirovogo phinansovogo krizisa 2007–2008 gg. [“Performative Decisions in Conditions of Systemic Uncertainty”: How the US Federal Reserve Sought Solutions During the Global Financial Crisis of 2007–2008. Book Review: Abolafia M. Y. (2020) *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 224 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 161–175. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-161-175](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-161-175) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

И. Д. Наумов, М. И. Алиева

Научная конференция «Природно-климатические решения (Nature-Based Solutions): что Россия может предложить миру?»¹

16 ноября 2023 г., Москва, Россия

НАУМОВ Иван Дмитриевич — магистр философии, аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, лит. А.

Email: inaumov@eu.spb.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) при поддержке Фонда Андрея Мельниченко организовал и провёл в Москве 16 ноября 2023 г. научную конференцию «Природно-климатические решения (Nature-Based Solutions): что Россия может предложить миру?». Более 20 ведущих российских и зарубежных специалистов по проблеме изменения климата из естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин поделились своим мнением о потенциале использования природно-климатических решений (ПКР) в качестве средства противостояния негативным последствиям климатических изменений.

Состоявшаяся конференция обозначила основные направления, в рамках которых возможно реализовать природно-климатические решения. В поле внимания оказались научные исследования экосистем настоящего и прошлого, а также модели, предлагающие сценарии развития климата будущего. Обсуждение российских ПКР-инициатив, как действующих, так и потенциальных, велось через призму исторического опыта и международных практик.

Конференция состояла из пяти тематических секций и закончилась общей дискуссией, в которой приняли участие молодые учёные и аспиранты, специализирующиеся на изучении различных компонентов системы Земли. Первая секция была посвящена роли климатических наук в выстраивании климатической политики, а также месту ПКР в ряду других мер борьбы с негативными последствиями глобального потепления. В рамках второй секции предметом обсуждения стали существующие инструменты необходимые для успешной реализации ПКР-инициатив. Третья секция была сосредоточена на представлении и критическом рассмотрении ПКР, уже реализуемых на территории России — Плейстоценового парка в Республике Саха и сети карбоновых полигонов. Наконец, четвёртая и пятая панели были посвящены потенциальным ПКР по митигации и адаптации, реализация которых возможна в России уже в ближайшем будущем.

¹ См. программу конференции на сайте Европейского университета в Санкт-Петербурге: <https://euspb.org/events/konferenciya-prirodno-klimaticheskie-resheniya-nature-based-solutions-chto-rossiya-mozhet-predlozhit-miru>

АЛИЕВА Марина Игоревна — магистр политологии, аспирант факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, лит. А.

Email: malieva@eu.spb.ru

Ключевые слова: изменение климата; природно-климатические решения; климатическая политика; выбросы CO₂; смягчение последствий изменений климата; адаптация к изменениям климата.

Конференция открылась выступлениями Андрея Мельниченко (Комитет Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) по климатической политике и углеродному регулированию), Ильи Типунина (Фонд Андрея Мельниченко) и Ольги Бычковой (ЕУСПб).

Андрей Мельниченко очертил текущую мировую климатическую повестку и отметил необходимость нахождения баланса между экономическими и природно-климатическими решениями для преодоления проблемы изменения климата. Илья Типунин рассказал о реализуемых Фондом программах поддержки научных исследований в области климата и природно-климатических проектов. Ольга Бычкова обратила внимание слушателей на низкий уровень озабоченности россиян проблемой климатических изменений и указала на необходимость поддержания постоянного диалога между представителями разных наук, бизнесом, государством и обществом о проблемах климата и планеты.

В рамках работы первой секции участники обсудили роль климатической науки в формировании эффективной климатической политики, а также эффективность ПКР относительно прочих мер борьбы с глобальным потеплением.

Доклад Владимира Катцова (Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова) послужил введением в проблематику использования климатических наук для принятия эффективных управленческих и политических решений. Роль климатологии, согласно автору доклада, состоит лишь в предоставлении информационно-аналитического обеспечения климатической политики. В то же время решения о принятии конкретных мер по митигации и адаптации должны применяться на основании социально-экономической экспертизы.

Анна Романовская (Институт глобального климата и экологии им. академика Ю. А. Израэля РАН) указала на роль ПКР в ряду других мер противодействия негативным последствиям климатических изменений и поделилась мнением о потенциале применения природных решений в России.

Оценку возможного эффекта от применения одного из видов управления солнечной радиацией (Solar Radiation Management, SRM), предполагающего выброс в стратосферу различных типов аэрозоля, дал Евгений Розанов (СПбГУ). Эффектом подобного решения должно стать усиление отражающей способности Земли, что позволит в значительной степени снизить или компенсировать рост глобальной температуры.

Вторая секция конференции была сосредоточена на обсуждении существующих климатических рисков, а также инструментов, необходимых для успешной реализации ПКР-инициатив. Ольга Соломина (Институт геогра-

фии РАН) подчеркнула роль палеоклиматологии в качестве источника информации для принятия решений в области мер митигации последствий климатических изменений и адаптации к ним.

Ольга Золина (Институт океанологии РАН; Университет Гренобль-Альпы — Université Grenoble Alpes) обратила внимание слушателей на существующие в климатической науке проблемы мониторинга и предсказания экстремальных климатических событий. В частности, точность прогнозов изменений в земной системе в масштабах годов и десятилетий по-прежнему остаётся весьма низкой. В подобных условиях одним из возможных выходов является заблаговременная подготовка районов с потенциально высоким риском возникновения разных климатических экстремальных событий на основании оценки потенциальной интенсивности и частоты этих событий в будущем.

Существующие риски, связанные с изменением стока крупных рек в Арктическом регионе, выделила Ирина Федорова (Институт ботаники им. А. Л. Тахтаджяна, Национальная академия наук Республики Армения), предложив возможные ПКР для их преодоления.

В заключительном докладе секции Александр Чернокульский (Институт физики атмосферы им. А. М. Обухова РАН) суммировал известную науке информацию о вызванных изменением климата рисках для лесных экосистем, в первую очередь о лесных пожарах. Так, доля гарей относительно общей площади всех потерь лесного покрова в Сибири в 2001–2020 гг. составила 70,8%.

Третья секция была посвящена ПКР, уже реализуемым на территории России. Никита Зимов рассказал о Плейстоценовом парке — уникальном эксперименте, реализуемом в Республике Саха, и способах восстановления высокопродуктивной экосистемы Мамонтовой степи.

Сергей Гулёв (Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН) поделился мнением о перспективах реализации в России ПКР-инициатив, связанных с поглощающей способностью Мирового океана, и рассказал о четырёх существующих морских карбоновых полигонах — в Калининградской области, Краснодарском крае, Приморском крае и Сахалинской области.

Информацией о текущем состоянии российских лесных карбоновых ферм поделился Александр Ольчев (МГУ им. М. В. Ломоносова). Несмотря на обширную площадь, леса не только могут влиять на климат, но и сами крайне подвержены климатическим изменениям. Измерения показывают, что спелые и перестойные леса являются стоком двуоксида углерода (CO_2). В то же время обезлесение является фактором, усугубляющим последствия изменения климата; в частности, оно ведёт к снижению годовой температуры и годового количества осадков.

В комментарии к представленным в ходе секции докладам Николай Вахтин и Ольга Бычкова из Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) обратили внимание на потенциальные угрозы социального характера, с которыми может столкнуться эксперимент Плейстоценового парка на поздних стадиях реализации, на причины таких угроз и возможные формы их проявления.

Алексей Екайкин (Арктический и антарктический научно-исследовательский институт), основываясь на данных палеоклиматологии, ещё раз подчеркнул решающую роль Мирового океана как главного поглотителя излишков CO_2 .

Высокий потенциал использования лесов и лесоклиматических проектов в качестве поглотителей CO_2 отметил Алексей Алейников (Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН), отдельно подчеркнув роль нетронутых перестойных лесов.

Четвёртая секция конференции была посвящена потенциально возможным ПКР в области митигации негативных последствий климатических изменений. Подобные проекты уже реализуются в других странах, имели место в прошлом и могут быть вновь полезны в настоящем.

Сергей Кирпотин (Томский государственный университет) обратил внимание слушателей на большой потенциал использования болот в качестве пула углерода. Поглощающая способность торфяников, по его мнению, может превосходить аналогичную способность лесов.

Ирина Курганова (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН) обсудила со слушателями потенциал почвенного покрова России в деле противодействия негативным последствиям изменениям климата. Использование почвосберегающего земледелия в России может сказаться на общемировой климатической повестке не меньше, чем лесовосстановление. При переводе на современные агробiotехнологии 50% пахотных угодий России снижение уровня выбросов парниковых газов может составить 50–60% от современных объёмов.

Об отдельных аспектах иммобилизации CO₂ в различных экосистемах рассказала Алла Савенко (МГУ им. М. В. Ломоносова), подтвердив перспективность водно-болотных угодий в качестве стока антропогенного CO₂.

Вячеслав Семёнов (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН) указал на то, что восстановление ранее утраченных запасов почвенного углерода в землях сельскохозяйственного назначения не только обеспечивает повышение плодородия почвы, но и препятствует росту концентрации углерода в атмосфере.

В пятой секции участники продолжили обсуждения потенциальных ПКР, сосредоточившись на проектах адаптации.

Олег Анисимов (Государственный гидрологический институт) рассмотрел возможность использования последствий естественной эволюции арктических экосистем (например, изменения в регионе растительного покрова) в качестве средства борьбы с глобальным потеплением.

Доклад Дмитрия Замолодчикова (Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН) был посвящён существующим общественным инициативам в области ПКР. Особое внимание было уделено «лесным» проектам, осуществляемым в южных регионах Европейской части России.

Павел Константинов (МГУ им. М. В. Ломоносова) выделил ряд возможных проектов адаптации российских городов.

С заключительным комментарием выступил Олег Хархордин (ЕУСПб), обративший внимание слушателей на сложность определения грани между областями «природы» и «общества», «естественного» и «искусственного», что напрямую влияет на принятие решений о включении отдельных инициатив в ранг ПКР.

Завершила конференцию дискуссия, в которой приняли участие молодые учёные и аспиранты, специализирующиеся на изучении различных компонентов системы Земли.

* * *

Ожидается, что конференция станет первым шагом на пути к развитию в России крупной системы природных решений по митигации и адаптации к негативным последствиям климатических изменений.

Одним из значимых результатов дискуссии стало признание того факта, что необходимым условием достижения ощутимых результатов в области развития и продвижения ПКР-инициатив является тесное сотрудничество между представителями естественных, социальных и гуманитарных наук. В условиях, когда человек давно стал фактором, активно влияющим на систему Земли, антропологическая экспертиза зачастую оказывается так же важна, как и геологический анализ, опросный метод позволяет узнать о существующей ситуации на территории не меньше, чем физическая модель, а философские вопросы о границах «естественного» и «искусственного» порой куда больше влияют на принятие решений, чем математический расчёт.

В связи с этим особую важность приобретает и экономическая социология. Внедрение природно-климатических решений неминуемо затронет в том числе интересы местного населения регионов, где планируется реализация ПКР-инициатив. В отдельных случаях ПКР окажут влияние в том числе на местную инфраструктуру, объекты добывающей промышленности и транспортно-логистические узлы. Взгляд представителей экономической социологии, безусловно, будет полезен при разработке политик взаимодействия с местными сообществами, а также плана мероприятий по митигации потенциальных конфликтов интересов.

CONFERENCES

Ivan Naumov, Marina Alieva

Scientific Conference “Nature-Based Solutions: What Russia Can Offer to the World?”

November 16, 2023, Moscow, Russia

NAUMOV, Ivan — MA in Philosophy, PhD student, Faculty of Sociology, European University at St. Petersburg. Address: 6/1 Gagarinskaya str., 191187, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Email: inaumov@eu.spb.ru

ALIEVA, Marina — MA in Political Science, PhD student, Faculty of Political Science, European University at St. Petersburg. Address: 6/1 Gagarinskaya str., 191187, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Email: malieva@eu.spb.ru

Abstract

On 16 November 2023, European University at St. Petersburg, with the support of the Andrey Melnichenko Foundation, organised a scientific conference entitled “Nature-Based Solutions: What Russia Can Offer to the World?” More than twenty leading Russian and foreign climate change experts from natural and social science shared their views on the potential of using nature-based solutions (NBS) as a means of countering the negative effects of global warming.

The conference outlined the main areas in which NBS can be realised. The focus was on scientific research on present and past ecosystems, as well as models that offer scenarios of future climate development. Russian NBS initiatives, both current and potential, were discussed through the prism of historical experience and international practices.

The conference consisted of five thematic panels and ended with a general discussion involving young scientists and graduate students specialising on various components of the Earth system. The first panel was devoted to discussing the role of climate science in building climate policy, as

well as the place of the NBS among other measures to deal with global warming. In the second panel, participants discussed the existing tools needed for successful implementation of NBS. The third panel focused on the presentation and discussion of NBS already being implemented in Russia: Pleistocene Park and the Carboniferous polygon network. Finally, the fourth and fifth panels were devoted to discussing potential mitigation and adaptation of NBS that could be implemented in Russia in the near future.

Keywords: climate change; nature-based solutions; climate policy; CO₂ emissions; climate change mitigation; climate change adaptation.

Received: November 30, 2023

Citation: Naumov I., Alieva M. (2024) Nauchnaya konpherentsiya «Prirodno-klimaticheskie resheniya (Nature-Based Solutions): chto Rossiya mozhet predlozhit' miru?» [Scientific Conference “Nature-Based Solutions: What Russia Can Offer to the World?”], November 16, 2023, Moscow, Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotstologiya*, vol. 25, no 1, pp. 176–181. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-176-181](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-176-181) (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 25. № 1.
Январь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 25. No 1.
January 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>